

Алан Нукланд
Эпоха Полтины
Декста Квинта

Колониальная Война за Независимость окончена, и в ней не оказалось победителей. Мир, переживший последствия магических коллапсов, гибнет, но люди упорно продолжают цепляться за жизнь: политики-утописты пытаются объединить разрозненные народы, при этом кардинально перестраивая само общество, а последние истинные маги поддерживают сеть Рубежных Башен, защищая Колонии от губительной мощи стихий.

Но опасность исходит не только от разрушительных катаклизмов...

Эпоха Полтины. Декста Квинта. Глава 1. Aegis Materium

С каждым новым днём становится всё сложнее открывать глаза, смотреть в потолок, покрытый желтыми разводами, и лежать в неподвижности на впивающейся в спину жесткой кровати до тех пор, пока твоё тело не занемет окончательно. Но вскоре нестерпимая головная боль заставляет подняться, чтобы найти способ избавиться от неё.

Холодная вода из ржавого крана никогда не помогает ему почувствовать себя лучше, зато немного бодрит и смывает остатки сна. После этого взгляд обычно ловит своё отражение в мутном зеркале, вот только лицезрение собственной заросшей и опухшей рожи уже давно не воодушевляет. Да и вид запущенного жилища, заваленного бутылками и окурками, оптимизма не прибавлял — как и жуткое похмелье, которое дарит поганое ощущение нагадивших в рот кошек. Ко всему прочему ни в одной бутылке не сохранилось даже капли дешевого алкоголя, который сейчас так необходим больной голове. Поэтому всё, что ему остается, это взять мятую пачку папирос и хрипло выругаться.

Последняя.

Спички пришлось поискать, но вскоре нашлись и они. Лежали в кастрюле с какой-то жижей, когда-то вероятно бывшей супом. Первая спичка сломалась. Вторая стёрлась о влажную ленту. Третья загорелась, но тут же погасла.

И тогда он взорвался.

Коробка со смачным шлепком впечаталась в стену, на пол полетели кастрюли, забрызгав его ботинки вонючей дрянью, стул разлетелся вдребезги вместе с зеркалом, кровать была перевёрнута. Тело трясло, сердце яростно билось, а грудная клетка горела от сухого кашля.

— Мэссэр Кейн, ваше состояние оценено как нестабильное. Вам рекомендован визит к врачу. — Монотонный, безжизненный голос, исходящий из головы декоративного оленя прибитого к стене над кроватью, выводил из себя ещё сильнее прежнего.

— Заткнись... Совет бездушной дряни мне нужен в последнюю очередь, — хриплым голосом огрызнулся Кейн.

— Состояние вашей психики на данный момент неуравновешенно. Вы можете представлять угрозу для общества. Я обязан сообщить вам, что это может привести к очередному предупреждению, которое будет внесено в ваше личное дело. Согласно моим данным, существует опасность депортации из республики Акмеи.

— Катись в бездну!

Брошенная бутылка разлетелась об оленью голову и оставила её без одного рога. Натянув валяющуюся у порога изношенную куртку, он покинул дом. Дверь с облупившейся зелёной краской уже осталась за спиной, но до него всё равно донеслось отдаленное: Доообррроогг..о..оо... дняя-а-а мэссэр Кее..е..йн... Застегивая по дороге редкие пуговицы, Кейн кривил обветренные губы в злорадной усмешке. Судя по всему, его надзиратель нуждается в починке. Хотя это и не совсем хорошо — несмотря на свою услужливость, антураж уже наверняка доложил о случившемся часовым.

Должно быть уже наступило утро, поэтому на улице было довольно людно и он буравил взглядом своих чёрных глаз каждого. Кто же из них сейчас подойдет к нему, возьмет под руку и вежливым тоном попросит пройти с ним? Может, вот этот толстый очкарик в

старом сером костюмчике? Или вот эта девка с кривым носом, протирающая витрину грязной тряпицей? Хотя почему бы этим кем-то не быть пацаненку с жидкими волосёнками, который смотрит на него своими ярко голубыми глазами?

Виски стянула тупая боль и перед глазами всё поплыло. Чувствуя, что вот-вот свалится посреди мостовой, Кейн, расталкивая прохожих, доковылял до стены и привалился к ней спиной. Запрокинув голову, он вперил затуманенный взгляд в свинцовые облака смога, что едва светлели над головой. Кейн усмехнулся. Ну вот, он был прав, утро уже наступило. И вновь впереди ждёт тёмный, мрачный, без единого луча света день. Этот чёртов смог держится уже порядка двадцати дней, если не больше.

Двадцать дней без солнца. Это угнетает. Вгоняет в тоску и уныние, от которой только один выход — напиться до беспамятства.

Оторвавшись от стены он пошел дальше. Выйдя на набережную с которой открывался вид на порт, Кейн встал у парапета. Ноздри щекотал солёный запах моря, холодный ветер трепал неряшливую одежду, а шелест волн успокаивал ноющую голову. Иногда, очень редко, он испытывал жгучее желание плюнуть на всё и сесть на один из множества кораблей, которые прибывали сюда чуть ли не каждый день, и уплыть... Куда? Да хоть куда-нибудь, лишь бы подальше. Говорят, многие ветераны подались в Накруш, там их навыки ещё хоть кому-то нужны. Но стать наёмником означало вновь взяться за шпагу и проливать кровь, а для этого Кейн был уже слишком стар — хотя странно такое говорить в его-то сорок четыре. К тому же, если ему захочется неприятностей, то их можно найти и в Акмее.

Словно в ответ на его мысли позади раздался писклявый голос:

— Огонька?

От неожиданности он слегка вздрогнул, кулаки непроизвольно сжались.

— Оу-оу! Полегче Брустер, это всего лишь я, а не секурист какой!

Узнав в мелком, лысеющем толстячке Тайла, Кейн расслабился.

— Что тебе нужно, Шэмит? Я не в настроении чесать языком с журналюгами.

Шэмит встал рядом и достал портсигар из внутреннего кармана синего сюртука.

— А ты вообще когда-нибудь бываешь в настроении? Ладно-ладно, не смотри так, а то ещё дырку во мне прожжёшь. И вообще, мы с тобой не виделись уже бездну времени, а ты мне едва голову не проломил из-за того, что я наивно поинтересовался, не нужно ли тебе огонька. Ироничная была бы смерть, не находишь? — протянув ему портсигар, поспешил добавить: — Лантанские, угощайся.

Взяв папиросу, дождался, пока Тайл зажжёт спичку, и подкурил с его руки. Дым заполнил истомившиеся лёгкие и он невольно задержал дыхание и прикрыл глаза. Отменное курево. Хотя другого на Лантане и не производят.

— Слышал, ты всё также работаешь портовым грузчиком? — голос Шэмита вернул его обратно в реальность.

— Верно слышал. — Чтобы ему ответить, пришлось выдохнуть весь дым. Опережая вновь открывшего было рот журналиста, задал свой вопрос: — Что тебе от меня нужно, Шэмит? Ты ведь наверняка не зря навёл справки про мою работу, и тут сейчас стоишь не просто так.

Тайл как-то сразу стушевался и замолчал. Его маленькие глазки забегали по пристани и наконец взметнулись к небесам.

— Двадцать второй день без солнца, Кейн. Тебя это не пугает? Кто-то уже говорит, что в этот раз тёмные дни продлятся дольше и даже побьют бывший рекорд в четыре десятка...

Проклятый смог... Многие даже ставки делают. О! И о конце света кстати лапочут! Делексиаты вообще беснуются по этому поводу, готовятся со дня на день отправится в бездну. Представь себе, — журналист хлопнул его по руке, — они даже выявили конкретную дату! Не верится конечно, но всё-таки...

— Ты виляешь как блудливая корова, Шэмит. Меня это начинает раздражать.

Тайл покосился на него и натянуто улыбнулся.

— Извини... Нервы. Я так-то действительно по делу к тебе. В общем в прошлый раз, ну тогда, когда ты мне помог разгрести то дело с фальсификацией трудовых данных от подрядчиков... — он нервно огляделся, — тех подрядчиков короче. Это мне помогло и моя газетка поднялась — Адамантский Вестник уже не бульварное чтиво, меня теперь спонсируют большие люди, кое-кто из партии гуманистов. Ты ведь знаешь, что сейчас начнутся выборы правящей партии?

Кейн кивнул, затягиваясь:

— Что-то такое слышал.

— Ну так вот, политическое противостояние в самом разгаре: консерваторы опасаются, что их обойдут мягкотелые человеколюбы, а либералы боятся прихода к власти силовиков, у которых из-за того, что консервы дали слабину, появились неплохие шансы на победу. А это, знаешь ли, чревато последствиями: начиная от полной изоляции республики и сворачивания всех интеграционных процессов, и заканчивая реабилитацией военщины. С такими перспективами кто угодно занервничает. — Тайл облизнул пересохшие губы, приблизился к нему почти вплотную и понизил голос: — И для того, чтобы всего этого избежать, победу должна одержать партия гуманистов. А для этого...

— Для этого тебе нужен компромат на милитаристов, — Кейн криво усмехнулся.

— Не обязательно, хотя лишней такая информация не будет, — не моргнув глазом ответил Шэмит. — Но основной стратегией всё же является подтверждение того, что партия выполняет свою работу и выполняет её хорошо. И я, как заинтересованное лицо, всячески им помогаю в поисках оной. Так вот, мне тут шепнули, что сейчас гильдия Aegis Materium набирает добровольцев для работы на Яме-Винтада. Всё бы ничего, вот только шибко много ребят с военным прошлым они набирают. Соображаешь в чем тут соль?

Задумчивым взглядом провожая освещенную тусклыми фонарями баркентину, которую он вчера закончил загружать товаром, предназначенным для Эг-Вигади, Кейн пустил в её сторону струю дыма. На этой крошке даже пушек не было, что, по его мнению, было весьма скверно, хоть воды до Эг-Вигади и были сравнительно спокойны.

— Эгида набирает ветеранов? А ты ничего не путаешь ли? Не тебе мне напоминать о том, что никаких ветеранов нет и не было в помине, м?

— Не мне, ты прав. Но, тем не менее, это так. Гильдия набирает их в том числе через непубличные общества фронтовиков, которые существуют под патронажем милитаристов. Не спрашивай, как я это узнал. У меня тоже есть связи, а после твоей помощи их изрядно прибавилось, — он самодовольно улыбнулся. — Эгида имеет политическое лобби, а значит, если они не честно ведут игру и нарушают гуманитарный закон, то для либералов это будет плюсом.

— Только если это удастся доказать. — Кейн сплюнул. — Может там и рыть нечего.

— Не соглашусь. Если там всё так гладко, тогда зачем столько солдат? — с нажимом спросил Тайл. — Зачем усиливать свою и без того не маленькую армию? Нет, здесь определённо что-то не чисто. Поэтому я и пришел к тебе. Ведь ты у нас ветеран, я и

подумал, что...

— Что я был бы тебе полезен, а? — прервав его, Брустер угрожающе придвинулся к мгновенно вспотевшему журналисту и грубо ткнул его в грудь двумя пальцами с зажатой в них папиросой, пепел от которой упал на аккуратно выглаженный синий сюртучок толстяка. — Позволь мне уточнить, Шэмит — ты хочешь, чтобы я кинул работу грузчика и помчался на Винтаду вынюхивать сенсацию в твою бульварную газетёнку? А ты подумал своим маленьким мозгом, что после этого мне путь в Акмею заказан?

Не выдержав его прямого взгляда Тайл поспешно отвёл глаза.

— Кейн, Кейн... тебе лучше меня известно, что на харчах грузчика состояние не сколотишь, — залопотал он. — Особенно ветерану колониальной войны. Ты в зеркало-то себя давно видел? Ты спившийся алкоголик, Брустер! А я прошу тебя оказать обществу неоценимую услугу. Услугу, которая важнее того, что ты половину дня горбатишься на себя, а вторую на благо города. От этого, возможно, зависит будущее республики! А насчет высылки из города — я же тебе не за бесплатно это предлагаю. Марок хватит на то, чтобы прикупить себе домик где-нибудь на Эг-Вигади. Ну, что скажешь?

— Скажу, что мне пора возвращаться и батрачить грузчиком в порту.

Выбросив окурок в тёмные воды акмейской пристани, он кинул последний презрительный взгляд на Тайла Шэмита и ушёл прочь.

2.

Крики, смех, галдёж и маты со всех сторон. В течение пятнадцати лет, каждый послерабочий вечер Кейн проводил в этом душном кабаке на пристани, просаживая заработанные марки, надираясь до потери сознания и горланя песни с таким же сбродом, как и он сам. Это уже давно стало его личной традицией, которой вряд ли можно гордиться. Но на этот раз его не тянуло пить вместе с остальными и орать пошлые песенки. Сегодня он сидел за дальним столиком и потягивал разбодяженный виски в одиночестве, выкуривая смердящие папироски одну за одной и лениво наблюдая за народом время от времени. Каждый здесь знал, что если Брустер хочет побыть один, то к нему лучше не лезть — если дороги золотые коронки.

Разговор с Шэмитом всё никак не лез у него из головы. Услышанное было весьма заманчиво, и дело было даже не в том, что журналист обещал ему кругленькую сумму — он уже давно не гонялся за заработком, да в принципе никогда особо и не гнался. А вот то, что Эгида набирает бывших военных, было весьма интересно. Шэмит мог поспособствовать попасть туда, а это был шанс вырваться отсюда и найти себе применение получше, чем тянуть лямку в порту — всё-таки какая-никакая, а служба, пусть и в рядах гильдии. К тому же добытый компромат можно сливать Тайлу, что при необходимости обеспечит ему тугую мощну. Да и связи среди либералов лишними не будут — пусть он и не особо любил цацканье со всякими "обездоленными жителями периферии" и вечные разговоры о человеколюбии, но благодаря их законам многим, и ему в том числе, открылась возможность "оцивилизоваться" и осесть тут, в тепленькой Акмее. А это сегодня немало стоит.

Его мысли прервал пьяный рёв, разнёсшийся по всему кабаку:

— За Империю! Пью за землю м-мать, породившую меня! И за славу её, ныне позабытую!!!

Кейну даже не надо было смотреть в ту сторону, чтобы узнать крикуна. Его позабавило то, что после этого зычного тоста весь кабац в страхе притих. Собственно, так происходило всегда, когда кто-то отваживался помянуть былые дни. Особенно когда поминали империю в колониальном городе.

Ухмыльнувшись, он наполнил свой стакан виски, поднялся и направился к массивной фигуре в алом плаще у стойки бара. Отодвинув стул с лежащей на ней широкополой шляпой такого же цвета, встал рядом и, обведя насмешливым взглядом посетителей кабака, громко и чётко произнёс:

— Пью за всех имперских говноедов, которых я отправил в огненное пекло на медленную прожарку до хрустящей корочки!

Пустой стакан со стуком опустился на стойку вверх дном. Кейн повернулся к обладателю алого плаща и наткнулся на прямой и яростный взгляд голубых глаз. На мужественном лице играли желваки, а губы кривились в презрении. Но, тем не менее, он держал себя в руках. Перевернув стакан Кейна, голубоглазый наполнил его янтарной жидкостью и пододвинул к нему, после чего также размеренно налил себе.

— Угощайся, Брустер.

— Благодарю, Дрэмм. Что-то давно тебя не видел. — Подняв стакан, он посмотрел сквозь него на собеседника. — Или ты наконец-то закончил завивать свою шевелюру и благородный барон соизволил пожаловать в наше низменное общество?

Дрэмм помедлил с выпивкой и, фальшиво посмеявшись, чокнулся с Кейном.

— Жаль, что мы не столкнулись на Рулофе. — Даже не скривившись от крепкого виски, добавил: — Я бы вогнал двуручник в твой зад и хорошенько провернул. Тебе бы понравилось, поверь мне.

— Хах! Дрэмм, твоя личная жизнь начинает меня пугать! — видя, как дёрнулось лицо Дрэмма, Кейн усмехнулся и опрокинул в себя выпивку. — М, бездна, Лотар! Хороший виски! У тебя как всегда отменный вкус... И кстати, на Рулофе мы вас всё-таки знатно порвали. Как вспомню те славные деньки, так ухх! Душа радуется, не поверишь как... А знаешь, — он пододвинулся к нему немного ближе, — приятно осознавать, что я приложил руку к тому, чтобы вы все попались в ловушку и передохли как крысы.

Он протянул это с таким наслаждением, что Дрэмм потерял самообладание. Несмотря на то, что Кейн был готов к удару, увернуться от него всё же не смог и получил левой прямо в лицо. Его бросило в сторону, но он успел ухватиться за стул и по инерции, с разворота, разбил его в щепки об успевшего поднять руку для защиты Лотара. Этот же кабан кинулся на него как ни в чём не бывало.

Такого коня не то что стулом — дубовым столом не прошибёшь — эта мысль мелькнула и тут же пропала. Сознание было больше поглощено обороной, чем философскими размышлениями. В этом случае факт опьянения был явно не в его пользу, хотя соперник тоже был далеко не трезв. Но у того это целиком компенсировалось буйной яростью, а Кейну оставалось только этим помешательством пользоваться и бить Дрэмма ножками от табурета, оставшимися у него в руках. Если бы он хотел его убить, то намного проще было бы пырнуть обломком в шею или глаз, но убийство не входило в его планы.

Есть! Увернувшись от особенно размашистого удара, он со всей силы заехал деревяшкой в челюсть взбесившемуся барону. Того хорошенько качнуло, но не остановило. Лотар

бросился вперёд, схватил в охапку Кейна, и вместе они проломили окно кабака и камень мостовой хорошенько поприветствовал Брустера, а туша Дрэмма сверху чуть не раздавила его. Несмотря на оглушение и красные блики в глазах, ему удалось скинуть с себя Лотара. Но когда он попытался подняться, до него вдруг донёлся крик: Часовые!.

Кейн успел увидеть лишь какие-то тёмные фигуры, окружившие их с Дрэммом, затем яркий белый свет отправил его в глубокое забытие.

3.

Пробуждение вновь было не из приятных. Тело болело, губа саднила, а прикасаться к затылку вообще не стоило. Живот крутило похлеще ветряной мельницы и его бы наверняка вывернуло, только было бы чем.

Стараясь не делать лишних движений, Кейн рассматривал разводы на стенах и пытался ни о чем не думать. За столько лет проведённых здесь он уже выучил каждый виток этих желтых линий, сеткой змеящихся по потолку. Взгляд лениво скользил по ним и это в какой-то степени помогало расслабиться.

Сила привычки.

Это как с папиросой — если утром не выкуришь хоть одну, не будет тебе покоя до тех пор, пока не затлеет алый огонек и тягучий дым не наполнит лёгкие до предела, и ты не увидишь, как он клубится перед глазами.

Бездна! От мыслей о папиросах в груди начало противно покалывать.

Устало прикрыв глаза, Кейн сжал переносицу и слегка помассировал. Сознание неспешно восстанавливало цепь вчерашних событий и ему удалось вспомнить практически всё, кроме того, что было после прихода в кабак — дальше пустота. Видимо, он знатно напился. Судя по ссадине на губе и ноющим рёбрам (хотя, что там рёбрам — ныло всё тело, особенно спина) ему ещё и накостыляли отменно. Он с усмешкой обвёл взглядом свою комнатку — ага, а потом ещё и домой привели да спать уложили. Остаётся надеяться, что ничего не упёрли.

Внимание Кейна вдруг привлекла голова оленя над кроватью.

Его рога были целыми.

Странно... вроде бы он вчера его поломал, разве нет? Хотя это могло и показаться в пьяном угаре. Кейн нахмурился и задумчиво потёр лоб. У него и раньше были подобные провалы в памяти, особенно когда напивался в хлам, так что сильно удивлён он не был.

Задержав дыхание Брустер поднялся и сел на кровати. От резких движений всё поплыло и заиграло цветными бликами, а в горле встал мерзкий комок.

Его всё-таки вырвало.

Прижимаясь лбом к холодному полу и тяжело дыша, Кейн пытался замедлить бешеный ритм сердца.

Как же его всё это достало. Лучше бы он умер на войне, всем было бы от этого легче. Одним солдатом больше, одним меньше — какая разница? Почему его не пронзило арбалетным болтом, не прошило мушкетной пулей, не ударила смертоносная молния хотя бы одного имперского мага, которых он так остервенело истреблял?

Кейн зашелся в хриплом хохоте.

Да, та ещё задачка — умереть на войне которой не было!

Некоторое время спустя истерика прошла и ему полегчало настолько, что он смог встать и умыться. Выпитая из бадьи холодная вода растеклась по груди, оставляя после себя прекрасное ощущение свежести. Это окончательно привело его в чувство. Теперь можно было бы и перекусить завалившейся где-то банкой консервов и идти на работу, но вот последнего чертовски не хотелось делать. И именно это нежелание натолкнуло на мысль посетить старого приятеля — у него-то наверняка есть что выпить и чем закусить.

Накинув куртку Брустер вышел на улицу. Было довольно прохладно, но застёгиваться было лень и он шел на распашку. Затянутые серым смогом небеса сегодня были светлее и уже не так угнетали. Хотя люди и так к ним привыкли. Человек вообще ко всему привыкает, такова уж его природа. И Кейн не был исключением, уже давно привыкнув к этому городу, к этим законам, к этому обществу, да и вообще ко всему. Так и жил, не замечая своего окружения, а окружение не замечало его. В этом вопросе был найден идеальный компромисс.

Кейн остановился перед красной дубовой дверью. Взявшись за стальное кольцо, зажатое в львиных клыках на двери, несколько раз громко постучал. Ему незамедлительно ответил приятный женский голос:

— Здравствуйте. Пожалуйста, назовите себя и огласите цель визита.

— Кейн Брустер, пришел выбить дурь из Лотара Дрэмма.

Прошло минут пять, прежде чем дверь всё-таки открылась. Миновав тесный коридорчик Кейн оказался в просторной комнате. С того раза, как он тут был в последний раз, ничего кардинально не изменилось: повсюду декоративные светильники в виде свечей, мягкий ковёр под ногами, красивые муляжи мечей, щитов и топоров на стенах, лакированный дубовый стол у окна и несколько резных стульев вокруг него. Не долго думая Брустер плюхнулся в мягкое кресло, закинул ногу на ногу и стал рассматривать откровенный портрет имперской куртизанки над большой двуспальной кроватью, застеленной красными покрывалами — у Лотара была слабость к красному цвету.

Вскоре появился и сам хозяин квартиры с влажными волосами до плеч. Судя по его недовольному лицу, он не был рад раннему гостю.

— Чем обязан? Денег в долг не дам, сначала старое верни. — Дрэмм скрестил руки на груди и оперся плечом на одну из четырёх резных ножек кровати, выполненных в виде обнаженных дев, тянувшихся руками к потолку.

— Да? А мне казалось, что я тебе всё вернул. — Кейн ухмыльнулся разбитой губой, отчего запёкшаяся было на ней корочка лопнула. Скривившись, облизнул ранку и промокнул её рукавом. — Что-то ты какой-то помятый, Лотар. Синяки на руке и ссадина на челюсти тебя, наверное, безмерно радуют, да?

— На себя сначала посмотри. — Дрэмм нахмурился. — Тебе-то кто наkostenялял?

Кейн пожал плечами и уставился на куртизанку.

— А шут его знает, не помню. Может, это даже мы друг другу навалили.

Лотар окинул гостя задумчивым взглядом: неопрятно одет в видавшие виды одежды, костяшки пальцев на грязных руках, с обкусанными под корень ногтями, сбиты и покрыты корочкой из запекшейся крови; чёрные глаза глубоко посажены на худощавом лице с жесткой бородой, а спутанные и засаленные волосы с проседью разбросаны по плечам. Бывший барон не переставал удивлялся тому, как, несмотря на практически каждодневные потасовки, ему удалось не только сохранить все зубы, но и умудриться ни разу не сломать

прямого носа. Не меньше удивлял и тот факт, что они были своего рода друзьями. Это было поразительно, если учитывать, что Брустер был колонистом, а он имперцем. Хотя, как говорят в народе — солдат солдату ровня, независимо от того, за чью сторону они воюют. Поэтому, несмотря на свою глубокую неприязнь к Кейну, Лотар сразу понял, к чему тот ведёт. Повернувшись к портрету куртизанки, он засунул руку под полог и что-то быстро прошептал — картина едва заметно потускнела.

— Думаешь, нас разняли часовые и наложили чары забвения? — Дрэмм сел на кровать.

Кейн вновь пожал плечами.

— Не исключено. Контроль за делами и мыслями в Акмее новость не новая. — Он задумчиво поскрёб свою щетину. — Ты кстати сейчас как, всё также булавки точишь?

Дрэмм скривился.

— Не булавки, а гвозди. Я точу гвозди.

— Да без разницы, всё равно точишь. Просто у меня тут открылась заманчивая перспектива по смене работы. Интересует?

— Скажем так, я готов выслушать.

— Вот и славно, — Кейн подался вперёд, сцепил руки в замок и сложил их на колени. — Мне тут шепнули, что Эгида набирает ветеранскую братию для работы на Винтаде.

— И? — Дрэмм выгнул бровь. — Не вижу ничего заманчивого.

— Разве? Что у меня, что у тебя работа-то дрянь — я грузчик, ты гвозди точишь. По мне так лучше помереть где-нибудь, чем продолжать гнить здесь.

— Ну если ты так торопишься отправиться к Теламару, то я готов тебе помочь. Тебе что больше нравится, петля или меч? — Лотар поднялся, снял со стены один из декоративных мечей и деловито осмотрел его. — Правда рубить придётся долго, кроме муляжа ничего нет. Но я постараюсь, можешь мне довериться. Мы же с тобой друзья.

— Ага, и после того, как ты отправишь меня в бездну, тебя сразу же выпрут из Акмеи. — Кейн раздраженно дёрнул губой. — Слушай, неужели тебе здесь так нравится?

— Вот именно, — Дрэмм вернул меч на место, — мне и тут неплохо живётся: хороший дом, простая работа и денег хватает на куртизанок по выходным. Зачем мне рисковать своей шкурой ради чего-то эфемерного? Проще уж продолжать жить в Акмее.

Кейн развел руками:

— Дело твоё. Я предложил, ты отказался. Не буду тебе мешать подышать со скуки и дальше. — Кейн встал и направился к выходу, но у самой двери обернулся. — Прощай, может больше и не свидимся.

Не дожидаясь ответа он вышел из дома.

4.

Кран громко хрипел, выплёвывая мутную воду, которая перед тем как исчезнуть в нутре ржавой раковины, смешивалась со свежей кровью на его руках и становилась слегка розоватой. Ополоснув руки, Бэн ещё раз тщательно промыл их с дезинфицирующей жидкостью, после чего стряхнул воду и насухо вытер тряпкой. Повернувшись к столу, взял поднос с уже обработанными инструментами и, пройдя в конец комнаты, аккуратно опустил

их в раствор.

Он замер, когда со стола позади него раздалось тихое поскуливание. Прищурившись, Бэн слегка повернул голову и внимательно прислушался. Скулёж повторился. Нахмурившись, он открыл настенный шкафчик и извлёк стальной шприц с длинной иглой и ампулу с голубым препаратом. Встряхнув раствор, проткнул пробку и заполнил шприц на два деления. Вернув ампулу на место, приблизился к столу и нежно погладил перебинтованного пса, который жалобно скулил, смотря на него полными боли глазами. Ободряюще улыбнувшись, Бэн мягко ввёл иглу в мышцу и вскоре собака погрузилась в сон. Отложив шприц, он взял пса на руки и перенёс в клетку, в которую ранее положил удобную подстилку. Погладив его напоследок, закрыл дверцу и вышел из операционной.

Устало сев за стол, Бэн зевнул и хрустнул пальцами, после чего лениво постучал костяшками по чугунному бюсту, у которого отсутствовала левая часть лица. Причём сама фигура была асимметрична, что создавало вид, словно бы недостающий кусок головы был вырван. Помнится, именно из-за этого дефекта ему и не хотели продавать его, но он настоял.

— Слушаю вас, мэссэр Уилторс. — Бэн улыбнулся, услышав этот жуткий скрипучий голос, который раздался из разорванной головы.

— Передай господину Нифалу, что с его Найло всё хорошо и он может забрать его домой.

— Будет исполнено, — проговорил антураж и вновь умолк.

Он вновь было откинулся на спинку кресла, но расслабиться ему не дали. Колокольчик над дверью тихонько звякнул, извещая о приходе нового клиента, и Бэн был вынужден подняться и пройти за высокую стойку у правой стены. В приёмную вошла знакомая фигура сгорбленной, шаркающей ногами и жеманно улыбающейся ярко накрашенными губами старушки, в маленькой чёрной шляпке на голове и с оттягивающей одну руку клеткой. Доктор через силу выдавил из себя улыбку и поприветствовал её:

— Госпожа Датлди, добрый день!

— Ох, оставьте, — она замахала свободной рукой. — Какой же это добрый день, если солнце не может погреть мои старые косточки? А ведь когда-то меня уверяли, что на Эг-Вигади можно жить беззаботно! Вокруг одни вруны и проходимцы.

— Куда же без них, — поддакнул он.

— Никуда. Только напрямиком в могилу.

Это я бы с радостью устроил, — подумал про себя Бэн, а вслух произнёс:

— Вы ещё всех нас переживёте, госпожа Датлди.

— Уж я-то постараюсь прожить ещё годок, — она поставила на стойку клетку и её лицо мгновенно изменилось: она посмотрела на него таким грустным взглядом и заговорила таким жалобным голосом, словно хотела, чтобы он почувствовал всю потаённую в ней скорбь и глубокие страдания, которые она ежесекундно испытывает, — а вот моя Мисси, по видимому, не дотянет и до завтра.

Старушка вытащила заранее подготовленный платок и промокнула невидимые слёзы. Бэн нахмурился и заглянул в клетку, где на голом полу лежал усмарский тион, стоивший в колониях несколько тысяч марок.

— А что опять случилось?

— Не знаю! — Датлди всплеснула руками. — Она просто лежит целыми днями, ничего не ест и очень тяжело дышит. Бедняжка Мисси. Она даже начала гадить под себя, представляете? — На мгновение жалобный тон сменился возмущенным и она, поджав губы,

бросила недовольный взгляд на клетку. Но потом её лицо разгладилось и грустная улыбка вновь вернулась. — А может... может её лучше удавить, чтобы не мучилась?

Лицо Бэна окаменело и он сухо произнёс:

— Сейчас посмотрим, что с ней не так.

Постелив на стойку мягкую подстилку, он открыл клетку и осторожно достал из неё собачку, которая испуганно забила как можно дальше и отказывалась покидать её. Госпожа Датлди внимательно наблюдала за тем, как он поглаживает истощавшую собачку и осторожно ощупывает её.

— Не перестаю удивляться тому, что такой здоровяк как вы, лечит животных. Вам бы в кузне молотом ворочать, а не тварей дрожащих спасать. Это ещё хорошо, что вы не имперец.

Бэн на мгновение замер, а потом как можно непринуждённое спросил, продолжая осмотр:

— А что, есть разница в том, кто именно лечит?

— Конечно, — казалось, она была шокирована до глубины души тем, что он не понимает таких элементарных вещей. — Все имперцы подлые скоты, пожри их бездна! В них нет ни капли сострадания не то что к животным, а даже к собственным детям.

— Неужели... — руки у него задрожали и его взгляд невольно метнулся к антуражу. Он во всех красках представил себе, как хватает эту старую стерву за шкуру и остервенело вминает её лицо этой полубашкой. С большим трудом он отвёл взгляд и сосредоточился на собачке.

— Да, можете себе представить, — продолжала распалаться Датлди. — Они совершенно не заботились о своих выродках. С детства воспитывали в них жестокость и ненависть к нам, к колонистам, и заставляли приносить кровавые жертвы своим бесовским божкам! Нелюдь одним словом. И знаете, я слышала, — она опёрлась руками на стойку и подалась вперёд, — что они живут среди нас! Да-да, представьте себе! А ведь все наши беды только из-за них. Как по мне, так выселить бы их всех до одного за барьер и дело с концом — если они так верят в своих хваленых богов, то пусть они и спасают это прогнившее племя. А мы уже достаточно от них натерпелись. Вон — она махнула рукой, — вся страна лежит в руинах. Так что пусть или отработывают, или отправляются на все четыре стороны. Мы их кормить не обязаны. Я даже уверена, что когда последний имперец покинет Колонии, солнце сразу же засияет. Вот так вот.

Бэн сжал челюсти и старался глубоко дышать. На его побледневшем лице играли желваки, щека нервно дёргалась, но пока что ему удавалось держать себя в руках.

— Госпожа, — он прочистил горло, — госпожа Датлди, сколько раз в день вы обычно кормите Мисси?

Старушка скривилась и хмуро посмотрела на него.

— Так я же вам говорю, что эта шавка не жрёт ни черта!

— Нет, я не об этом. Я о том, сколько раз в день вы её кормили до того, как она заболела.

— Так сразу бы и спросили. Я кормлю её один раз по утрам.

Бэн выпустил воздух сквозь зубы.

— Госпожа Датлди, в прошлый раз, когда она... вывихнула ножку, я говорил вам, чтобы вы её хорошо кормили.

— Так она же потом выздоровела, и я вернула её на прежний режим. — Старушка вскинула подбородок. — Животное не должно привыкать к беззаботной и лёгкой жизни, на

то оно и животное.

Сердце Бэна яростно билось в груди, а перед глазами вспыхивали алые круги, словно ему не хватало воздуха. В этот момент его пальцы слегка прикоснулись к грудной клетке собачки и та жалобно заскулила. Замерев на долю секунды он, тем не менее, продолжил ощупывать её грудь. Наконец Уилторс закончил и, посмотрев на притихшую старушку, бесстрастно сообщил:

— У Мисси проблемы с лёгкими, но я смогу её вылечить.

— Да? Правда? — Датлди недоверчиво посмотрела на свою собаку, а когда вновь подняла взгляд на него, то на её лице уже играла улыбка, от которой ему захотелось свернуть старухе шею. — Вот и отлично! Прекрасные новости! Вы вернули мне надежду, мэссэр Уилторс. — Она склонилась над Мисси и, покачивая головой, проворковала: — Вот видишь, Мисси, скоро добрый доктор вылечит тебя и ты вернёшься домой. Правда, здорово?

Когда она выпрямилась и, помешкав, потянулась к своей сумочке, Бэн её остановил.

— Оплату внесёте позже, после лечения.

С видимым облегчением она перестала рыться в сумке.

Подавшись своими деньгами, грэйвра! — злобно подумал Бэн и поспешил как можно быстрее распрощаться со старухой.

— Я дам вам знать, когда вы сможете забрать её.

— О, мэссэр Уилторс, я вас благодарю от всей души. — Она прижала руку к груди. — Вы самый хороший человек, которого я знаю. Мира и здоровья вам.

— И вам того же, госпожа Датлди, — ответил Бэн, провожая её взглядом.

Когда она ушла, он позволил своей ярости вырваться наружу.

— Старая колониальная шляха! Тварь! Задуши тебя Теламар, чтоб глаза наружу вылезли! Оторвать твой поганый язык и скормить тебе же, дрянь!

Когда он заметил, как Мисси, дрожа, испуганно прижала к голове уши, то перестал кричать и успокоился. Видимо, собачка привыкла, что на неё часто кричат. Бэн склонился над ней и осторожно прикоснулся к сломанным рёбрам — и к тому, что её часто бьют, она видимо тоже привыкла.

Новая волна ярости поднялась было к груди, но он не позволил ей снова захлестнуть его. Стараясь не прикасаться к сломанным рёбрам, Бэн взял Мисси на руки, отнёс в операционную и положил на стол. Хмуро пробежавшись взглядом по начищенным и наточенным инструментам, он вновь посмотрел на собачку.

Придётся нарушить правила, иначе у Мисси нет шансов. После этого у него скорее всего отберут лицензию, ну и бездна с ней! Главное уйти раньше, чем аркани выйдут на него. От одной только мысли о службе по контролю магии у него по телу пробежала дрожь. Несколько месяцев назад он почувствовал, что магическая сила стала возвращаться к нему, и старательно держал это в тайне. Строго говоря, если бы он сразу обратился к аркани и они поставили ему метку, то можно было бы получить патент и колдовать без опасения, вот только — Бэн усмехнулся — ему нельзя было светиться. Почему? Он и сам до конца не понимал, просто чувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет. К тому же, его дар был весьма специфичен, а учитывая его прошлые заслуги, церемонится с ним явно не будут. Но что тогда делать с Мисси? Доктор посмотрел на едва дышащую собачку. Позволить ей умереть? Если бы на её месте сейчас лежал человек, он бы даже помог ему побыстрее встретиться с Теламаром — животные во много раз лучше людей.

Значит, решено. Поднеся руку к лицу доктор пошевелил пальцами, тихонько что-то

нашёптывая. Бэн досадно морщился, наблюдая, как они иссыхают и скрючиваются, а кожа дрябнет и на ней появляются старческие пятна. Раньше такого не было, но учитывая то, что творится с магическими потоками, это не удивительно. Опустив руку на грудь Мисси, он стал поглаживать её рёбра, продолжая шептать себе под нос. Животное погрузилось в глубокий сон и не чувствовало боли от того, что её кости ломаются и вновь срастаются, но уже правильно. Когда Бэн закончил, его плечи поникли от навалившейся усталости.

Вот что значит отсутствие практики, — хмыкнул он, разминая вернувшуюся в обычное состояние руку. Мисси спокойно спала, её дыхание выровнялось и натужное сопение прекратилось. Перенеся собачку в удобную клетку, Уилторс напрягся, услышав звонок колокольчика. Неужели аркани нашли его так быстро? Но когда он вышел в зал, то увидел стоявшего у стола господина Нифала Колта.

— Мэссэр Уилторс! Я получил ваше извещение и сразу же примчался! — с добродушной улыбкой Нифал подошел к нему и крепко пожал руку. — Ну как там мой Найло?

— Всё отлично, — Бэн устало улыбнулся, — он сейчас спит. Ему нельзя активно двигаться ещё дня два, но причин оставлять его здесь я не вижу. Так что сейчас напишу всё, что вам нужно соблюдать в период реабилитации, и можете его забирать. Вы же на карете?

— Да-да, конечно, — закивал Колт, но когда Бэн уже собрался уходить, остановил его взяв под локоть. — Подождите, мэссэр Уилторс. У меня к вам есть разговор.

— Господин Нифал, если вы о деньгах, то я не возьму больше того, что мне причитается за работу.

— Нет-нет, я прекрасно помню, как вы к этому относитесь. Я по другому делу... присядем?

С подозрением смотря Колту в глаза, Бэн слегка помедлил, но потом всё-таки решил присесть. Гость устроился напротив, положив на стол сцепленные в замок руки.

— Мэссэр Уилторс, вы так много сделали для меня и Найло, что я просто не могу не отблагодарить вас. — Видя, что он хочет возразить, Колт поднял руку, останавливая его. — Не перебивайте меня, прошу. Так вот, до меня дошли слухи, что дела у вас идут не очень чтобы хорошо. Верно?

Он выжидающе посмотрел на него и, дождавшись когда доктор всё же утвердительно кивнёт, продолжил:

— Вы не против того, чтобы мы остались наедине? — Он указал взглядом на статую и Бэн снова кивнул — прикоснувшись к бюсту, приказал духу внутри антуража погрузиться в сон. Нифал улыбнулся. — Ну вот, так намного лучше. Для начала я хотел бы извиниться и попросить вас не обижаться. Дело в том, что мой знакомый, с которым я приходил к вам в прошлый раз, когда-то жил в Старом мире. И каково же было моё удивление, когда он признался мне, что знает вас! — Бэн мгновенно напрягся и его взгляд сначала метнулся за спину Колта к двери, а потом на антуража, рассчитывая, как быстро он сможет схватить его для удара. — И после его рассказов я, признаюсь честно, был поражен — человек с вашими способностями прозябает здесь, работая обычным ветеринаром!

Уже готовый к нападению Бэн в недоумении замер и уставился на него:

— Что вы имеете в виду?

— А то, мэссэр Уилторс, что я мог бы предложить вам работу, которая бы учитывала особенности вашего... хм... военного прошлого. Что скажете?

Бэн облегченно вздохнул и расслабился.

— Скажу, что всё зависит от подробностей.

— Ну тут всё просто. Гильдия, на которую я работаю, набирает людей. Если быть точнее, то ветеранов войны. Достойная оплата, проживание, возможность служебного роста в рядах гильдии.

— Господин Нифал, если вам всё рассказали правильно, то вы должны понимать, что я не совсем ваш ветеран.

— Это не имеет значения. Важны только навыки и умения, которые вы можете поставить на службу гильдии.

Бэн задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Есть что-то, о чём я должен знать до того, как дам согласие?

— Да, — кивнул Колт, — есть пара нюансов. Вам придётся покинуть Эг-Вигади, ну и конечно же, держать всё в тайне.

— Естественно, — Бэн криво усмехнулся. — Хорошо. Я подумаю.

— Подумайте. И если вдруг надумаете, — Нифал достал из внутреннего кармана сюртука серый конверт и положил его на стол. — Вот. Здесь ваша пригласительная со всеми необходимыми подписями. Осталось только вписать имя. — Он пододвинул конверт к нему. — После вам просто надо сесть на любой корабль гильдии, направляющийся на Винтаду. Для этого достаточно сказать капитану, что вы едите по приглашению.

Когда Бэн убрал конверт в ящик стола, Колт хлопнул себя по бёдрам и поднялся со стула.

— Ну вот и всё. Более не смею вас отвлекать, так что покажите мне моего Найло и мы отправимся домой.

Когда Нифал ушёл, Бэн запер двери и погруженный в свои мысли стал расхаживать по приёмной. А подумать действительно было над чем. Вот если бы ему сделали такое предложение с месяц назад, то он бы ещё сомневался, соглашаться или нет. А так обстоятельства действительно были не в его пользу. После того, как он сегодня применил магию не имея на то патента, лицензию ветеринара у него скорее всего отберут. Проклятые колонисты! Только и делают, что спят и видят, как бы посильнее разозлить его, чтобы он сотворил какую-нибудь глупость! А ведь если он не сдержится, то помимо лицензии может расстаться и с собственной головой.

И учитывая всё это, нельзя не признать, что предложение Колта было весьма заманчивым и своевременным. Если, конечно, это не ловушка. Хотя нет, он не такая важная птица, чтобы для него составлять такую мудрёную схему. Тогда что же, предложение Нифала было без подвоха? Выходит, что так. А это значит...

Нервно потирая шею Бэн остановился посреди комнаты.

Это значит, что перед отъездом ему нужно закончить парочку важных дел.

Бэн подошел к столу и велел антуражу пробудиться.

— Слушаю вас, мэссэр Уилторс.

— Передай сообщение госпоже, — запнувшись, он тут же поправился: — вернее, мэссе, Кинчес. Запоминай: мэсса Кинчес, ещё раз хотел выразить вам своё сочувствие в связи с потерей Донго. И хотел бы вам сообщить, что у меня сейчас здесь лежит миленькая собачка, усмарский тион, по имени... Муза. Готов абсолютно бесплатно подарить её вам. Вы сейчас нуждаетесь в новом друге. Да и, если честно, и Музе тоже нужны любящие и добрые хозяева. Свяжитесь со мной, если моё предложение вас заинтересовало. Отбой. — Бэн ненадолго задумался и на его лице появилась хищная улыбка. — Ещё одно сообщение. Для, эээ,

мэссары Датлди. Запоминай: мэссара Датлди, прошу вас срочно вернуться ко мне в лечебницу. Дело очень срочное. Отбой.

Продолжая улыбаться, он зашел в операционную и подошел к столу. Пробежав пальцами по зловещим инструментам, он выбрал нож с изгибающимся лезвием. Поднеся его к глазам, Бэн с любовью рассматривал идеально наточенное острие, чувствуя, как его сердце постепенно ускоряет свой бег. Облизнув пересохшие губы, доктор подошел к клетке с Мисси и присел на корточки. Разглядывая сопящую во сне собачку, опустил взгляд на зажатый в руке нож и в предвкушении прошептал:

— Ну что ж, Мисси, подождём госпожу Датлди.

5.

Кейн отшвырнул окурок и тут же достал новую папиросу. Хорошенько затянувшись, задержал дым в лёгких и выдохнул его через нос. Переступив с ноги на ногу, он вновь окинул взглядом серое трехэтажное здание, за которым наблюдал последний час. Оно располагалось в припортовой зоне на углу между улицами Кооператив и Философская и практически сливалось с такими же однотипными домами. Отличить его от остальных позволяла разве что большая вывеска, которую явно недавно привели в порядок и обновили, с надписью Адамантский Вестник. Помнится, когда Кейн был здесь в прошлый раз — года два назад — то ныне гордая вывеска была поменьше и висела на одном гвозде, да и сама надпись была едва читаема. Ну а самому вестнику из всего здания принадлежала только тесная комнатуха, а теперь он захватил полностью всё от первого до последнего этажа. Что ж, выходит, Шэмит не врал и ему действительно удалось слегка подняться и встать на ноги. В таком случае будет действительно обидно не воспользоваться плодами его успехов.

Кейн пристально всматривался во всех, кто входил или выходил из дверей вестника, но пока что Тайла видно не было. Он уже даже подумывал плюнуть на всё и просто зайти внутрь, но осторожность брала вверх и Брустер продолжал ждать. Всё-таки будет лучше, если их не увидят вместе, а то мало ли. Лучше перестраховаться, чем потом расхлёбывать последствия.

Наконец из дверей вышел маленький толстячок в сером пыльнике накинутом на синий сюртук, держащий в руках старенький саквояж. Наклонившись вперёд и опустив голову, он быстро засеменял вдоль улицы. Затянувшись в последний раз, Кейн бросил папиросу под ноги и придавил её каблуком. Засунув руки в карманы, он влился в толпу и, держась в некотором отдалении и стараясь не терять Шэмика из виду, пошел следом за ним. Шпионить за журналистом было одно удовольствие — тот даже ни разу не обернулся, смотря только себе под ноги. Плюс ко всему Кейн отметил, что за прошедшее время Тайл не изменил своим привычкам и ходил тем же маршрутом, что и два года назад. Поэтому увидев, что Шэмит повернул в переулки, Кейн прошел дальше и зашел с другой стороны, двинувшись ему наперерез. Здесь он перешел на бег и через несколько поворотов остановился в узкой полутёмной подворотне. Несмотря на бьющий в нос тошнотворный запах помоев, он покопался в грудe мусора и подобрал ржавый гвоздь, после чего притаился за углом.

Н-да, хоть Акмея и была жемчужиной континента Терра Секунда, но и здесь хватало

тёмных подворотен, в которых находились желающие отстегнуть почку у неосторожных гуляк. Хотя подобная инициатива жестоко наказывалась, так что такие случаи всё же были довольно редки.

Кейн усмехнулся.

А может просто кто-то очень хорошо умеет замечать следы.

Через несколько ударов сердца он услышал топот ног и тяжелое сопение, а ещё через мгновение появился и их обладатель. Шэмит был так глубоко погружен в себя, что прошел мимо притаившегося за углом Кейна и даже не заметил, как он подкрался к нему сзади. И поэтому, когда ржавый гвоздь упёрся ему в кадык, Тайл в ужасе замер, прислушиваясь к хриплому голосу человека, который склонился к его уху и стал нашептывать своим вонючим ртом:

— Ты сунул свой пятак не туда, куда следует, поросёночек.

— Я... — Тайл сглотнул, чувствуя вдавливаемый в шею холодный металл, от чего у него по лбу и спине потекли струйки пота. — Я не знаю, о чём вы говорите...

Кейн удовлетворенно отметил, что старый трюк с изменением голоса всё ещё работал и Тайл не узнал его. Выходит, он растерял не все свои навыки. Это радует.

— Неужели? Очень жаль это слышать.

— П-постояйте! — Шэмит зажмурился, каждую секунду ожидая, что его вот-вот зарежут и он захлебнётся собственной кровью в этом грязном, вонючем переулке. — М-мы ведь можем договориться.

— С пропоротым горлом это будет довольно сложно сделать. — Кейн посильнее вдавил гвоздь.

— Хорошо, хорошо! — взвизгнул журналист, задрожав всем телом. Вытянув руку с саквояжем, он едва не плача запищал: — Здесь все документы, заберите их и оставьте меня в покое. Я больше не буду в это лезть, обещаю!

Кейн с интересом посмотрел на саквояж, потом всё же решил его взять.

— Умница, поросёночек. Кто ещё в курсе?

— Никто.

— Эх, — Кейн вздохнул, — опять ты мне врёшь.

— Я не вру! — от страха у Тайла едва не вылезли глаза, а мочевого пузыря готов был вот-вот его подвести. — Честно! Я никого не посвящал в детали.

Кейн хмыкнул и убрал гвоздь. От облегчения Шэмит чуть было не потерял сознание, чудом удержавшись на ногах. Кейн обошел его и встал перед ним, с гнусной улыбкой на лице поигрывая гвоздём.

— Расслабься, Шэмит. — Он похлопал ещё пребывающего в шоке и ничего не понимающего толстяка по щеке. — Это ведь всего лишь я, а не секурист какой.

На побледневшем лице Тайла постепенно появлялось осознание того, кто стоит перед ним. Схватившись за горло, он брызжа слюной завопил:

— Ты ублюдок, Брустер! С-сука! Меня же чуть удар не хватил!

— Но не хватил же. — Кейн отшвырнул гвоздь. — Зато теперь ты имеешь представление о том, чем рискуешь.

— Катись в бездну! Какого хрена ты вообще здесь делаешь?

— Что я здесь делаю? — Кейн наклонил голову набок и прищурился. — А ты уже забыл, что вчера сам меня нашел и предложил обкатать одно дельце?

— Поздно очухался, — огрызнулся Тайл, всё ещё держась за шею. — Моё предложение

было одноразовым, а ты, как помнится, послал меня. Так что иди, гуляй.

— Так ты что же, нашел мне замену?

— А что, я должен был делать ставку только на тебя?

— Я-ясно, — протянул Кейн и, открыв саквояж, принялся в нём рыться.

— Ты что это делаешь? Отдай!

Журналист бросился было к нему, но Брустер резко отвёл руку с саквояжем за спину, а другой схватил Тайла за грудки.

— Ты кажется забыл, Шэмит, с кем имеешь дело. — Он отшвырнул его обратно к стене. — Сиди тихо, а то чтобы свернуть тебе шею мне гвоздь не нужен.

Толстяку ничего не оставалось, кроме как молча наблюдать за Брустером, выворачивающим саквояж.

— Понимаешь ли, Шэмит, старина Брустер повёлся на твоё предложение и уже уволился из грузчиков. Так что придётся тебе отвечать за свои слова. А, вот и оно. — Кейн вытащил и потряс зажатым в руке конвертом с печатью Аэгис Материум, а саквояж швырнул ему под ноги.

— Кейн, не дури, у меня же будут проблемы. — Тайл жалобно смотрел, как конверт исчезает во внутреннем кармане куртки Брустера.

— Ну они же будут у тебя, а не у меня. — Смотря на нервно кусающего губы Шэмита, Кейн усмехнулся и хлопнул его по плечу. — Да ладно тебе, ты же парень сообразительный. Соврёшь что-нибудь да выкрутишься. Лучше объясни мне, что дальше делать. Или, если ты решил соскочить, я могу уйти и сам разобраться, что к чему.

Тайл мрачно посмотрел на него и потёр лоб тыльной стороной ладони, лихорадочно соображая.

— Ладно, — он наконец сдался. — Ладно... Будь ты проклят, Брустер... Короче, в этом конверте деньги и твоя рекомендация, впишешь туда своё имя. Потом на корабле Эгиды добираться до Ямы и всё. Дальше действуешь по обстоятельствам.

— Винтады, — холодно поправил его Кейн.

— Чего?

— Доберусь до Винтады, а не до ямы.

— А, ну да. — Тайл невольно дотронулся до своей шеи и откашлялся. — В общем, как только нароешь что-нибудь интересное, попытайся связаться со мной. Желательно, чтобы было документальное подтверждение, но не мне тебя учить. Ну и ты, конечно, понимаешь, что если тебя повяжут, мы не знакомы?

— Мы кажется это проходили два года назад, нет? — Шэмит мгновенно стушевался и Кейн вновь с силой хлопнул его по плечу, так что того хорошенько качнуло. — Да не волнуйся ты так, всё будет сделано по высшему классу. Так что готовь марки. Ну всё, мира и здоровья тебе.

Развернувшись, Кейн ушёл, оставив бледного Шэмита нервно грызть ногти в попытке придумать, как же ему выбраться из той бездны, в которую он угодил по вине Брустера.

6.

Собираться долго не пришлось — вещей и личных сбережений у Кейна осталось

немного. Почти всё он пропил, чудом сохранив только старый плащ-пыльник и изъеденную молью широкополую шляпу, которую он надевал в дождливые дни. Скидав в грязный мешок купленные консервы, вяленую рыбу, хлеб, чеснок и несколько пачек папирос со спичками, Кейн перевязал его ремнём и сделал подобие заплечной котомки, после чего направился к выходу. У самой двери он обернулся, напоследок окинув взглядом маленькую квартирку, в которой прожил порядка десяти лет. Несмотря на такой большой срок, покидая своё ничтожное жилище он не испытывал сожалений. Поэтому Кейн просто развернулся и ушёл, даже не заперев за собой дверь.

Не теряя времени Брустер сразу направился в порт, где его уже ждал корабль, с капитаном которого договорится не составило особого труда — как оказалось, у него уже собралась солидная компания таких же, как он, пассажиров. Но выйдя к причалу, Кейн остановился. Не обращая внимания на ледяные порывы ветра, что обжигали кожу лица и трепали полы пыльника, он в задумчивости осмотрелся: аккуратно выложенная камнем набережная, которую топчет ногами серая толпа неулыбчивых людей, множество разнообразных кораблей на причале, над которыми вьются стаи чаек, чьи крики вплетаются в шум разбивающихся о берег волн. Странно — все так стремятся попасть в Акмею, а он хочет как можно быстрее покинуть её. Почему? Наверное, потому что она так и не стала ему домом. За всё это время он не нажил себе ни семьи, ни друзей. Да и так ли они ему были нужны? Нет. Всё, чего он хотел, это убежать — от убийств, обмана, ответственности и прошлого. Поэтому Кейн и прибыл сюда — чтобы убежать и забыть. А что же теперь? Зачем он стремится вернуться к старому?

Потому что я устал, — подумал Кейн. — Устал от этой жизни, пустой и бессмысленной. Поэтому мне только и остаётся надеется на то, что уплыв отсюда, у меня будет больше шансов умереть не просто так. Ведь погибнуть за что-то всегда лучше, чем пустить себе пулю в лоб или медленно гнить в комнатухе на Портовой.

И вот, стоя на каменной мостовой с догорающим окурком папиросы в пожелтевших зубах, Кейн засунул руку в карман плаща и рассеянно крутил в ладони холодный кусочек стали, невольно оттягивая решающий шаг. Он понимал, что это был его последний шанс передумать — назад пути уже не будет.

В бездну всё! — Кейн сплюнул окурок наземь и поправил ремень своего мешка. — Возвращаться всё равно не к чему. Так что вперёд — служба зовёт.

Пройдя вдоль причала он довольно быстро отыскал нужный корабль — потёртый шпормами и временем фрегат под названием Далакон уже был готов к отплытию и ждал только когда люди, столпившиеся у трапа, поднимутся на борт. Некоторых из них он знал, но не настолько, чтобы заводить дружескую беседу. Присоединившись к толпе, Кейн взошел на корабль и вскоре покинул Акмею.

7.

После того, как все поднялись на борт, Далакон отдал швартовы и взял курс на юг. Найдя себе местечко на корме, Кейн закурил папиросу и стал наблюдать за медленно удаляющимся городом. А ведь на самом деле там было не так уж и плохо — всё таки Акмея Велюса была столицей самого влиятельного в экономическом и политическом плане

государства колонистов. Её позиции всегда были сильнее, потому акмеанцы и ощущали себя вправе навязывать свою идеологию слабым государствам как на Терра Секунде, так и вне её пределов ещё задолго до начала Колониальной войны. А когда с политической арены ушли Винтада и Империя, им уже ничего не мешало распространять свои утопические идеи по Колониям, в стремлении доказать их ценность всем и каждому. Нет, конечно, Кейн понимал, что идеи социального равенства не так уж и плохи, но понимать, не значит принимать. По его мнению, все попытки Акмеи объединить общество были тщетны. Этот мир погряз в грязи, и лозунги типа: Лишь объединившись мы можем шаг за шагом восстановить этот мир! или Вместе мы выстроим новое будущее! вряд ли ему помогут. Они сами всё разрушили, и Кейн, как и миллионы ему подобных, помогли им в этом.

— Не думал, что встречу тебя здесь, Брустер.

Прозвучавший за спиной голос отвлек Кейна от мыслей и он обернулся посмотреть на его обладателя: крепкого телосложения, немногим выше него, с коротко стриженными волосами и ухмылкой на бледном лице; он был одет в расстегнутую на груди белую сорочку, сверху на которую был накинут потёртый плащ из грубой ткани. Из-за нарастающего в голове гула и лёгкого головокружения Кейн не сразу узнал этого человека, зато когда он наконец понял, кто именно стоит перед ним, то едва не задохнулся сигаретным дымом.

— Бэн, мать его, Костоправ! — вырвалось у него. — Бездна тебя поглоти, что ты здесь делаешь?!

Кейн был готов встретить здесь кого угодно, но только не Костоправа — именно под этим прозвищем его знали многие из ветеранов, а если и не знали, то слышали уж наверняка. Во время войны по всей линии фронта колонисты и имперцы со страхом рассказывали друг другу истории о безумном лекаре — жестокий в бою, он был не менее жесток с ранеными противниками и тяжелоранеными союзниками, попадающими на его хирургический стол. Стоит ли говорить, что после встречи с ним выживали немногие из колонистов. В итоге дело Костоправа было передано разведке и Кейну поручили выследить его. Вот только лёгкое, по мнению Брустера, задание по поиску и устранению нежелательного лица превратилось в долгий и кровавый кошмар, затянувшийся вплоть до окончания войны, после которой следы Бэна, Костоправа из Антригора, окончательно затерялись. По крайней мере для него.

— Я удивлён не меньше твоего, Дым. — Пристальным взглядом серых глаз Бэн внимательно следил за каждым его движением. — Так, кажется, тебя называли?

Кейн изогнул губы в кривой улыбке. Костоправ явно опасался, что он кинется на него. Попытается довершить, как говорится, начатое и закончить задание. Но Кейн неожиданно для себя вдруг ясно осознал, что не испытывает к нему абсолютно ничего — ему было просто наплевать на Бэна и на всё, что с ним связано. А ведь когда-то он был одержим желанием во что бы то ни стало найти его и выпустить кишки. Но сейчас, к собственному удивлению, Кейн даже не мог вспомнить, почему именно он так жаждал убить его.

— Да, это моё прозвище. — Он отвернулся от Костоправа и вновь опёрся на фальшборт. — По крайней мере было когда-то.

Помедлив, Бэн всё же встал рядом с ним и, помолчав некоторое время, кивнул в сторону почти скрывшегося города.

— Там жил? Или проездом?

— Там, — он кивнул. — А ты?

— Проездом. А так на Эг-Вигади с самого конца войны обитал.

— Эг-Вигади? — удивлённо переспросил Кейн. — Что ты там потерял?

— Лагерь военнопленных я там потерял, — Костоправ скривился. — Сразу после Рулофа аккуратно туда и угодил. Но мне повезло, ваши либералы протолкнули какой-то закон и вскоре всех пленных оправдали и реабилитировали как, — Уилторс сдвинул брови и продекламировал: — как одурманенных жертв Имперской тирании и невольников ментального управления.

— Закон об амнистии военнопленных. Да, был такой. — Кейн сплюнул. Вот они, плоды чрезмерного человеколюбия — маньяков выпускают на свободу, вместо того, чтобы расстреливать. И на этих идиотов он собрался работать? Весёлая перспектива. — И что дальше? Чем ты занимался всё это время? Кромсал старушек в подворотнях?

Бэн рассмеялся.

— Почти угадал. Я работал ветеринаром.

— Ветеринаром? — Кейн хмыкнул. — А что, людей лечить не позволили? У тебя же такой богатый опыт.

Костоправ дёрнул щекой.

— Имперцам не очень охотно разрешали вести врачебную деятельность. Мне и лицензию ветеринара-то выдали с трудом. Ну а ты? У тебя, я смотрю, жизнь фонтаном бьёт.

— Точно. Тесная комнатуха и престижная работа грузчика. Я шел к успеху и пользовался небывалой популярностью, знаешь ли. Об Эгиде откуда узнал? — резко сменив тему он внимательно наблюдал за Костоправом краем глаза, но тот лишь пожал плечами.

— Случайно вышло. Я уже давно подумывал рвануть куда-нибудь, и тут один клиент вовремя поделился со мной свежими новостями. — Поковырявшись во рту Бэн как бы невзначай поинтересовался: — Выпить есть желание?

Слегка помедлив, Кейн сделал последнюю затяжку и выбросил папиросу за борт.

— А почему бы и нет. Ты платишь.

Глава 2. Яма-Винтада

Глава 2.

Яма-Винтада.

1.

Тихое сопение и храп смешивались со звуками рассекающего воду корабля и плеском волн. Всё это, включая гудящую после выпитого голову и зверский холод, мешало Кейну заснуть. Завернувшись в плащ, он решил подняться и немного пройтись. Поёживаясь и осматривая тёмные воды, окутанные густым туманом, он остановил взгляд на сгорбившейся фигуре на носу корабля с зажатым в вытянутой руке фонарем, тусклый свет которого серебрился, отсвечивая от корки бледного инея покрывавшей его тряпье. Кейн невольно сравнил смотрового с Опекуном-Витазархом, изображение которого видел когда-то в разрушенном храме Старого Мира. Во время Колониальной войны было уничтожено много подобных храмов, за что имперское духовенство с лихвой отплатило восставшим еретикам.

Внезапно фигура смотрового ожила, он поднял руку, отчего заиндевелая ткань сырого плаща затрещала, и раздался хриплый крик:

— Земля! Винтада!

Кейн вздрогнул.

Винтада. Его родной дом. Его земля.

Он подошел к фальшборту и стал всматриваться в темноту, в которой начали проглядываться очертания далёкого берега: изломанного, чёрного, скалистого и безжизненного. Когда-то винтадцев боялись и уважали на всей Терра Секунде, а её цветущие поля воспевались по колониям. Но война с империей уничтожила это место и теперь в большинстве своём это лишь выжженные неплодородные земли, носящие жалкое название Яма-Винтада.

Резкий звон судового колокола вернул его в реальность. Сигнал к сбору, они скоро причалят. С трудом отвернувшись, Кейн вернулся к своему лежаку и забрал котомку. Постепенно палуба заполнилась проснувшимися пассажирами, которые выстраивались вдоль бортов, чтобы увидеть приближающуюся землю. По мрачным лицам некоторых из них можно было легко определить выходцев с Винтады — они не шутили и не смеялись, а лишь молча смотрели в сторону берега.

Корабль медленно вошел в порт Веноваля.

Как только они пришвартовались, Кейн дождался, пока все покинут корабль, и последним сошел на берег. Он ступил на родную землю и вдохнул её воздух — воняло гарью, рыбьими потрохами и застоявшейся водой. Земля же была сухой и потрескавшейся, сплошь усеянной осколками камней и породы, через которую изредка пробивались пучки пожелтевшей травы. Кейн нагнулся, набрал горсть земляного крошева и медленно пропустил сквозь пальцы — вот и всё, что осталось от когда-то великой страны. Теперь же это поистине Яма, Яма-Винтада.

Кейн достал папиросу и, чиркнув спичкой по поясу, закурил. Осмотревшись, нашел взглядом группу сошедших с корабля наёмников, всего около тридцати человек, с которыми

он пил эти несколько дней. Некоторые из них были, также как и он, с Акмеи, других же подобрали с самых разных уголков Колоний: Ригада, Дзорт, Санат, Новый Телион и бездна знает откуда ещё. Но одно Кейн знал наверняка — эти люди не отсиживались в тылу и не понаслышке знали вкус крови и запах пороха. Так что Шэмит был прав — судя по всему на Винтаде затевается что-то серьёзное. Поправив мешок, он направился к ним и остановился в некотором отдалении, прислушиваясь к негромкому разговору:

— Ну и что это за бездна? — тучный мужик по имени Лордрот нервно ковырял вновь открывшуюся язву на шее и оглядывался по сторонам. — Нас же должны были встретить, верно? Но, расстреляй меня секурист, я не вижу ни одного мундира!

— Не поминай секуриста всуе. — Имени этого высокого и тощего как жердь мужчины Кейн не знал. — Нам сейчас только его не хватало.

Все одобрительно загудели, а кто-то особо суеверный даже сплюнул через плечо. Кейн же лишь презрительно фыркнул и хриловато хохотнул — они, также как практически все ветераны, ошибочно называют тех, кто имеет хоть какое-то отношение к разведке, секуристами. Его реакция не осталась незамеченной и он мгновенно привлёк к себе всеобщее внимание.

— Чем это я тебя так развеселил, а, весельчак? Не поделишься радостью со стариной Жеком? — Жек по прозвищу Тощий хрустнул костяшками пальцев и оскалился наполовину беззубым ртом.

За Кейна ответил Костоправ, вставший рядом и по дружески положивший руку ему на плечо.

— А вы что, ребята, не сообразили ещё? Весельчак Дым у нас раньше был секуристом. — Видя, как меняются их лица, Бэн остался доволен произведённым эффектом и, запрокинув голову, громко рассмеялся. — Ну вы даёте! Называется не знали с кем бухали.

Его смех подхватили расслабившиеся наёмники. Как только атмосфера разрядилась, повеселевший Костоправ посмотрел на Брустера.

— Ну так что, господин секурист, ты-то по поводу всего этого что думаешь?

Кейн выдохнул дым и указал рукой, с зажатой в пальцах папиросой, за их спины.

— Думаю вы зря беспокоитесь — наша делегация прибыла.

Все повернулись и стали наблюдать за появившимися из-за угла дома всадниками с тремя повозками, которые направились в их сторону. Всего Кейн насчитал восемь душ, включая возничих, одетых в синие мундиры Аэгис Материум — трое кирасиров были вооружены мушкетами и тяжелыми кавалерийскими палашами, у оставшихся двух он поначалу заметил только лёгкие шпаги, но как только они подъехали ближе, увидел у каждого по пистолю за поясом. Возничие же, на первый взгляд, вооружены не были.

Бэн уважительно цокнул, склонив голову набок.

— Хорошие у них, однако, лошадки.

Кейн кивнул — кони действительно у всех были крепкими и красивыми. Сразу видно, что о них хорошо заботятся и наверняка кормят даже лучше местных рабочих. Из отмеченных им двух всадников со шпагами отделился человек невысокого роста, смотревшийся карликом на своём гнедом жеребце. Если судить по офицерским нашивкам на мундире и звёздам на левой стороне груди, это был лейтенант. Он остановился прямо перед ними и заговорил сиплым, простуженным голосом:

— Приветствую на Винтаде. Я лейтенант Фальфард, ищу отряд добровольцев, прибывших сюда по рекомендациям на корабле Далакон. Среди вас есть такие?

— Есть. — Кейн швырнул окурок под копыта жеребца, одновременно с этим пытаясь нашарить в кармане пачку, чтобы закурить ещё одну. — Это мы.

— В таком случае предъявите конверты, — скомандовал лейтенант.

Кейн не стал торопиться, наблюдая, как остальные достают коричневые конверты и показывают их сиплону. Краем глаза он также отметил, что Костоправ тоже не спешит показывать свою пригласительную. Фальфард, убедившись в наличии документов, кивнул и отдал приказ:

— Лезьте в повозки, я сопровождаю вас в лагерь.

Дождавшись, когда все погрузятся, лейтенант развернул своего гнедого и возглавил их отряд, который окружили остальные всадники. Кто-то недовольно проворчал, что всё это напоминает конвоирование военнопленных, но тут же заткнулся. Они медленно тронулись вслед за направляющим, слегка покачиваясь из-за неровной, сплошь усеянной рытвинами и ухабами, пыльной дороги. Изредка им попадались пешие патрули и всё чаще встречались обычные горожане, бредущие по своим делам. Хочешь заработать на буханку хлеба — вставай пораньше, бери кирку, натягивай комбинезон и иди работай. Насколько знал Кейн, Эгида ленивых работников не держала.

Да уж, этот городок сильно отличался от чистенькой и опрятной Акмеи — здесь не было того обманчивого лоска и приторной лжи о светлом будущем. Даже наоборот — тут каждый понимал где его место и что будет с его семьей, если он заболеет и потеряет работу. Хотя, насколько Кейн мог судить, в Веновале люди жили весьма сносно. По крайней мере по ним не скажешь, что они сильно голодают или нуждаются в тёплой одежде. Словно в ответ на его мысли налетел очередной поток ледяного ветра и заставил плотнее закутаться в плащ — ему бы сейчас не помешал стаканчик виски для разогрева. Чтобы отвлечься от мыслей о холоде, он вновь стал рассматривать дома и постройки, тянувшиеся вдоль улицы и тесно жавшиеся друг к другу, словно им тоже было холодно и они хотели согреться, привалившись к своему соседу.

Странно, Кейн всегда думал, что возвращение сюда не принесёт ему ничего, кроме новых страданий, но сейчас он абсолютно ничего не чувствовал, даже элементарной тоски или грусти. Ему было просто всё равно, словно он и не ехал по останкам родной земли. И его не покидало такое странное ощущение, словно он что-то... Оставил? Потерял? Забыл? Да, именно, забыл. Забыл что-то очень важное, жизненно необходимое. То, без чего Кейн перестал быть самим собой. Но, поглоти его бездна, что же это?

В задумчивости Брустер поднял взгляд к небесам, уже поменявшим тёмные цвета на привычное серое марево. Их вывезли за пределы города и повели дальше вглубь чахлых долин, когда-то цветущих и прекрасных. На пути им попадались заброшенные хибары, пересохшие русла когда-то полноводных рек, сейчас заросших кустарниками — только они ещё и могли расти на этой мёртвой земле. Хотя так было не везде — попадались и клочки плодородной земли, на которой горбатились местные, пытаясь хоть что-то вырастить, надеясь, что их усилия не пропадут даром и скоро тьма отступит и они вновь смогут увидеть солнце.

Бэну же нравилась эта картина, пропитанная отчаянием и безысходностью, но в которой ещё можно уловить надежду на счастливое будущее. Колонии не заслуживали иной участи, кроме как медленно гнить заживо, погружаясь всё глубже на дно. Поэтому он расценивал всё происходящее как заслуженное возмездие, божественную кару, неизбежность которой он ни на мгновение не ставил под сомнение. Ведь если Старый Мир

разрушен, то почему Колонии должны быть исключением? Всему рано или поздно приходит конец, так пусть катятся в бездну вслед за остальными — и Бэн, по мере сил, им в этом с радостью поможет.

Когда дорога, петляя, резко пошла вниз, им открылся вид на ещё один городок, в котором расположился лагерь Аэгис Материум, со всех сторон огороженный высокой стеной, со стоящими на ней солдатами с мушкетами на изготовку; несколько оборонных башен сверкали дулами пушек, а за ними раскинулся целый комплекс с казармами, складами, конюшнями и жилыми постройками.

Видимо, лагерь был разбит в одном из заброшенных городков, который гильдия отстроила для своих нужд, — подумал Кейн. — Целый военный комплекс, а не место расположения добывающей компании.

Хотя чего он, собственно, ожидал? Это не удивительно, ведь ни для кого не секрет, что Эгида очень ревностно защищает свои интересы и даже оплачивает услуги мобильной армии наёмников. И, насколько он знал, никто особо не был против того, чтобы вооруженный контингент находился на их землях — учитывая разгул различных бандформирований это обеспечивало сохранение порядка в регионе, который был на руку гильдии. Поэтому нередко Аэгис, при содействии властей, организовывала патрулирование территорий и защиту жителей. Кейн окинул взглядом своих попутчиков — а может, именно в этом причина найма ветеранов? Защита винтадцев? Не исключено.

С городских стен их конвой заметили ещё издали и пропустили без промедлений. Как только они преодолели ворота, Фальфард спешился, оказавшись чуть ли не на голову ниже Кейна, и, сложив руки за спину, скомандовал:

— Всем построится и приготовить бумаги для проверки.

Брустер спрыгнул с повозки и занял место в шеренге, после чего вытащил из внутреннего кармана помятый конверт и протянул подошедшему помощнику лейтенанта — молодому солдату с чернеющей полоской усов на губе. Тот забрал его и, изучив бумаги и сверившись со списком в руках, согласно кивнул и направился к следующему. Бэн сплюнул и тоже отдал свою рекомендацию. И так всё повторялось до тех пор, пока проверяющий не остановился у побритого налысо парня, с глупой улыбкой на лице засунувшего большие пальцы рук за ремень. Окинув его раздраженным взглядом, младший офицер нервно помахал перед ним рукой:

— Не задерживаем, подаём документы.

— Извините командир, я свой видимо на корабле посеял. Но я стабильно у вас в списке прописан, по имени гляньте — Уитл Датлант из Йоме.

Проверяющий с секунду смотрел на парня, потом обернулся к лейтенанту — Фальфард недолго думая отдал короткий приказ:

— За ворота его.

Двое наёмников тут же подскочили к парню и, заломив ему руки за спину и не обращая внимания на крики, потащили к выходу.

— Вы охренели?! Я есть в списке! Посмотрите в свои грёбаные бумаги! Я есть в списке!

Кто-то из стоявших рядом с Кейном пробормотал:

— А на корабле он говорил, что его зовут Хамфри...

Когда Уитла-Хамфри вышвырнули за ворота, офицер как ни в чём ни бывало продолжил обход. У остальных документы оказались в порядке.

— Так, — Фальфард забрал у помощника бумаги и бегло пробежался по списку, —

сейчас вас всех проводят в казармы, где вы получите договор о сотрудничестве с Аэгис Материум. Если кто-то не умеет читать, попросите принёсшего вам договор зачитать его. Как только подпишите документы, вам выдадут форму, амуницию и препроводят в душевые, после чего покажут спальные места. Если всё сделаете быстро, успеете на обед. Свободны.

Кейн вздохнул с облегчением — всё прошло без проблем, спасибо Шэмиту. Ведь пойдешь что не так и окажешься документы подделкой — он окинул оценивающим взглядом подручных сиплого и солдат на стенах — то выбраться отсюда избежав расспросов было бы затруднительно. А так попасть сюда особого труда не составило, а дальше будем действовать по обстоятельствам. Подхватив пожитки, Кейн вместе с остальными отправился за помощником лейтенанта, который продолжал инструктировать их по дороге.

— Я младший лейтенант Тарто Джадс. До того момента, пока вас не распределят в группы, за вас отвечаю я. Поэтому по всем возникающим вопросам обращайтесь ко мне — блок 2-Б, казармы офицерского состава. Сами вы временно будете проживать в общем блоке Г. Теперь о главном — перед тем, как вы поставите свою подпись, вы все должны уяснить одну вещь, мы — профессиональная наёмная армия на службе у гильдии, и подписав контракт, вы станете одними из нас. А это значит, что вы должны жить по установленным правилам, если хотите задержаться в наших рядах. Запомните — каждое ваше действие оставляет след на репутации гильдии, а это значит, что надев мундир Эгиды, вы несёте полную ответственность за совершенное. Поэтому вам следует хорошенько выучить основные постулаты нашей службы — никаких попок в служебное время, никакого разбоя или насилия, никаких драк, соблюдение субординации и безоговорочное подчинение приказам старших по званию, неразглашение внутренней информации. Нарушение устава повлечёт за собой увольнение и, в отдельных случаях, трибунал.

В отдельных случаях, — Кейн усмехнулся. — Эти ребята уже начинают мне нравится. Если кто из новоприбывших и надеялся на службу спустя рукава, то теперь на это вряд ли стоит рассчитывать. Пусть ты прошел войну, но здесь ты обычный солдат, а посему изволь подчиняться или катись. Правильный подход.

Брустер окинул взглядом окружающие его дома и постройки. Он также обратил внимание на то, что их провожатый тактично умалчивает о структуре лагеря и ведёт отряд в основном общими дорогами. Видимо, это подстраховка на случай, если кто-нибудь из них пойдёт на попятную — ведь если ты ничего не видел, то и спросу с тебя никакого, верно?

Вскоре они вышли к казармам, которые были устроены на месте старых амбаров. Это и был пресловутый блок Г или, как его называют наёмники, пехотный блок, или же использовали более фривольное слово на букву г. Как они позже узнали, помимо пехотного здесь был также тактический (блок В), офицерский (блок Б) и командный (блок А). И если с пехотным всё ясно, то в тактическом в основном служили те, кто хорошо показал себя во время службы и посему был распределён по специальным группам — гарнизон, патруль, охрана, так называемые бродяги (мобильная группа реагирования, которую постоянно перекидывают из одного места в другое по мере необходимости), разведка и так называемые универсалы, которым везде комфортно. Тактикам были выделены отдельные от пехоты казармы, а вот у офицеров всё было ещё лучше — собственные дома на окраинах. Ну а самые лучшие квартиры, естественно, достались командованию.

Их завели в один из амбаров, внутри которого практически всё свободное пространство занимали двухъярусные койки, и велели располагаться. Кейн и Бэн практически одновременно направились в самый конец помещения, заняв дальние кровати и выбрав

верхние ярусы — оба руководствовались тем, что в случае чего всегда есть время проснуться. Да и к тому же, обычно начинают расправу с нижних.

Бэн, скинув свои пожитки, покосился на расположившегося на соседней койке Брустера. Стоит ли доверять ему? То, что они вместе выпили, ещё ничего не значит. Слишком свежи были воспоминания о том, как Дым гонялся за ним по всей линии фронта. Он не верил, что жажда мести может исчезнуть бесследно — сам Уилторс тому подтверждение. Ведь именно ненависть к колонистам помогала ему терпеть их каждодневное присутствие, улыбаться, любезничать — всё это было только ради того, чтобы, когда настанет время, отомстить им, приложив руку к последнему аккорду их существования. И если для этого ему надо будет подружиться с Брустером и служить интересам Колоний — он это сделает.

— Читать-писать умеете?

Бэн вынырнул из своих размышлений и рассеянно посмотрел на подошедшего адъютанта.

— Умеем, — ответил за обоих Кейн. — Давай бумаги и самопиши.

Он взял договор и протянул один из экземпляров Костоправу.

— Частенько в ступор впадаешь?

— Я просто задумался, — проворчал Бэн и уставился в документы.

Кейн хмыкнул и тоже принялся за тщательное изучение договора. Условия были весьма неплохи: Аэгис Материум предлагало тысячу марок в месяц плюс премиальные, не считая производственных расходов. Отдых раз в год сроком до месяца. И если он хоть что-то понимал в договорах, то тут всё было чисто. Никаких мутных строк мелким почерком, все чётко и доступно. Кейн не долго думая расписался и вернул бумаги — всё-таки он сюда не на отдых приехал, чтобы придирааться к деталям. Костоправ тоже сомнениями не терзался и всё быстро подписал.

Когда все заключили контракт и с официальной частью было покончено, Тарто Джадс вновь взял слово:

— Теперь, после того, как вы сообщите адъютанту ваш размер, вам выдадут обмундирование. На всякий случай отмечу, чтобы вы тщательно следили за своим внешним видом. Что касается амуниции, то её вы сможете получить в оружейной. Душевые и столовая находятся на территории блока. По расписанию: обед в двенадцать, ужин в семь.

— А завтрак? — спросил кто-то из наёмников.

— Только обед и ужин, остальное за ваш счет. Ещё вопросы? — он обвёл взглядом ветеранов — вопросов больше не было. — Тогда это всё. Поздравляю со вступлением в Аэгис Материум.

2.

Кейн медленно вошел в пустующие душевые. Запах сырости, пожелтевший и потрескавшийся от времени и влаги пол, звук беспрерывно капающей из проржавевших кранов воды и гудение временами гаснущего светара — магифактического кристалла, освещающего эту душевую для сумасшедших. В подобные комнаты они когда-то сгоняли военнопленных и заставляли мыться в ледяной воде, а они дрались за единственный кусочек выданного им мыла. Кейн сплюнул.

Сложив выданную ему форму гильдии на трухлявую скамью, он не без удовольствия

стянул свои провонявшие обноски и вышвырнул в стоящее в углу жестяное ведро. Словно сбросил старую шкуру. Открыв сразу оба вентиля подставил своё испещрённое шрамами тело потоку ледяной воды, ожёгшей его словно пламенем. Он чувствовал, как струи ржавчины стекают по его волосам, коже, перемешиваются с его собственной грязью, но это не мешало ему подставить им лицо и наслаждаться той расслабленностью, которую дарил ему душ. Кейн стоял так не двигаясь до тех пор, пока ржавчину не сменила чистая горячая вода. Взяв выданный ему пузырёк с надписью против вшей он усмехнулся — мелким паразитам на его голове пришел конец.

Не без сожаления он перекрыл воду — Кейн уже и не помнил, когда в последний раз принимал горячий душ. Быстро отеревшись, стал надевать новую форму: тёмно-синие штаны, серую льняную рубаху с карманами по обе стороны груди со стоячим воротником как у монаха, а также крепкие военные сапоги с высоким голенищем. Тёмно-синий вообще считался цветом Аэгис Материум и их солдат в народе называли синими как раз из-за цвета их формы. Ему также полагался плотный мундир с нашивками рядового, который можно было застегнуть аж до самой шеи. Из своих старых вещей он решил оставить лишь шляпу, ремень с потайными отсеками и тяжелой бляхой, да плащ-пыльник, накинув его поверх мундира — осенние ветры на Винтаде всегда были безжалостны, а уж в дни тьмы лишняя одежда ему точно не помешает.

Закончив одеваться, Кейн вышел в коридор и осмотрел себя в мутное ростовое зеркало. Хм. Неплохо. Весьма неплохо. Он почесал бороду и скривился — это уже становится привычкой. Надо бы побриться и что-то сделать с волосами — как сказал младший лейтенант — Кейн усмехнулся — надо тщательно следить за своим внешним видом. И, к сожалению, с выпивкой придётся завязать. Ведь чтобы его заметили, надо показать себя с самой лучшей стороны — обычным рядовым служебные тайны не доверяют. К тому же кто знает, может ему здесь понравится?

С этими мыслями он неспешно покинул душевые. Теперь нужно сходить за амуницией, получить аванс и можно приступать к службе.

3.

Кейн наткнулся на Костоправа по дороге — тот стоял у бочки с водой голый по пояс и окунал в неё голову. Подойдя к нему, он поставил ногу на стоявший рядом ящик и оперся локтем о колено.

— Про душевые ты, видимо, не расслышал.

Бэн сплюнул в бочку и стал натягивать рубаху на мокрое тело.

— Если ты про тот ушатанный хлев с прогнившими досками и проржавевшими кранами, то я предпочитаю бадью с чистой водой.

Кейн усмехнулся и поскрёб ногтем в ухе.

— Тебе надо было дожидаться, пока ржавчина стечёт, а там уже и чистая горячая пошла бы. Между прочим горячая у нас тут будет только по определенным дням, так что советую сходить искупаться.

Бэн немного помедлил, прежде чем ответить:

— Обойдусь.

— Как знаешь. Тогда хватай манатки и пошли.

Скривившись, Костоправ на ходу натянул мундир, застегнув его до половины. Всё-таки

зря он нормально не обтёрся — здешние ветры ему определенно не нравились. Но зато теперь его практически не ограничивают светские законы и с каждым мгновением он чувствовал, что притворятся больше не придётся. А то он почти свыкся со шкурой услужливого ветеринара.

— А куда мы к стати? — запоздало спросил Бэн, сообразив, что не знает, куда они направляются.

— Нам нужен оружейный склад, — ответил Кейн, осматриваясь. — Возьмём всё необходимое и покончим с формальностями.

Дальнейший путь проделали молча, изредка останавливаясь, чтобы узнать направление. В конце концов они вышли к складам, которые, если судить по тому, что они успели увидеть с холмов, занимали практически всю восточную часть городка. Вход на их территорию хорошо охранялся, но мундир и выданные документы позволили избежать лишних вопросов. Миновав ворота, они растерянно остановились.

— Бездна, надо было у охраны спросить где тут оружейная, — проворчал Кейн и уже было повернулся к воротам, но Бэн хлопнул его по руке.

— Смотри, это не Язва там?

— Кто?

— Лордрот, который с язвой на шее. — Бэн присмотрелся к человеку, который пытался застегнуть на поясе ножны с мечом. — Точно, он. Пойдём. Эй, Язва!

Лордрот посмотрел в сторону свистящего Костоправа и, махнув им рукой в знак приветствия, направился на встречу, по пути всё-таки приладив ножны как следует. Пожав руку Бэну, потянулся было и к Кейну, но тот проигнорировал этот дружеский жест. Наёмник сразу ступешался и в замешательстве принялся ковырять свою язву.

— Э-как, секурист снова в деле. Умеешь заводить знакомства, Костоправ. Уважаю.

— Заткнулся бы ты, пока я добрый. — Язва даже не успел среагировать, как Бэн резким движением выхватил из ножен его клинок. Кейн невольно напрягся и сделал шаг в сторону, наблюдая за тем, как он стал перекидывать его из руки в руку. Мало ли что могло придти Костоправу в голову — например, выпустить ему кишки. Лордрот, видимо, был такого же мнения и мгновенно вспотел, не сводя глаз с наточенного лезвия. — Хороший меч, Язва. На складе взял?

— Ну.

— А мушкет что, не выдали? — спросил в свою очередь Кейн.

Лордрот покосился на него.

— Я плохо стреляю, ток если в упор. С мечом привычнее.

— Понятно. — Бэн протянул меч рукоятью вперёд и Язва неуверенно взял клинок. — А остальные где?

— Да где-то тут шляются. — Лордрот вложил клинок в ножны и вновь принялся скрести свою болячку, и Кейн, наблюдавший за тем, как из под лопнувшей корки вытекает белесый гной, не выдержал и в отвращении скривился.

— Слушай, эта дрянь не заразная?

— Болячка шголь? Да шут его знает. — Язва равнодушно пожал плечами. — Ладно, пошел искать жральню. Бывайте.

Проводив его взглядом, Кейн повернулся к Бэну.

— Я больше не буду с тобой здороваться.

— Больно надо было.

Служившее складом большое здание, из которого вышел Лордрот, напоминало коробку, состоящую сплошь из бетонных плит. Двери хоть и проржавели, зато были крепкими и толстыми. Видимо, раньше это было одним из убежищ, построенным ещё во время войны для защиты от магических ударов. Люди не сильно доверяли барьерам, которые якобы поддерживали рубежные маги, предпочитая обезопасить себя чем-то более осязаемым, и поэтому строили подобные убежища по всем колониям. Как оказалось, в большинстве своём не зря. Но вот только винтадцев это не сильно спасло.

Кейн повернулся к двери спиной и пару раз с силой ударил по ней ногой. Вскоре смотровая щель открылась и также быстро закрылась. Послышались звуки отодвигаемых засовов, после чего дверь, к их удивлению, совершенно бесшумно открылась и наружу вышел шурящийся рыжеволосый детина в рабочем комбинезоне.

— Бумаги есть? — басовитым голосом поинтересовался он, промаргиваясь и протирая покрасневшие глаза.

— Есть. — Кейн с Костоправом показали разрешение на получение амуниции, выданные им вместе с формой. — Мы пришли...

— За тем же, зачем и все остальные. — Забрав бумаги рыжий небрежно свернул их и засунул в нагрудный карман комбинезона. Посторонившись, кивнул в сторону освободившегося прохода. — Шустрее.

Перешагнув порог, Кейн приготовился попасть в холодный склеп, но вместо этого оказался в тёплом коридоре, хорошо освещённом гудящими светарами, идущими вдоль стены. Позади них рыжий детина закрыл дверь и повернул колесо посередине — щёлкнули двойные засовы, заблокировавшие дверь наглухо. Пройдя мимо них, он обронил идите за мной и молча повёл их в глубь склада, изредка оборачиваясь, чтобы проверить, идут ли они за ним.

— Как тебя зовут, приятель?

Хмуро посмотрев на нарушившего тишину Кейна рыжий дёрнул щекой, но всё же ответил.

— Борб.

— Давно тут работаешь?

— Давно.

— Сегодня к тебе, наверное, частенько заходят, да?

— Типо того. — Перед появившейся развилкой Борб повернул направо и стал спускаться по лестнице. — Сюда.

Кейн, также как и Бэн, не особо понимал, чего он собственно хотел добиться от старины Борба и зачем вообще затеял этот, без сомнения, содержательный разговор. Наверное, ему просто было не по себе вновь оказаться в стенах убежища. Виски сразу стали ныть, а тишина давить на нервы. Стали мерещиться далёкие крики и плач, и его стало слегка покачивать от лёгкого головокружения. Дико захотелось закурить. Кейн достал пачку дрожащей рукой и вытащил папиросу пересохшими губами. Вдруг яркий свет заставил его зажмуриться. Когда же он вновь смог открыть глаза, то его взору предстал огромный зал, потолок которого терялся в темноте, также как и дальние стены убежища. Всё свободное пространство когда-то заставленного койками зала теперь занимали ровные стеллажи с самым разнообразным оружием и какими-то коробками, а доступ к некоторым стеллажам перекрывали решетки с крепкими замками на цепях.

— Эту хрень можно выключить? — Бэн прикрыл глаза одной рукой и указал на

установленные по бокам огромные кристаллы, яркие лучи которых были направлены прямо на проход в котором они стояли.

Борб, который привычно зажмурился проходя мимо — как он их называл — слепилок, обернулся к ним с довольной ухмылкой.

— Нельзя. Не положено. — Он перевёл взгляд на Кейна и, шагнув к нему, вытащил из его рта папиросу и потряс перед ним. — Здесь курить нельзя. — Борб подошел к бочке у стены и сел на неё. Достал из комбинезона пачку спичек и, не торопясь, раскурил отобранную у Кейна папиросу и постучал по бочке костяшками пальцев. — Порох.

Бэн усмехнулся — этот парень ему определенно нравился. Кейн же молча убрал пачку в карман и сухо поинтересовался:

— Что мы можем взять из твоих запасов?

— Всё, чем умеете пользоваться. — Борб выдохнул в его сторону поток дыма. — Мушкеты, пистолы, мечи. Короче, стандарт.

— А магифакты?

— Пока не положено. Не по чину.

Бэн улыбнулся и направился напрямиком к стеллажам, напевая примитивный мотивчик какой-то кабацкой песенки. Кейн проводил его взглядом и тоже отправился отовариваться. А выбрать было из чего. Аэгис Материум явно не скупилась на оружие для своих наёмников — тут действительно было всё, начиная от кастетов и заканчивая эспадонами. Причем, насколько он мог судить, оружие было в отменном состоянии. Видимо, Борб умел заботиться о вверенном ему имуществе. Кейн подобрал себе обычную шпагу из хорошей стали и дагу к ней, кинжал с ножнами на бедро, пистоль и панталеру с креплениями для него и патронной сумки, а также взял короткий засапожник — так он привык называть нож, который прятал за сапогом или крепил на голени. Немного поколебавшись, решил всё-таки взять к пистолету мушкет — мало ли, вдруг пригодится. Хотя что из арбалета, что из пистоля или ружья, он не стрелял уже больше десяти лет и сомневался, что сможет попасть в цель хотя бы с расстояния в пятнадцать ярдов. Но Кейн надеялся, что это как с плаванием — раз научишься и никогда не забудешь. Особенно если раньше поражал с расстояния в пятьдесят ярдов бегущую цель. Хотя поражал не совсем верно, правильной будет сказать убивал.

Закончив облачаться в выбранное снаряжение, он несколько раз подпрыгнул, проверяя, всё ли хорошо закреплено. На первый взгляд ничего не мешало. Он положил ладонь на эфес шпаги и не смог сдержать улыбки. Кейн чувствовал какое-то странное облегчение, словно груз, который всё это время давил ему на плечи, наконец-то спал и он обрел свободу. Вновь был виден смысл в жизни и была чёткая цель, которую он мог достичь. Закинув мушкет на плечо, Кейн вышел к Борбу и тот смерил его одобрителем взглядом.

— Быстро. Это хорошо. Давай сумку, отсыплю пороха и пуль.

— Это можно. — Кейн отстегнул сумку и, наблюдая за тем, как кладовщик её наполняет, решил продолжить свои расспросы: — Слушай, Борб, а я тебя нигде не видел? В смысле, ты служил? Был на войне?

— Был.

— Служивый, значит. И кем? Кстати, откуда ты родом? Отсюда? С Винтады?

— Не совсем. — Борб закончил засыпать порох в пороховницу и аккуратно уложил её в сумку. После чего взял специальные патронташи и также стал заполнять их порохом. — Я служил Империи и родом я с побережий Алтании, с мыса Далты.

Кейна это известие настолько удивило, что он чуть было не сел мимо стула, но успел за него ухватиться и сохранить равновесие. В полуприсяде он внимательно рассматривал невозмутимое лицо Борба. Бывший имперец? Здесь? Заведует складом оружия и раздает его своим бывшим врагам? Как ему вообще смогли доверить подобное? Безумие. Хотя, чему тут удивляться, ведь у него самого в знакомых Кровавый Костоправ из Антригора.

— Смотри-ка, Брустер, вокруг одни имперцы. — Бэн вышел из-за тёмных стеллажей, неся на плече внушительных видов мушкетон, а на его поясе красовался не менее внушительный боевой топор, топорнице которого он сжимал свободной рукой. — Советую почаще оглядываться.

Костоправ его тоже удивил — он-то ожидал, что тот обвешается оружием и унесёт на себе чуть ли не весь склад. Но тот ограничился топором, панталерой и мушкетонном.

Бэн отстегнул патронную сумку и бросил её Борбу на стол.

— Набери и мою тоже. Знаете, эта аркебуза мне по нраву. — Он снял с плеча мушкетон и, нацелив на Брустера, щёлкнул затвором. — Наверняка может пробить насквозь даже двоих.

— Это не аркебуза, Костоправ. Это мушкетон. Он бьёт в основном картечью.

— Картечью? — Бэн усмехнулся. — Это даже лучше, чем я думал.

— Кто ж в этом сомневался, — хмыкнул Кейн и вновь переключил своё внимание на Борба. — И чем ты занимался на войне?

— Тем же, чем и сейчас. — Он пожал плечами, застегивая плотно набитую сумку Кейна. — Выдаю оружие убийцам вроде вас, чтобы вы и дальше могли убивать всех подряд.

— Чертовски правильная позиция, Борби. — Бэн поднял большой палец вверх, Кейн же развёл руками.

— Тут я тебя разочарую — мы вроде никого убивать не собираемся.

— Не знаю как ты, Дым, а я лично не стал бы зарекаться. — Бэн нежно погладил мушкетон в своих руках.

На лице Борба заиграла странная улыбка. Он подхватил потяжелевшую сумку и подошёл к Брустеру, смотря на него сверху вниз так, что Кейну стало не по себе, но глаз он не отвёл.

— А это не имеет никакого значения. Люди всегда найдут причины убивать друг друга. И всегда нужен тот, кто будет подавать им оружие. — Борб протянул ему патронную сумку.

Кейн слегка помедлил, прежде чем взять её. Но когда сумка оказалась в его руках, он удивился её солидному весу. Борб же вновь отошел к столу и стал наполнять сумку Костоправа, одновременно давая инструкции.

— Я положил вам полную пороховницу отборного пороха, отдельно наполнил патронташи и вдобавок накидал бумажных патронов. Кроме этого положил мешочек с пулями. Должно надолго хватить. — Рыжий вернул наполненную сумку Бэну. — Тебе положил и картечь, и обычных зарядов.

— Спасибо, земляк.

Борб слегка кивнул в ответ и уселся на стол. Перегнувшись через него, пошарил под ним рукой и вскоре выпрямился, держа довольно старенькую табулу. Эти магифакты были довольно распространены в колониях, особенно в послевоенные годы. Можно сказать, что это просто промышленный аналог волшебного зеркала. Делали их частные зачарователи и торговцы редкостями, осевшие в колониях и наладившие бизнес — ведь состоятельные покупатели были не прочь приобрести зеркала, ведающих различные тайны и выступающие в роли удобных хранителей информации.

И во время войны табулы поставили на поток, что было чертовски здравой идеей — мало того, что надо было уметь с ней обращаться, так всё ещё было на десять раз закодировано. Даже если имперцам удавалось перехватить табулу, они ничего не могли поделаться с бесовской магией колонистов. Жаль только, что в то время они были редкой диковинкой, да и сами колонисты в большинстве своем не умели ими пользоваться. Так что чаще всего приходилось передавать информацию по старинке — документами.

Табула напоминала средних размеров прямоугольное зеркало из чёрного стекла Терсека в стальной оправе, правая сторона которой была толще и напоминала трубку, в которой имелось специальное отверстие для кристалла — арканита. Без него магифакт не работал. Собственно, практически все магифакты работали на этом чудо-кристалле, компоненты которого на Яме же и добывали, чтобы впоследствии создать арканит, зарядив его игнитарной энергией огня в специальных концентрационных печах. Тут конечно не такие богатые месторождения, как на Эг-Вигади, ещё одном промышленном острове, но и не такие бедные, как скажем на Гес-Вигади.

Борб достал из кармана тускло блестящий изумрудный арканит и пристально изучил его при свете ламп — судя по его яркости, он ещё мог дать достаточно заряда для магифакта, хотя и сильно потускнел. Нахмурившись, он потёр кристалл о штанину и вставил в табулу — раздался медленно нарастающий пронзительный свист, потом что-то щёлкнуло и магический туман, заполнявший стекло терсека, стал складываться в вязь подрагивающих символов.

— Неплохие хреновины выдают кладовщикам, — буркнул Бэн, наблюдая за манипуляциями с магифактом.

Борб, закончив водить пальцем по стеклу табулы, удовлетворённо кивнул и протянул её им.

— Приложите руку к стеклу.

— Зачем? — Бэн буравил недоверчивым взглядом гудящий магифакт. За всё время своего пребывания в Телионе, столице Эг-Вигади, он старался избегать магифактов. Почему? Он и сам не знал. Это, скорее, было на уровне инстинкта.

Кейн ответил за Борба, подойдя к табуле и прикладывая руку к её вибрирующей, ледяной поверхности.

— Чтобы заверить список того, что он отпустил тебе со склада. Не волнуйся, эта штука не кусается.

Бэн метнул в его сторону злобный взгляд.

— Я и не волнуюсь, Дымок.

Костоправ быстро приложил руку к холодному стеклу и почувствовал лёгкое покалывание в ладони. Борб ещё раз посмотрел на табулу и кивнул.

— Это всё. На выход.

Кейн был только за — ему не терпелось как можно быстрее покинуть убежище. Как только они оказались снаружи, он облегченно вдохнул свежий воздух и тут же закурил, блаженно закрыв глаза и вгоняя горький дым поглубже в лёгкие.

— Поберегись! — раздался дикий вопль, заставивший его вздрогнуть и мгновенно распахнуть глаза.

Он едва успел отпрыгнуть в сторону от чуть было не переехавшей его тяжелой телеги, запряженной двойкой здоровых коней. Возница, придерживая шляпу на голове, привстал на козлах и что-то проорал ему, но Кейн точно не разобрал, куда именно его только что

послали. Вслед за первой телегой проехали ещё пять точно таких же. Судя по вспененным коням и оставленным колёсами глубоким следам, телеги были полны под завязку. Брустер задумчиво проводил их взглядом и обернулся к кладовщику, уже было собравшегося скрыться за дверью убежища.

— Не знаешь, что они везут?

Тот без всякого интереса посмотрел на указываемые телеги и пожал плечами.

— Груз. Вся тяжелая промышленность расположена ближе к шахтам, там же всё обрабатывают, а потом на поезда и свозят сюда готовое сырьё.

Кейн кивнул. Как только дверь захлопнулась, Бэн поравнялся с ним.

— Ну что, идём или будем и дальше тут торчать? Я проголодался.

— Да, твоя правда. Пойдём.

Когда они вышли за ворота, Бэн не переставал наблюдать за Брустером краем глаза и думать о том, почему Дым так зацепился за него. Что это — специальная уловка, чтобы притупить его бдительность и ударить исподтишка? Или он задумал использовать его в своих тёмных делишках? У Бэна от этих мыслей появилось стойкое желание не мучиться догадками, а просто свернуть Брустеру шею.

Но, видимо, Кейн и сам понимал, что следует прояснить данный вопрос, поэтому начал разговор:

— Если уж говорить на чистоту, Костоправ, то я не хочу надолго задерживаться в рядовых. У меня немного другие планы.

Бэн насторожился.

— Это какие же?

— Хочу в кратчайшие сроки сменить свои нашивки на более презентабельные, — Кейн пожал плечами. — Так и мощна будет туже, и связи шире.

— Хорошие планы. Вот только я тут при чём?

— При том, что в одиночку это будет труднее сделать. Понимаешь, я тут навёл справки и выяснил, что нас скорее всего распределят в группы для большей эффективности. Поэтому было бы просто замечательно, чтобы в мою группу вошел человек, на которого я мог бы рассчитывать и вместе с которым мы бы хорошо сработались. К тому же, для ветеранов здесь создана упрощенная система продвижения по службе. Так что условия имеются, было бы желание. — Кейн сделал паузу: — И я подумал, что это может тебя заинтересовать.

Костоправ задумчиво склонил голову набок.

— Взаимовыгодное сотрудничество, да?

— Верно, — Кейн кивнул. — Из всех наёмников Эгиды я хорошо знаком только с тобой. К тому же мы оба хорошо знаем, чего можно ожидать друг от друга и на что каждый из нас способен. Так почему бы не воспользоваться этим?

Бэн улыбнулся.

— Дело говоришь, Дымок. Я согласен.

Кейн в ответ тоже улыбнулся и они пожали друг другу руки.

В конце концов, это будет даже забавно — два бывших врага в одной упряжке.

4.

Надёжно скрытый тьмой, Кейн осторожно полз по земле, подтягивая следом крепко сжимаемый правой рукой мушкет, а левой шпагу. Его обострившийся слух уловил какой-то

подозрительный шум, выбивающийся из окружающих ночных звуков, и он в очередной раз замер.

Налетевший порыв ледяного ветра всколыхнул пожухлую траву, принеся с собой запах моря и шелест волн. Но кроме этого Кейн почувал гарь костра и соблазнительный запах жареного мяса, от которого рот мгновенно наполнился слюной. Хорошо ещё, что перед вылазкой он плотно поел и желудок не должен был заурчать в самый неподходящий момент. А он подполз уже достаточно близко, чтобы такая мелочь была способна демаскировать его. Если, конечно, контрабандисты догадались выставить часовых.

Он уже вполне мог расслышать обрывки фраз и грубый хохот, и по меняющимся интонациям мог даже предположить, что на берегу находится как минимум четверо. Но разведка сегодня не была его целью — её уже успешно совершил Малой Эллад — поэтому, выждав для надёжности ещё некоторое время, он подполз к краю небольшого берегового обрыва, раздвинул кусты, взял на изготовку мушкет и залёг на позиции.

Малой Эл не ошибся — как он и говорил, контрабандистов действительно было девять: четверо сидело у костра, пятый спал в некотором отдалении от них, один копошился в вытащенных на берег лодках, ещё двое ходили по округе с мушкетами и были явно часовыми, а последний так и вовсе торчал у воды и меланхолично бросал камешки в море. Видя такую беспечность, Кейн усмехнулся. Конечно же, откуда привыкшим к собственной безопасности ребятам было знать, что в Веновале повязали покрывающего их чинушу и тот с радостью сдал подельников. И эта банда была уже третьей на этой неделе, которую им предстоит накрыть. Хотя сказать что-либо конкретное именно по этой группе чинуш так и не смог — ему просто платили за то, чтобы в нужный момент он смотрел в другую сторону, так что о том, каким товаром промышляют эти контрабандисты, выяснить не удалось. Но рассматривая поверх мушкета хорошее обмундирование и вооружение людей на берегу, Кейн предполагал, что с деньгами у них проблем не наблюдалось.

От размышлений его отвлёк намотанный на ладонь медальон — затёртая, испещрённая закорючками монетка. Он ощутил, как нагрелся металл, слегка обжигая кожу. Вот и сигнал. Значит, все уже на позициях и ждут приказа к атаке. Кейн несколько раз глубоко вздохнул, успокаивая сердце, и прицелился в ногу ближайшему к нему часовому. Плюс, и одновременно минус Сумеречных дней в том, что ночью темно хоть глаз выколи. Подкрасться незамеченным не в пример проще, чем при полной луне, но и целится в разы сложнее. Но света от костра вполне хватало, чтобы не промахнуться.

Едва до него долетел отзвук сигнального выстрела, Кейн спустил курок и его цель, закричав от боли в простреленном колене, упала на землю. Одновременно с этим со всех сторон раздались нестройные ружейные хлопки и крики застигнутых врасплох контрабандистов. Он не торопился вставать, не спеша оценивая обстановку: легли практически все, кроме того, который копался в лодке — этот гад сразу же прыгнул на её дно и затаился. Кейн видел, как его рука с пистолем показалась над бортом и он выстрелил в темноту, из которой тут же донёсся изумлённый крик. Надо же, какой меткий попался.

— Всем на берегу, слушать сюда! Если не хотите сдохнуть, то советую отбросить подальше оружие и не дёргаться! Те, кто этого не сделает, напьются свинца!

Кейн хмыкнул. Мартло, как всегда, красноречив.

— Катитесь в Бездну, твари! — лодочник вновь высунулся и выстрелил на голос. В ответ его лодку изрешетило несколько пуль, но это видимых повреждений ей не принесло.

Н-да, тяжелый случай. В отличии от этого упрямца остальные подранки послушно

выполнили приказ. Обычно всё на этом и заканчивалось, а теперь придётся думать, как выкурить оттуда этого упряма. Краем глаза Брустер заметил вынырнувшую из тьмы фигуру, которая стремительно бросилась к лодке. Кейну даже не надо было гадать, чтобы узнать её обладателя. Быстро проскочив разделяющее их расстояние, Костоправ схватил вынырнувшую из-за борта руку с пистолем. Даже отсюда Брустер отчетливо расслышал мерзкий хруст, а уж про сопровождающий его крик и говорить нечего. Бэн нагнулся, ухватил лодочника и вышвырнул его из удобного убежища.

Ну, вот и всё. Выкурили, называется. Вздохнув, Кейн поднялся на ноги и, накинув ремень мушкета на плечо и прицепив шпагу, спустился вниз. Остальные тоже вылезли из своих укрытий и стали стягиваться на берег, по дороге связывая сдавшихся контрабандистов. Он же направился напрямик к костру, у которого уже сидел Костоправ и по хозяйски наливал в кружку найденное пойло и закусывая жареным мясом.

— Я смотрю, ты времени зря не теряешь.

Бэн протянул ему кружку.

— Ну не пропадать же добру.

Взяв выпивку, Кейн сел рядом и тоже подцепил горячее жаркое.

— Чётко сработали, да? — Малой Эллад, крепкий русоволосый парень, подскочил к ним и тут же ухватил кусок мяса, отправив его в рот.

— Почти. Кого ранили-то?

— Да из группы Яра один придурок подставился. — Эл подтянул к себе лежащий у костра мешок и по хозяйски принялся в нём рыться. — Но там ничего серьёзного, вскользь по руке прошла.

— Чего развалились? — К ним подошел Мартло, мужчина с изъеденным оспой лицом, густыми усами и глубоко запавшими глазами. Он лишь недавно получил звание командора и группа новичков, в которую входили Кейн, Бэн и Эллад, была у него первой. И хотя он и был официальным начальником их отряда, руководить сильно не рвался. Исключения составляли вот такие совместные с другими группами вылазки, когда волей-неволей, а координировать работу приходится. Но в целом это был спокойный мужик, путь и немного странноватый. — Костоправ, подлатай ублюдков, нам тут трупы не нужны. Малой, проследи, чтобы мимо нас делёжка не прошла — нам принадлежит минимум половина местного добра. А то знаю я этого Яру-крысяру. Брустер, пойдём, глянем, чем они тут промышляли.

Когда они подошли к лодке, там уже стоял командор второй четвёрки Яр, который с лампой в руке с интересом разглядывал её содержимое.

— Ба, народ, да нам никак подвезло и мы поймали охотников за звёздным железом.

Кейн наклонился и посмотрел на несколько утрамбованных мешков, доверху набитых кусками тёмной руды. Взяв один в руку, он присвистнул, удивившись его солидному весу.

— Долго же они её собирали, — заметил он. — Чтобы нарыть такое количество метеорита, надо убить не мало времени.

— Или нашли богатое месторождение, — Мартло сплюнул и обернулся к связанным звездохотам. — Если это так, то нам могут перепасть неплохие комиссионные.

Яр кашлянул в кулак.

— А можно узнать каналы их сбыта и самим делом заняться. Неплохие деньжата поднимем.

— Или под трибунал загремим. — Кейн бросил кусок руды обратно и выпрямился, отряхивая руки. — Лучше сдать всё Эгиде и получить свою долю. Скупится они не будут,

Мартло дело говорит.

Яр недовольно запыхтел, но спорить не стал.

— Будь по вашему. Я лишь предложил.

Кейн переглянулся с Мартло и они пошли обратно к костру. Костоправ, вытирая руки об окровавленную тряпицу, вскоре присоединился к ним, как и Малой Эл, притащивший довольно солидный мешок, доставшийся им после делёжки.

— В общем, народ, наличности у них было не много, но основной навар мы получим в городе, когда сдадим звёзды, — отчитался Эллад. — Плюс перепало само по себе дорогое вооружение да припасы. Надо кому чего или на продажу?

— На продажу, — ответил Мартло, помешивая прутиком тлеющие угли. — Нам пока всего хватает.

Кейн не смог удержаться от усмешки. Его забавляла эта интересная ситуация — изъев оружие у бандитов, они продадут его другим не менее сомнительным личностям, и, с большой вероятностью, при следующей облаве окажутся обстреляны из него же. Торговый круговорот, мать его.

— Как там подранки? Никто не окочурился?

Бэн покачал головой.

— Ничего серьёзного, до города дотянут.

— Хорошо. Тогда как подкатят телеги, грузимся и в дорогу.

— Быстрее бы, — Эл мечтательно закатил глаза, — а то меня уже заждались такая цыпочка, что прям м-вуа! — он приложил пальцы ко рту и смачно чмокнул.

— Тут я тебя разочарую. — Мартло поднялся и подтянул ремень. — В Веновале мы не задержимся. Как сдадим звездохотов, принимаем рабочих и ведём в Брэвил. Там и отдохнём.

— Не горюй, Малой. — Костоправ хлопнул мгновенно скисшего паренька по плечу. — Наверняка и в Брэвиле найдётся своя цыпочка, которой придётся по душе твоя конопатая рожа.

Они загоготали. И даже обычно хмурый Мартло не сдержался от кривой усмешки.

— Да идите вы!

— Пойдём-пойдём, не переживай. — Кейн встал и привычно почесал заросший подбородок. — Причём все пойдём — вон, телеги подвезли.

5.

— Но! Куда прёшь, з-зараза! Н-но!

Кейн так сильно натянул поводья, что удила чуть было не порвали его коню пасть. Жеребец протестующе заржал и едва не подвернул ногу, но всё-таки повернул куда следует. Фыркая и мотая головой, он косился на своего всадника и наверняка подумывал, как бы его сбросить и хорошенько наподдать копытом, но Кейн всякий раз лишь сильнее сжимал ногами конские рёбра и гнал лошадь вперёд.

Эта животинона его дико раздражала. Но ещё больше раздражало то, что они едва проехали половину пути, а его задница уже напоминает одну большую мозоль. От бесконечной тряски затекли спина и шея, а холодный ветер то и дело швырял в лицо целые горсти пыли. Он в очередной раз высморкался и протёр слезящиеся глаза, едва не упав при этом с коня. За всё то время, что они провели на Винтаде, Кейн был в седле всего три раза,

не считая этого, и всё никак не мог вернуть себе былую сноровку. Вдобавок ко всему эта четвероногая тварь абсолютно не слушалась и так и норовила разmozжить его голову о ближайший камень! Благо, вокруг их было с избытком.

Кейн окинул взглядом скалистую пустошь, что раскинулась на многие мили вокруг: сухая потрескавшаяся земля, на которой практически ничего не росло, кроме сорняка и зарослей полыни, от запаха которой забивались ноздри, а её горький привкус, казалось, навеки поселился в их ртах. Изредка им попадались чахлые деревья, медленно умирающие без солнечного света и воды, но чаще они встречали срубленные практически под корень пни — людям нужно было как-то спастись от холода, ведь далеко не все могли себе позволить согревающий магифакт.

Бэн ехал чуть впереди вместе с ещё четырьмя наёмниками, иногда оглядываясь на отстающего Брустера. Поначалу его дико бесило, что они едут так медленно, но потом он успокоился — вся дорога была сплошь усеяна острыми камнями и изрыта норами, угодив в которые лошадь могла запросто сломать себе ногу, а неудачливый всадник свернуть шею. Так что если они не хотят проделать оставшийся путь на своих двоих, придётся и дальше плестись со скоростью черепахи. Он натянул посильнее и так застёгнутый до самого подбородка воротник пиджака и в очередной раз пожалел, что не надел какого-нибудь плаща.

Если мы вскоре не доберёмся до тёплого и сухого места (желательно туда, где наливают крепкий виски), то я точно простужусь — в подтверждение своим мыслям он оглушительно чихнул.

Тряхнув головой Костоправ привстал в стременах и хмуро огляделся — видимо, всему действительно приходит конец. Ему вспомнились последние годы войны — тогда в империи стояла такая же засуха, а от жары умирало больше, чем от меча или пули.

Но потом всё изменилось.

Боги наконец смилостивились и пошел дождь. Они были счастливы, они воспрями духом, они словно безумцы босыми танцевали под струями ливня, выкрикивая в небеса имена Богов... А дождь всё шел, и шел. Нескончаемый поток благословенной воды хлынул на земли империи и уже не иссякал.

Никогда.

И отныне в небеса они кричали только проклятья.

Кейн искоса поглядывал на Бэна — тот был погружен в свои мысли, его брови сошлись у переносицы, губы плотно сжаты, глаза невидяще смотрели в одну точку. О чём бы не думал Костоправ, сейчас его лучше не трогать.

Они работали на Эгиду уже полторы недели и пока что Кейн не увидел в деятельности гильдии ничего необычного: их действительно распределили в группы и направляли на различные задания — они участвовали в патрулировании и следили за порядком, сопровождали и охраняли — как сейчас — грузы и рабочих, пресекали бандитизм и разбой среди местных, участвовали в облавах на контрабандистов, подобных вчерашнему — в общем, наёмники сполна отработывали свой хлеб и не было ничего, что бы могло заинтересовать Шэмита. И Кейна вполне устраивало то, что дальше мордобоя дело не заходило, в то время как Костоправу явно не хватало кровавых сценариев — в последние дни он был на взводе и Брустер опасался, что он может сорваться и всё испортить.

— Эй, Брустер! — Бэн дождался, пока проедет телега с рабочими, и поравнялся с ним. — Далеко ещё?

Кейн рассеянно осмотрелся и, запрокинув голову, посмотрел на небо, затянутое чёрным смогом.

— Вроде засветло доберёмся.

Костоправ фыркнул.

— Ты ещё как-то ориентируешься, когда наступает и заканчивается день? Как по мне, так всегда властвует ночь.

— Вернее, вечер, — усмехнувшись, поправил его Кейн. — Не вижу ничего сложного: небо светлеет — день, совсем темно — ночь.

— За идиота меня держишь, да? Это мне и без тебя известно.

— Кстати, давно хотел спросить, — Кейн вновь посмотрел на тёмные тучи, застилающие небеса, — тебе что-нибудь известно об этих... облаках?

— Шут его знает, — Бэн тоже поднял взгляд. — Я думаю, это Кара Богов. Вы их прогневали и Теламар выпустил Тьму, что сдерживал в своей душе.

Кейн не стал ввязываться в теологические споры, лишь раздраженно дёрнул щекой и счёл правильным промолчать. Эта неизвестная тьма беспокоила его. Да что там его — она страшила каждого жителя Колоний. И никто не мог дать ответа о её происхождении. Согласно политике Новой Истории это было обычным сезонным явлением, тогда как люди, жившие в старую эпоху, знали правду — Тьма пришла после окончания войны. Сначала никто не заметил перемен — солнце скрывалось за смогом лишь на непродолжительное время, но позже плотная завеса облаков не рассеивалась уже по несколько дней. В тавернах шепотом поговаривали, что даже самые сильные природные маги не могут развеять эту неизвестную тьму. Кейн был склонен предполагать, что всё это являлось последствием разрушительных заклинаний, применявшихся во время войны. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, какая судьба постигла весь Старый Мир.

Поэтому им ничего не остаётся, кроме как тосковать по яркому, тёплому солнцу и надеяться на то, что тьма скоро отступит.

— Почему яма? — вдруг спросил Бэн.

— Ты это о чём?

— Ну, Винтада, почему её называют Ямой? — пояснил Костоправ. — Не свалка, не пустошь, а именно яма? Я, конечно, понимаю, что колонисты в большинстве своём еретики и отбросы, но называть свой дом ямой, — он покачал головой, — это уже за гранью моего понимания.

Кейн, как всегда, проигнорировал выпады в сторону колонистов, и ответил вопросом на вопрос:

— Ты прожил в Колониях столько времени и до сих пор не удосужился узнать, почему Винтаду называют Ямой?

— Ну да, — Бэн невозмутимо пожал плечами. — Я делал вид, что мне известны такие элементарные вещи. К тому же, я не особенно дружил с вашим братом, чтобы заводить светские беседы.

Кейн хмыкнул и задумчиво помассировал переносицу, чтобы снять напряжение со внезапно разболевшейся головы.

— Когда прибудем на место, я отвечу на твой вопрос.

Бэн не стал возражать и остаток пути они проделали молча.

Через несколько часов какие-либо признаки растительности исчезли вовсе, а скалистые насыпи стали ближе и теперь возвышались подобно горам, над которыми клубились

плотные столбы дыма. Воздух вокруг стал сухим и горячим, а кроме пылины теперь воняло ещё и гарью, от которой слезились глаза и то и дело скручивало приступом кашля. Ожидавший подобного Кейн вытащил из седельной сумки платок, смочил его водой из фляги и повязал на лицо. Рабочие на телеге и остальные наёмники поспешили последовать его примеру.

Неровная линия насыпи, состоящая сплошь из кусков скал, гор, земли и разнообразной породы, тянулась покуда хватало глаз. Уже отсюда можно было разглядеть раскинувшийся у её подножия шахтёрский город — Брэвил — к которому они и направились. Показав документы встретившему их патрулю, они беспрепятственно проехали на его территорию.

Смотря на изнурённые лица попадающихся им по дороге рабочих, шайки чумазных детей, уставших женщин, Кейн мрачно размышлял о том, во что превратилась когда-то великая страна. Ведь не так давно у них было всё: земля, история, традиции, свобода. А что теперь? Земля не плодоносит, история позабыта, традиции мертвы, свободу заковали в цепи. Теперь винтадцы вынуждены продавать дома и перебираться целыми семьями ближе к промышленности, чтобы хоть как-то зарабатывать на жизнь. Кейн посмотрел на вершины горных насыпей — Бэн интересовался, почему Винтаду называют Ямой. Что ж, он ему покажет, почему.

— Ты что-то сказал? — спросил Бэн.

Брустер хмуро посмотрел на него — видимо, он размышлял вслух.

— Говорю, сейчас узнаешь, почему Яма — это Яма, — ответил Кейн и окликнул одного из наёмников: — Эй, Мартло! — их командор обернулся. — Мы с Костоправом отойдём, отметься за нас.

Мартло кивнул и повёл отряд в глубь лагеря, тогда как Кейн и Бэн поехали дальше по дороге, ведущей на вершину. Его конь неустанно тряс головой и фыркал, всячески проявляя своё недовольство. Кейн его прекрасно понимал — у него самого болела голова и темнело перед глазами. Видимо, требуется время, чтобы привыкнуть к местным условиям, но, к счастью, они здесь задерживаться не планировали.

— Твою-ж мать!.. — вырвалось у Уилторса, когда они наконец взобрались на вершину.

Кейн, до этого пытающийся сфокусировать взгляд на ушах коня и побороть головокружение, посмотрел на него, а потом проследил за направлением его глаз и усмехнулся.

— Вот и ответ, — с горечью в голосе проговорил он.

Им открылся вид на гигантскую воронку, краёв которой было невозможно разглядеть, сколько не старайся — Кейн знал, что её диаметр исчислялся сотнями миль. Создавалось впечатление, будто они стоят на вершине огромной стены и взирают на всё с высоты птичьего полёта. Отсюда было хорошо видно, что во многих местах развороченное словно от бомбёжки дно покрыто пеплом и золой, в других же непроходимыми скалами, а на сравнительно чистых участках были построены бесчисленные заводы по переработке ресурсов, непрерывно коптящие небеса едким чёрным дымом, чтобы как можно быстрее выплюнуть свою долю продукта, которую потом погрузят на корабли и отправят в Акмею.

— Это случилось во время войны, — начал рассказывать Кейн, борясь с тошнотой и слабостью, с трудом вытягивая из тенет памяти нужные воспоминания. — Винтада была хранителем и гарантом Колониального пакта о независимости Колоний, поэтому когда Города Изгиба оккупировали полисы Соммо и Харрег, мы вмешались и в ходе военной кампании освободили их. Изгиб с этим не смирился и вместе с вашей Церковью

мобилизовали верующих Юга. В ответ Винтада призвала на помощь "всех свободных, переплывших море и пошло поехало, — Кейн печально усмехнулся. — Империи не понравилось, что наглые колонисты заняли несколько полисов Изгиба и отправили в бездну пару имперских легионов. — Он повернул голову и посмотрел Бэну в глаза. — Имперские маги притянули метеорит и направили его... да вот прямо сюда. Тут были города, деревни, столица.

Кейн отвёл взгляд и вновь стал рассматривать жерло воронки.

— Миллионы погибли, тысячи лишились крова, и абсолютно все винтадцы потеряли родную страну. С тех пор Винтада — сырьевой придаток по добыче небесного металла, полезных ископаемых и заряда арканита.

Костоправ не сдержался и, злорадно усмехнувшись, воскликнул:

— Щас расплачусь! Винтадцы, видите ли, потеряли свою страну! Это же такая катастрофа по сравнению с гибелью всего Старого Света, — Бэн сплюнул. — Жаль, что метеорит был только один.

Несколько раз глубоко вздохнув, Кейн заставил себя отпустить рукоять шпаги, которую судорожно стискивал. Сейчас не время и не место, чтобы строить из себя обиженного колониста. Развернув коня, он бросил через плечо:

— В любом случае теперь ты знаешь, почему Винтаду называют Ямой.

Бэн ещё некоторое время постоял на краю воронки, потом вслед за Кейном спустился в шахтёрский лагерь.

6.

— Какого чёрта происходит, Мартло?

Кейн спешил и подошел к наёмнику, наблюдавшему, как чуть более десятка человек скидывают в телегу свои пожитки и лезут следом за ними.

— Они хотят, чтобы мы отправились прямо сейчас. — Мартло сплюнул.

— Вконец рехнулись что ли? — пробормотал Брустер и направился к телеге. — Эй, кто тут главный?

— Я. — От группы отделился человек в форме Эгиды. К своему неудовольствию Кейн увидел на его плечах нашивки сержанта. — Слушаю?

— Рядовой Кейн Брустер, — представился он. — Я хотел спросить — вы серьёзно намереваетесь отправиться сейчас?

— А в чём проблема, рядовой? — сержант Дэран Клавис смерил его хмурым взглядом.

— Проблема в темноте, сэр. Близится ночь — плохое время для прогулки. К тому же, — он махнул рукой на свой отряд, — мы только что с дороги. Неужели нельзя подождать до утра? Так было бы безопаснее.

— Понятно. — Сержант шагнул к нему вплотную. — А теперь слушай меня, рядовой. Мы выдвигаемся сейчас, потому что этих рабочих нам надо доставить на место именно сегодня. И это — приказ старшего по званию. Или вас не учили подчиняться приказам, а, солдат?

Кейну с трудом удалось сохранить невозмутимый вид, тогда как внутри он заклокотал от гнева.

— Учили. — Он сделал паузу. — Мэссэр.

— Тогда запрягайте лошадей и в дорогу.

Развернувшись, Клавис вернулся к рабочим и в очередной раз перепроверил, все ли на месте.

— Ну как? — с надеждой спросил подошедшего Брустера Эллад.

— Никак. — Кейн подтянул подпругу у своего коня. — Придётся ещё несколько часов потрястись в седле.

— Вот бездна, — застонал парень. — Я себе уже всю задницу сбил! Вот вернёмся — буду требовать премию.

Бэн и Мартло лишь молча проверили свои сёдла.

— Извините, можно к вам обратиться?

Кейн, уже собиравшийся запрыгнуть в седло, остановился и посмотрел на подошедшего к нему улыбающегося мужчину, одетого в рабочие одежды, с мешком за плечами.

— Да?

— Меня зовут Гарн, — представился мужчина. — Я хотел спросить, не сможете ли вы взять меня с собой?

— С собой? — Кейн нахмурился, рассматривая его: невысокого роста, смуглый, на левой стороне шеи виднелось тёмное родимое пятно. Ничего примечательного. — Вы даже не знаете, куда мы направляемся.

— Вы правы. Но это не имеет никакого значения. Мне просто нужно сегодня же покинуть лагерь, а отправляться одному — самоубийство.

— Тут я с вами согласен.

— Значит, вы не будете против? — спросил Гарн и тут же добавил: — Я заплачу.

Кейн тяжело вздохнул и посмотрел через его плечо на возившегося с лошадью сержанта Клависа.

Собственно, а почему бы и нет? — злобно подумал он. — Коли уж нам отказали в отдыхе, то мы имеем полное право подзаработать.

— Сумку покажи. — Гарн с готовностью показал ему содержимое котомки: еда, одежда, табула, нож и всякая житейская мелочь. — Давай нож, он пока побудет у меня. А теперь живо полезай в повозку. Рассчитаемся на месте. И ещё — не попадайся на глаза сержанту.

Гарну не надо было повторять дважды — он быстро запрыгнул в телегу и затерялся среди рабочих.

— Ну что ж, ребята, — Кейн обернулся к своим, — по коням.

Через полчаса они покинули Брэвил и в практически полной темноте, едва разгоняемой масляными лампами, отправились по дороге на юг. Ехали в полном молчании, напряженно всматриваясь в каждую тень и вслушиваясь в любой подозрительный звук.

Так продолжалось чуть более двух часов и за это время ничего не произошло, поэтому они позволили себе немного расслабиться и их внимание притупилось. Но, несмотря на это, Брустер всё же смог услышать тихое бормотание Мартло, от которого он тут же напрягся:

— Съехали.

— Ты о чём?

— Мы съехали с главной дороги, — тихо ответил командор и сплюнул. — На запад взяли. Сейчас по равнине поедем.

— Откуда ты знаешь? — Кейн был удивлён — лично он ни за что бы не отличил южную дорогу от равнинной, особенно в такую темень.

С ними поравнялся Бэн, прислушиваясь к разговору.

— Я слышу плеск воды и ветер приносит запах соли. Мы приближаемся к берегу.

Брустер недоверчиво покосился на него и внимательно прислушался — ничего. Хотя за те две недели, что они работают вместе, он не раз и не два дивился остроте внимания наёмника. И пока что Мартло не ошибался.

Кейн перехватил вопросительный взгляд Бэна и кивнул — всё верно. Если Мартло прав, то здесь явно творится что-то неладное и им нужно быть начеку.

Сначала более-менее ровную дорогу усеяли кочки и ухабы, а потом и вовсе она сменилась пересеченной местностью. Немного погодя Кейну показалось, что он чувствует запах моря. Последние сомнения отпали, когда где-то через полчаса они услышали шум разбивающихся о берег волн. С этого момента Брустер уже не снимал ладонь с рукояти пистоля, заткнутого за пояс.

Вскоре их отряд выехал прямо к морю и остановился.

Клавис, возглавлявший колонну, спешился.

— Вылезайте и стройтесь на берегу! — приказал сержант рабочим и те, быстро похватав свои котомки, выбрались из повозки.

Кейн бросил взгляд на свою команду:

— Спешиваемся, ребята. — Он спрыгнул с лошади. — Кажется, это надолго.

Стреножив коня, Кейн вместе с остальными спустился к воде. Повернув голову, он некоторое время всматривался в фигуру сержанта, сидящего на корточках и ополаскивающего руки. Может, стоит потребовать от него объяснений? Хотя вряд ли они их получат. Вся эта ситуация буквально кричит об одном — молчите и не вмешивайтесь.

Его размышления прервал подошедший Костоправ. Он встал справа и тихо проговорил:

— Мартло говорит, к нам приближается корабль.

Кейн кивнул.

Не нравится мне всё это, — подумал Брустер, поправив пистоль и осматривая тёмное побережье. — Следовало перед отбытием навести справки об этом сержанте. А то что-то больно он...

Мысль пропала. Сознание отключилось. Руки безвольно опустились вдоль тела. Голова, словно налитая свинцом, упала на грудь. Не было ни чувств, ни желаний, ни снов — не было ничего, словно бы он нырнул в абсолютную пустоту. Возможно, именно так выглядит смерть? Кто-то просто выключает свет и ты исчезаешь, проваливаешься в бездну, где продолжаешь осознавать себя, но утрачиваешь всякое понятие о том, что это значит — жить. И отныне ты просто существуешь и тебе всё равно, что было, есть и будет. Полное отсутствие всяческих стремлений. Поток энергии с крохотной частичкой сознания, обречённая на вечные скитания.

Понимание всего этого вселяло ужас.

И именно ледяные когти страха помогли ему вернуться. Чувства медленно пробуждались и первое, что он услышал, был шум прибоя — и каким же прекрасным был этот звук! А запах? Непередаваемый запах моря наполнил его лёгкие, и теперь он желал только одного — открыть глаза и увидеть яркое, слепящее солнце, лучи которого играют на водной глади бескрайних морских просторов.

Но когда он открыл глаза, то увидел лишь погружённую во тьму береговую линию, которая практически сливалась с чёрной водной гладью, временами наползающую на сушу. Этот мир, который предстал перед ним, мало отличался от той пустоты, в которой он только что побывал. Здесь тоже живут без единого луча света и не знают, что значит жить.

Прекрати! — велел он себе и зажмурился. — Сейчас что-то произошло, что-то, от чего ты отключился. Но сейчас ты пришел в себя, ты всё также стоишь, хоть тело и не слушается. Но это даже хорошо — нельзя себя выдать. Поэтому — не шевелись! Сосредоточься!.. Так... А теперь открой глаза и скажи, что видишь?

И он посмотрел и он увидел.

Недалеко от берега стояла громада массивного корабля, почти не освещенного фонарями, сливающегося с окружающей тьмой. Если присмотреться, то можно заметить какие-то фигуры на палубе, но намного интереснее было то, что происходило на суше.

Как только Кейн увидел их, то его первой мыслью было: Работоторговцы!. Но, присмотревшись к спующим по берегу людям, он в этом усомнился.

Они были облачены в странные чёрные доспехи, а их лица были скрыты шлемом с зеркальной маской. Он наблюдал за тем, как они одного за другим уводят рабочих, сейчас больше напоминающих безвольных кукол, на свой корабль. Всё проходило в полнейшем молчании — ни переговоров, ни жестов. Словно каждый из них точно знал свою задачу.

Выходит, эти зеркальные ребята ударили чем-то им по мозгам, заставив потерять сознание? А после, не встречая сопротивления, начали погрузку груза — привезённых ими людей. Значит, как только они с этим покончат, то уже возьмутся за них — либо, как рабочих, уведут на корабль, либо убьют как свидетелей. Брустер не отвечал за остальных, но лично он спокойно дожидаться окончания погрузки желания не испытывал, предпочитая погибнуть в бою, продав свою жизнь подороже, чем умереть как свинья на заклании.

Кейн почувствовал, что может шевелить рукой. Очень осторожно он стал напрягать и расслаблять мышцы тела, и с каждым мгновением способность двигаться возвращалась к нему. Но что он один мог противопоставить им? Кейн насчитал на берегу как минимум четверых, двое из которых занимались погруженными в транс рабочими, и это только те, кто был в пределах его видимости. Просчитывая варианты Брустер покосился на Костоправа и перехватил его взгляд — осмысленный и незамутнённый. Значит, ни ему одному удалось быстро оклематься от этого мозгового штурма. Кейн показал глазами на ближайшего зеркального солдата и Бэн едва заметно кивнул.

Отлично, можно действовать.

Задержав дыхание и сосредоточившись на своей руке, Кейн резко выхватил пистоль и выстрелил, целясь в зеркальную маску. Он ожидал услышать звон стекла и увидеть падающее тело с простреленной головой, но этого не произошло. Пуля словно бы ударилась о невидимую стену, и в том месте, куда она попала, на доли секунд вспыхнул синий отсвет, напоминающий паутину.

Защитный барьер — мелькнуло в голове у Кейна и он тут же кувыркнулся в сторону. И вовремя — в то место, где он находился мгновение назад, угодила мушкетная пуля молниеносно среагировавшего зеркального.

Бэн тоже не стал медлить. Рывком сдёрнув с плеча мушкетон он подпрыгнул вплотную к стрелявшему, ткнул дуло ему в живот и спустил курок. Отдача от выстрела ударила в руку, грохот заложил уши, едкий пороховой дым заставил зажмуриться. Зеркального, словно куклу, отбросило на несколько футов, где он и остался лежать с кровавым месивом вместо живота. Понимая, что на перезарядку нет времени, Костоправ отбросил теперь уже бесполезное оружие и бросился в укрытие, на ходу выхватывая топор. Ему вслед понеслись выстрелы, но, к счастью, ни один не нашел своей цели, хотя одна из пуль просвистела прямо у него над головой.

И если Бэну удалось добежать до телеги, то Кейну не повезло — рядом с ним не было ничего, что можно было бы использовать как укрытие. Поэтому ему ничего не оставалось, кроме как выхватить шпагу и кинуться на второго зеркального, надеясь, что остальные не будут стрелять из опасений попасть в своего. Его противник выставил вперёд ружьё, но Брустеру удалось извернуться и отбить дуло в сторону — правую щёку и ухо обожгло огнём, словно к ним приложили раскалённый прут. Взревев, он нанёс несколько ударов, которые его соперник блокировал мушкетом.

Бэн выглянул из своего укрытия как раз вовремя, чтобы успеть увидеть присевшего на одно колено стрелка, направившего ружьё в сторону сражающихся. Действовать нужно было быстро, поэтому он подскочил к запряженным в повозку лошадям и с силой хлестанул одну из них, зарывчав:

— Н-но! Пшла!!!

Пригнувшись, Костоправ побежал вслед за телегой, направив её через оставшихся стоять в трансе рабочих на целящегося в Брустера зеркального. Заметив врезающуюся в толпу повозку, под колёсами и копытами которой погибали ничего не успевшие понять люди, мушкетёр резко развернулся и выстрелил. Одна из лошадей заржала от боли и завалилась набок, увлекая за собой вторую. Повозка на полном ходу перевернулась, едва не придавив успевшего отпрыгнуть в сторону стрелка. Перепрыгивая через тела Костоправ тут же бросился к нему и с силой опустил топор — лезвие разрубило надвое мушкет, которым тот попытался защититься. Не успевая замахнуться во второй раз, Бэн резко вытянул руку, схватил оступившегося противника за плечо и, притянув к себе, ударил головой в его зеркальную маску. В глазах тут же потемнело, но он, не обращая на это внимания, ухватил топором двумя руками и взмахнул практически наугад. И, судя по раздавшемуся хрусту, попал куда надо. Провести новую атаку ему помешали раздавшиеся с корабля выстрелы. Пригнувшись, Бэн метнулся к перевернутой телеге, о дерево которой тут же застучали пули. Найдя взглядом Брустера, он закричал...

Как бы Кейн ни старался, его противник продолжал умело блокировать все удары. Хотя несколько раз ему всё же удалось оставить росчерк на чёрном доспехе. Но чем дольше длился бой, тем меньше шансов на победу у него оставалось — Кейн чувствовал, что приближается к своему пределу: прокуренные лёгкие горели и воздух с хрипом вырывался из груди, появилась одышка, в то время как зеркальный не выказывал ни малейших признаков усталости.

Если я сейчас ничего не предприму, то мне конец — и словно в подтверждение его мыслям зеркальный резко отбил в сторону лезвие шпаги и ударил Кейна в лицо прикладом. Брустера повело в сторону и он инстинктивно схватился свободной рукой за ружьё соперника, чтобы остановить падение. В этот момент позади него раздалось конское ржание и какой-то грохот.

Сейчас! — вспыхнуло в его голове. Не выпуская из рук мушкета Кейн с усилием подтянулся и насадил противника на шпагу.

И тут загремели выстрелы.

Вжав голову в плечи, Кейн, используя шпагу и ружьё как рычаг, развернул нанизанного на острие противника в сторону корабля и использовал его как живой щит. Несколько первых пуль поглотил барьер зеркального, но, видимо, его заряд быстро иссяк и все последующие выстрелы приняла спина солдата.

И тут до Кейна донёсся крик Костоправа:

— Брустер, сюда!

Повернув голову, он увидел перевёрнутую телегу и лежащего за ней Бэна. Оставив шпагу Кейн бросился к повозке и, когда до неё оставались последние футы, прыгнул и упал навзничь. Прозвучало ещё несколько выстрелов, после чего наступила тишина.

— Почему они остановились? — Из рассеченного лба Костоправа текла кровь, но он не обращал на это внимания, постоянно вытирая лицо тыльной стороной ладони и продолжая судорожно сжимать топориче с окровавленным лезвием. — Может, уплывают?

— Не думаю. — Кейн напряженно прислушивался. — Нас всего двое, а их целый корабль. Скорее всего, они сейчас будут высаживаться, чтобы...

Договорить он не успел.

Грохот пушечного выстрела и последовавший вслед за ним треск взорванной телеги было последним, что они запомнили, прежде чем потерять сознание.

7.

— Костоправ... Костоправ, ты живой?

Кейн склонился над полужасыпанным землёй и обломками Уилторсом — тот в ответ застонал и сдавленно ответил:

— Кажись... да.

— Ничего не сломал?

Бэн прислушивался к себе и неуверенно пошевелился.

— Да вроде нет.

— Значит, повезло. — Кейн вздохнул с облегчением и тяжело привалился к тому, что раньше было телегой.

Костоправ с трудом приподнялся на локте.

— А где эти?

— Уплыли. — Брустер окинул рассеянным взглядом побережье. — Пальнули по нам из пушки, забрали тела своих и уплыли.

Бэн недоуменно вытаращился на него.

— А как же мы? Почему они не тронули нас?

На этот вопрос у него не было ответа и он лишь молча продолжил рассматривать место недавней битвы: остатки взорванной повозки, кровавые ошметки лошадей, раздавленные рабочие, тела сопровождавших их наёмников и горящие лужицы разбитых масляных ламп. Зеркальные забрали не только трупы своих людей, но и тех рабочих, которым повезло отделаться лёгкими ранами. Но какой в этом смысл? Почему они не забрали или не убили их как свидетелей? Какие-то странные работорговцы.

"Если, конечно, они были работорговцами, — мрачно подумал Кейн. — Но если так, то тогда кто же они такие?"

Ещё его не переставал мучить вопрос — если бы они с Костоправом не вмешались, то зеркальные просто забрали бы рабочих и уплыли? Эту бойню можно было избежать?

"Нет, — Кейн потряс головой и растёр лицо руками. — Мы всё сделали правильно. Клавис был замешан в тёмных делишках, торговал людьми, и мы должны были попытаться его остановить."

Бэн поднялся на ноги, покачнулся, но смог сохранить равновесие. Некоторое время он внимательно осматривал окрестности, тонушие в темноте, пока его взгляд не остановился на

разрушенном надвое мушкете зеркального, с которым он сражался — валялся рядом с обломками горящей телеги и частью разорванной ядром лошадиной туши. Бэн уже хотел было отвести взгляд, но тут заметил тусклый блеск чего-то ещё. Присмотревшись внимательнее, он заметил игравший в глубине зеркала отсвет огня, медленно пожирающего повозку. Прихрамывая, Костоправ подошел поближе и присел на корточки. Смахнув ладонью кашицу из крови и земли, он увидел треснувшее стекло и закричал:

— Эй, Брустер, помоги-ка мне!

Кейн с неохотой встал и направился к нему. Но мигом оживился, увидев, что именно нашел Костоправ. Вдвоём они оттащили в сторону мёртвую лошадь и быстро разобрали обломки, под которыми оказалось погребено тело одного из зеркальных.

— Одного забыли, — проговорил Бэн и Кейн покосился на него, с трудом сдержавшись от язвительного комментария: "Да ну что ты говоришь, неужели? Я бы сам ни за что не догадался!"

Брустер склонился над мертвецом — а сомнения в том, что перед ними именно мертвец, отпадали, стоило только увидеть рассечённую ключицу — выжить после такой раны просто невозможно. Кейн постучал по чёрному нагруднику — раздавшийся звук лишь отдалённо напоминал стальной. Нахмурившись, он поднял руку зеркального и с удивлением обнаружил, что "доспех" был сплошным, без каких-либо видимых сочленений или крепёжных ремней. Также было и с ногами. И когда он принялся за изучение треснувшего зеркального шлема, он уже подозревал, что увидит — затемнённое стекло, чем-то напоминающее стекло терсека, плотно прилегало к закрытой шее, захватывая подбородок.

— Что это такое? — Бэн присел рядом.

— Не знаю, — Кейн покачал головой. — Никогда раньше ничего подобного не видел. Это больше напоминает костюм, чем доспех, но я такого нигде не встречал. А вот о магифактных барьерах, способных сдержать пулю, слышал, хотя лично с такими не сталкивался. Возможно, это всё новая разработка Arta-Igni, — неуверенно предположил он и, взяв рукоять сломанного мушкета, внимательно осмотрел. — Странно. Никаких опознавательных знаков.

Кейн провёл пальцами по замку и затравочной полке и поднёс их к носу, потом понюхал и сам замок.

— Нет следов пороха. — Задумчиво прикоснувшись к порезу на щеке и ухе, оставленному пулей, вспомнил: — Когда он в меня выстрелил, порохового дыма тоже не было. Да и задержка между выстрелами небольшая. Так что скорее всего это — волшебный импульсар. Но я могу и ошибаться.

— А он сам? — Бэн указал на мертвеца. — Человек или гомункул? Когда я его кромсал, он не произнёс ни единого звука. Да и никто из них.

— Ну, кровь по крайней мере у него обычная, так что он человек.

— Так давай снимем с него эту маску и убедимся в этом.

Кейн не стал возражать. Взявшись рукой за подбородок, он нащупал пальцами окончание зеркала и с силой потянул.

— Крепко сидит, зараза! Помоги.

Бэн взялся за маску и в результате их совместных усилий она поддалась — раздался звук, словно вскрываешь раковину моллюска. Послышалось шипение и внутренности шлема мгновенно заволокло белесым дымом, от которого тело зеркального внутри доспеха начало быстро распадаться и словно бы "таять".

— Бездна! — Кейн отшатнулся, закрыв лицо рукавом и наблюдая за тем, как костюм опадает и теряет свою форму. — Как это похоже на Арта-Игни! У них в оружии тоже стоит защита от внешнего воздействия. Стоит только попытаться вскрыть и весь механизм уничтожает какая-то алхимическая дрянь!

— Ты успел разглядеть его? — скривившись от отвращения Бэн всматривался в бурлящее месиво, недавно бывшее чьим-то лицом.

— Да куда там...

Через пару минут всё было кончено.

— И что теперь? — Костоправ пнул ставшую мягкой "ногу" и поморщился от раздавшегося бульканья.

Кейн хмуро осмотрелся вокруг.

— Оттащим тела подальше от воды, потом поймем лошадей и вернёмся в Веноваль. А этого — он кивнул на то, что осталось от зеркального, — закопаем где-нибудь поблизости. Может, он нам ещё пригодится.

Бэн кивнул и они молча принялись за дело.

Тел оказалось не так много: всего восемь, вместе с двумя членами их группы. Почти все были либо раздавлены телегой, включая Малого Эллада, либо изувечены пушечным выстрелом. "Повезло" только Мартло и ещё одной женщине — в них прилетело по шальной пуле. Но больше всех досталось сержанту Клавису, от которого вообще мало что осталось.

Пройдясь по побережью с уцелевшим фонарём и осматривая тела, Кейн наткнулся на человека, которому разрешил ехать с ними — если он не ошибался, его звали Гарн. Судя по всему, беднягу переехало повозкой.

— Извини, приятель. — Брустер склонился над распростёртым телом. — Не стоило мне тебя брать.

Он уже хотел было уйти, но тут мертвец вдруг ожил и схватил его за ногу. Не ожидавший этого Кейн отшатнулся, но смог сдержать постыдный крик, почти вырвавшийся наружу.

— По... дойди... — тихо просипел Гарн, смотря на него налитыми кровью глазами.

Без долгих колебаний Брустер присел рядом и наклонил голову к его лицу, чтобы можно было расслышать шепот умирающего.

— Ри... гада... — Гарн говорил урывками, натужно выдавливая слова вместе с воздухом: — постоянный двор... "Амулет"... скажи хозяину, что... ищешь свинцового капитана. Расскажи про Клависа и... передай мою табулу.

У него в горле забулькало и последнее, что Кейн смог разобрать, было слово: "прошу". После этого его тело скрутило судорогой и он, выпучив глаза, забился в последней агонии. Она длилась недолго и вскоре он расслабился и обмяк. Брустер опустил ему веки и задумчиво огляделся в поисках котомки — сумка лежала в некотором отдалении. С сомнением подняв её, он вытащил табулу и отметил, что видимых повреждений на ней нет.

— Брустер! — закричал Костоправ, подняв над головой лампу. — Ты будешь мародёрствовать или, может, удосужишься помочь?

— Уже иду.

Кейн вытряс из сумки всё лишнее и, оставив только табулу и найденные в ней деньги, закинул на плечо. Взявшись за руки Гарна, он с натугой потащил его на пригорок к остальным, а потом отправился за следующим.

Уже преодолев половину пути с очередным телом, Бэн вновь окликнул его:

— Брустер, Мартло ещё живой!

Кейн бросил свою ношу и поспешил к нему. Наёмник действительно был жив, но выглядел неважно: весь мундир пропитан кровью, и без того худое лицо осунулось ещё сильнее. Бэн сидел рядом и осматривал рану у него в брюхе. Кейн сел напротив и сжал плечо раненого.

— Эй, Мартло, да ты ещё жив, сукин сын!

Тот ответил с вымученной улыбкой:

— Пока ещё да. Но если вы продолжите на меня пялиться, это ненадолго.

В этот момент Костоправ засунул палец ему в рану, проверяя глубину пулевого отверстия, и Мартло застонал от боли.

— Ну как он? — Кейн повернулся к Бэну, вытирающему палец об штанину наёмника.

— Не очень. — Он поднялся. — Сейчас схожу за инструментом и вернусь.

— Слыхал? Сейчас Костоправ тебя подлатает. Ты главное до лагеря дотяни.

— Брустер, кончай эту слюнявую канитель, — Мартло облизнул потрескавшиеся губы. — Ты лучше расскажи, что здесь произошло?

— А ты ничего не помнишь?

Наёмник покачал головой.

— Ни шиша. Только то, что встал на берегу, а потом будто провалился в самую Бездну. Когда очухался — лежу тут весь в кровище. Что это было?

Кейн задумчиво посмотрел в сторону моря. Значит, удар по мозгам был настолько сильный, что даже пуля не смогла вырвать из погружения в этот... транс. Тогда можно считать, что им с Бэном повезло вдвойне.

— Да ничего особенного, приятель, просто...

Его прервал подошедший Костоправ:

— Наклонись чуть в сторону, Брустер.

Кейн подчинился и краем глаза заметил дуло пистоля. Прогремел выстрел, эхом раздавшийся у него в ушах. Голова Мартло дёрнулась и из раздробленного лба хлынула кровь.

— Во имя бездны! — взревел Кейн, вскочив на ноги и прижав ладонь к уху. — Зачем ты это сделал?!

Бэн швырнул пистоль на колени Мартло и бесстрастно ответил:

— Пуля разорвала ему желудок, он бы не дожил и до рассвета. Так что я избавил его от страданий. — Костоправ некоторое время рассматривал труп, а потом перевёл взгляд на Кейна: — Не поможешь?

— Да пошел ты!

Бэн пожал плечами и взялся за ноги мертвеца.

Когда с телами было покончено, они накрыли их всем, что только могли найти. Останки же зеркального закопали в отдалении и на месте захоронения сложили груды камней, чтобы при необходимости его можно было легко отыскать.

С лошадьми было сложнее — пришлось постараться, чтобы найти их в кромешной темноте. И Кейн, наверное, бросил бы это пустое занятие, отложив его до утра, если бы не Бэн. Он безошибочно определил направление и вскоре нашел всех коней, которые сами же пошли ему на встречу.

— А животина-то тебя любит, — заметил Кейн, но Бэн оставил это высказывание без внимания, взяв под уздцы своего гнедого.

— Куда теперь?

Брустер с кислым видом огляделся.

— Никуда. Найдём место для ночлега и дождёмся, когда хоть немного посветлеет. А то в этом мраке мы обратного пути точно не найдём. — Он поднял фонарь повыше и пересчитал лошадей, которых оказалось пятеро. — Это что, конь сержанта?

Костоправ тоже заметил "новичка" и подошел к нему.

— Да, — ответил Бэн после осмотра, — он самый.

— Давай разведём костёр и посмотрим содержимое его седельных сумок. Может, узнаем, чем именно здесь занимался Клавис.

Расчистив место для стоянки и заготовив сушняк, они обложили костровище камнями и Кейн, достав из сумки трутовицу — магифакт в виде небольшой палочки, внутри которого был заключен младший огненный дух — надломил её и запалил костёр. Когда сушняк загорелся, он побросал в пламя сухие ветки и найденный можжевельник. Кейн бы предпочёл не тратить трутовицу, но они находились слишком близко от воды, из-за чего влажный холод буквально продирает до костей. А так они были обеспечены горящим пламенем на всю ночь.

Подкрепившись разогретой на костре пищей и обработав имеющиеся раны, Бэн подсел вплотную к костру и, накрывшись попоной, задремал, в то время как Кейн принялся за седельные сумки Клависа. Но обследование вещей сержанта результатов не принесло: ни бумаг, ни денег, ни магифактов. В общем, не было ничего, что могло бы дать ответ на вопрос — кем были эти зеркальные солдаты.

"А жаль. — Кейн плотнее закутался в попону. — Сама по себе информация о том, что офицеры Эгиды занимаются работоторговлей, безусловно понравилась бы Шэмиту, но было бы намного, намного интереснее, если бы я нашел связь с Арта-Игни. Если, конечно, в этом замешана Арта-Игни, — тут же поправился он. — И ещё этот Гарн... Кем он был? На когс работал? Ведь фраза: "я ищу свинцового капитана" наверняка является кодовой. Уголовный Розыск Акмеи? Альянса? Внутренняя разведка Эгиды? Или кто покруче? Может, в его табуле найдётся ответ."

Достав из сумки магифакт, он поправил выскочивший из разъёма арканит, и активировал его. Кейн опасался, что информация на мемолите будет зашифрована, но дымчатое стекло терсека услужливо предоставило ему доступ к своему содержимому. Но, как оказалось, не ко всему — часть записей действительно была скрыта. Изучение же оставшегося ничего не дало — какие-то непонятные графики, формулы и записи:

"... у В.Э. из группы "К" было выявлено нарушение в ИМИ, что временами приводит к неконтролируемому выбросу ВКРД. Всё это способствовало получению В.Э. статуса "нестабилен" и, по прогнозам, могло привести к ранней смерти в результате развития гнилодоны."

Кейн хватался за любое понятное ему слово, но, как бы не напрягался, яснее картина не стала. Хотя он где-то слышал про "нестабилен" и "гнилодону". Вот только где?

Он не замечал, что вынырнувший из дрёмы Бэн внимательно наблюдает за его манипуляциями, пока тот внезапно не спросил:

— Откуда ты так много знаешь о магифактах?

Кейн поднял на него рассеянный взгляд.

— Я же был разведчиком-диверсантом, Костоправ, и я был обязан быть в курсе последних новшеств, — он криво усмехнулся. — Нас старались снабжать свежими разработками в первую очередь. Но у этой медали есть и другая сторона — мы фактически

считались добровольцами, тестирующими прототипы, которые в любой момент могли сработать не так, как надо. И знаешь — мы не были против. Всё что угодно, лишь бы победить вас, имперцев.

Костоправ фыркнул.

— У нас тоже было что-то подобное.

— Ты об "одержимых"? — судя по его лицу, Кейн попал в десятку. — Не назвал бы их "добровольцами". Куски мяса, брошенные на убой.

— Не говори о том, чего не понимаешь, Брустер. Не строй из себя знатока имперской жизни.

— Да, ты прав, очень многое осталось за гранью моего понимания. Но одно я знаю точно — все мы, в конечном итоге, оказались брошены на убой. Это то, что нас объединяет.

— Нет, — возразил Бэн. — Нас объединяет только взаимная ненависть и ничего больше.

Кейн не стал возражать. Да и зачем? По большей части Костоправ был прав — колонисты считали и продолжают считать Старый Мир деспотичным обществом, устаревшим и потому обреченном на уничтожение, тогда как имперцы именуют колонистов отребьем без веры и закона, общество которых построено на вседозволенности и еретических постулатах. И Колониальная война в итоге приняла более глубокий смысл, чем имела в начале.

— Слушай, Костоправ, а тебе случаем из вот этого ничего не знакомо?

Кейн пересел к нему, протянул табулу и Бэн некоторое время придирчиво изучал записи.

— Откуда это у тебя?

— Скажем так, нашел у одного из мертвецов, — уклончиво ответил Кейн. — Так тебе это о чём-нибудь говорит?

— Немного, — Бэн покачал головой. — Слишком много сокращений и непонятных терминов. Но одно могу сказать точно — это очень похоже на медицинские карты.

Он вернул ему магифакт и Кейн, нахмурившись, ещё некоторое время просматривал странные "документы".

— И о чём говорится в этих медицинских картах?

— Не знаю, — Костоправ пожал плечами. — Я понял только то, что все эти люди были чем-то больны. Причём некоторые из них страдали от магических её проявлений.

— Н-да. Понятней не стало.

Кейн вернулся на своё место и, вынув арканит, спрятал табулу обратно в сумку. Подбросив в костёр сушняка, он вновь закутался в попону. Согревшись, его уже начало клонить в сон, когда Бэн вновь заговорил:

— По-моему ты не тем занимаешься.

— И чем же, по-твоему, я должен заниматься? — раздраженно спросил Кейн.

— Думать о том, что мы будем рассказывать о произошедшем, когда нас спросят.

— Ну а что тут думать, — проворчал Кейн, устало растирая лицо. — Расскажем всё как есть, только умолчим о некоторых моментах: во-первых — никаких "зеркальных", разлагающихся прямо на глазах. На нас напали работорговцы после того, как мы поняли, что дело тут не чисто и попытались остановить Клависа. Во-вторых — когда стало ясно, что дело дрянь, мы отступили и вернулись только тогда, когда они уплыли. Трупы своих они, естественно, забрали. А если потребуют доказательств, покажем наши синяки и шишки и

отведём на место бойни.

Костоправ некоторое время молчал, размышляя. Потом произнёс: "Годно" и лёг спать, укрывшись с головой. Кейн, тоже чувствуя страшную усталость, скормил пламени остатки сухой травы и веток, перелёг почти к самому костру и закрыл глаза. Но сон ещё долго не шёл к нему, напряженно прислушивающемуся к ночным звукам, пока наконец шум моря и треск костра не сделали своё дело.

8.

Тело Бэна сотрясала крупная дрожь, сорочка насквозь пропиталась холодным потом, но внутри него бушевало настоящее пламя, медленно пожирающее внутренности. Выпутавшись из попоны и скинув мундир, он попытался охладить себя, но стало только хуже. Сколько бы он не дышал, лёгким не хватало воздуха — хотелось разодрать себе шею, лишь бы избавиться от ощущения удушья. Но ни это было самым страшным.

Голоса. Шепот сотен, тысяч голосов пронзал его голову.

Проснись... я здесь... уже скоро... начало...

Поднялся ветер. В ночной тишине раздалось ржание напуганных чем-то лошадей.

Бэн встал на колени и сомкнул челюсти на руке, сдерживая стон. Его взгляд упал на пламя догорающего костра и он что-то увидел в нём. Замерев, он не отрываясь стал всматривался в глубины бушующего огня, жар которого, казалось, проникал в самую его суть.

Чувствую... Элдор... не надо!.. обещай... ПАПА!

Захрипев, Уилторс запрокинул голову к чёрным небесам и ставшие белесыми глаза широко раскрылись — он видел горящие корабли в бушующем море, волны которого захлёстывали пожираемый огнём причал, видел руины разрушенных домов, слышал крики ярости и боли, которые буквально разрывали его на части. Тело Бэна конвульсивно дёргалось, а из раскрытого рта доносилось старческое бормотание, наполненное ненавистью и злобой:

— Единой кровью связаны будут, и душу свою отдадут. Жизнь свою позабудут, но другую за основу возьмут. И с тех пор и поныне, обречены будут свою сущность скрывать, жить в полной глуши и глаз не казать. До тех пор, пока кровь не проснётся, чтоб их к ответу призвать!

Наполненные ужасом лошадиные глаза, в отражении которых можно увидеть скрюченные пальцы ссохшейся руки, тянущиеся к ним. А потом они с нагугой сжимаются в кулак, и вместе с этим жестом начинают рваться жилы и крошится кости, обломками вонзающиеся в живую плоть. И вопль, наполненный дикой агонией, разносится по побережью, сливаясь с безумным старческим смехом...

9.

Кейн с трудом смог разлепить веки. Он ни на грамм не чувствовал себя отдохнувшим, даже наоборот — ощущение, словно закрыл глаза мгновение назад. Всё тело ломило, голова кружилась, а в висках противно стучало — приятного до отвращения мало. И это при том, что он уже больше недели ведёт трезвый образ жизни!

С усилием сев, спрятал лицо в ладонях, надавив при этом на глаза. Когда приступ головокружения сошел на нет, он моргал до тех пор, пока зрение не пришло в норму и картинка окружающего не обрела чёткость: мундир Костоправа валялся рядом с давно потухшим костром, а сам он спал спиной к нему, наполовину накрывшись попоной так, что была видна его испачканная в грязи сорочка. Небо всё также чернело над головой, едва заметно посветлев. И самым поганым было то, что по всей видимости собирался дождь.

Этого ещё не хватало, — мрачно подумал Кейн, склоняясь над костром и раздувая оставшиеся от трутовицы угольки, которые тут же затлели. Быстро нарвав травы, он бросил её в занимавшееся пламя и через несколько минут разжёл вполне пригодный костерок. Устанавливая походную треногу и вешая на неё котелок, он надеялся на то, что завтрак поможет ему придти в себя и загнать поглубже выползшую наружу головную боль. Высыпав в воду овсяные хлопья, Кейн поднялся и потянулся так, что затёкшие мышцы и одеревеневшие суставы застонали и громко заскрипели. Разминаясь, он обошел кругом стоянку, заодно проверяя, всё ли в порядке.

Странности обнаружили, когда Кейн, позёвывая, решил справить малую нужду. С облегчением опустошая мочевой пузырь, он лениво скользил взглядом по степи, когда-то бывшей цветущей долиной, и наслаждался разлитой в воздухе тишиной. Наслаждался до тех пор, пока тревожный звоночек в его голове, с трудом преодолевая стянувшее виски напряжение, не стал бить тревогу: Здесь что-то не так! Ты разве не чувствуешь? Ну же, включай мозги пока ещё не поздно!

Нахмурившись, Брустер застегнул ремень и осмотрелся уже более внимательно. На первый взгляд ничего необычного: до его слуха доносилось потрескивание огня и тихое бурление воды в котелке, посапывание Костоправа, в воздухе витал, щекоча ноздри, запах чего-то смутно знакомого, а в остальном было тихо. Слишком тихо.

Лошади. Почему он не слышит лошадей?

Резко обернувшись, Кейн нашел глазами то место, где они привязали животных, и с облегчением вздохнул — судя по тёмным силуэтам, все лошади мирно спали, лёжа на земле рядом друг с другом. Расслабившись, он призывно свистнул и замер, ожидая ответной реакции.

Её не последовало. Ни ржания, ни фырканья, ни малейшего движения со стороны пятерых массивных фигур.

Ему стало не по себе. Положив ладонь на рукоять пистоля, повторил попытку ещё несколько раз, но с тем же результатом. Сглотнув подступивший к горлу комок и стараясь глубоко дышать, Кейн медленно попятился обратно к костру. Оказавшись в освещённой зоне, подумал было разбудить Костоправа, но счёл эту мысль не очень разумной — ведь если они на самом деле спали, то он выставит себя не в лучшем свете и Бэн не преминет ему об этом напоминать при любом удобном случае. Поэтому Брустер вернулся к лежаку, зажег лампу и уже с ней направился к лошадям.

Осторожно ступая по мёрзлой земле, он временами замирал, тщась услышать конское сопение, но со всевозрастающей тревогой всё отчетливее осознавал, что этого не произойдёт. Потому что он наконец понял, почему разлитый в воздухе запах — по мере его приближения становящийся всё сильнее — показался ему знакомым: едва уловимый аромат крови, смешанный с сыростью, потом животного, навозом и мочой — так пахнут свежесъеденные внутренности. Кейн знал это, потому что раньше ему частенько доводилось колоть свиней, баранов и прочую домашнюю живность. Ну и, конечно же, эхо

войны оставило свой след в памяти. И когда подрагивающий свет ручного фонаря коснулся первой лошади, Кейн был уверен, что готов к тому, что откроется его взгляду.

Но он ошибся.

По мешанине из плоти, которую пронзали торчащие в разные стороны обломки перемолотых костей, с трудом можно было догадаться о том, что всё это каких-то несколько часов назад было добротным конём. Всё вокруг орошено кровью на добрых несколько футов, везде разбросаны останки внутренностей. Создавалось впечатление, будто несчастное животное с невероятной силой смяли, подобно клочку бумаги, ломая кости, разрывая жилы и мышцы, а потом, когда лошадь лопнула словно перезревший томат, отшвырнули как тряпичную куклу и взялись за следующую.

Закрыв рот и нос рукавом, Кейн отвернулся, с трудом успокаивая взбунтовавшийся желудок. Увиденное оказалось омерзительнее вчерашних раздавленных повозкой тел рабочих — там хоть было видно, что это люди, а не куски мяса. Кто мог сотворить подобное? Зачем? И самое главное — то, что заставляло волосы на голове шевелиться — почему он ничего не слышал? Почему не проснулся от криков боли умирающих в страшных мучениях животных?

На ватных ногах он вернулся к костру и плюхнулся на свой лежак. Уставившись в пламя, хриплым, натуженным голосом позвал:

— Костоправ... Костоправ проснись, у нас проблемы.

Бэн даже не пошевелился, продолжая похрапывать. И тогда Кейн взревел:

— Костоправ! Подними свою жопу, твою мать!!!

Тело спящего содрогнулось и через пару мгновений Бэн уже стоял на ногах, озираясь по сторонам с широко распахнутыми глазами. Не увидев ничего подозрительного, он повернулся к Кейну и, нависая над ним, в бешенстве закричал:

— Поглоти тебя Теламар, Брустер! Какого демона ты вопишь?! В бабы записался?

Тот ответил спокойным голосом, чеканя каждое слово:

— Можем попроситься с нашими лошадьми. Их, как ты сейчас выразился, поглотил Теламар. Но, видимо, они ему не понравились и он их пожевал да выплюнул.

— Это как? — Бэн рассеянно посмотрел в ту сторону, где должны спать лошади.

— А вот так. Если хочешь, можешь сам сходить и...

Кейн поднял взгляд на Костоправа и осёкся. Резким движением он вскочил на ноги и мощным ударом в лицо опрокинул Уилторса на землю, а затем выхватил пистоль и направил его на опешившего Бэна.

— Не двигайся! — взревел он. — Сделаешь лишнее движение и я, клянусь бездной, прострелю тебе башку!

— Брустер, — не сводя глаз с чёрного дула пистолета, Уилторс медленно поднял руки, — ты чего?

— Ничего! — Кейн отступил на несколько шагов, не сводя глаз с Костоправа. — Если бы ты сейчас видел свою рожу, то поступил бы точно также.

— Может, объяснишь? А то я как-то не соображу.

Сволочь! Всё-таки он сделал это! — Бэну с трудом удавалось сохранять невозмутимое выражение лица. — Обвёл меня вокруг пальца! Ослабил мою бдительность и нанёс удар в спину!

— Нет уж, это ты мне объясни, зачем ты убил лошадей?!

— Чего-о?

— Того! Ты на себя посмотри сначала, а потом изображай невинную овечку.

Ничего не понимая, Бэн поднёс ладони к глазам.

— Какого?..

Его руки были чуть ли не по локоть вымазаны в засохшей крови. Опустив взгляд, он с ещё большим изумлением увидел, что и его сорочка буквально потемнела от неё.

— Брустер, — наконец выдавил он, не переставая разглядывать себя, — если это шутка, то она не смешная.

— Ага, — Кейн скептически изогнул бровь, — делать мне больше нечего, как резать лошадей и обливать тебя их кровью.

Видя шокированное лицо Костоправа, Кейн на мгновение заколебался — искренен ли он или это уловка? Хотя... Зачем бы ему убивать животных и при этом не скрывать следов своей причастности к этому? Или это такая извращенная игра?

Его голову вдруг пронзила резкая боль, от которой в глазах потемнело и он пошатнулся. Ощущение, словно рядом взорвалась бомба. Едва не выронив пистолет, Кейн восстановил равновесие и потряс головой. Когда перед ним перестали плясать разноцветные круги, он вновь обратился к всё ещё ошарашенному Бэну (если, конечно, он не притворялся):

— У тебя и лицо тоже всё в крови.

— Лицо? — Костоправ дотронулся рукой до рта и ощутил, что губы и весь подбородок покрыты запёкшейся коркой.

— Ага. Ты как-то забыл упомянуть, что тебе раз в месяц требуется отпить крови пяти лошадей. Эй, стой я сказал!

Не слушая его предостережений Бэн хотел было встать, но когда Кейн выстрелил ему под ноги, был вынужден остановиться. Не давая Костоправу опомниться, Брустер схватил мушкет и вскинул его к плечу, вновь беря Уилторса на мушку.

— Что именно из: Не двигайся или я снесу твою башку тебе было непонятно?

Бэн повернулся к застывшему в напряжении Брустеру.

— И что теперь, застрелишь меня?

— Я об этом подумываю, знаешь ли.

— Слушай, Кейн, — Бэн облизнул губы, — давай не будем торопиться и всё обсудим, хорошо? Поверь мне, я удивлён также, как и ты.

— Удивлён? — Из его рта вырвался нервный смешок. — Это слишком мягко сказано.

— В любом случае я прошу тебя подумать вот о чём — если это сделал я, то почему я хотя бы не умылся, а? Тут же море рядом, прямо под боком. Зачем мне весь это спектакль?

— Это я у тебя хотел спросить.

— О Ренир, ты меня не слушаешь! Кто из нас тут секурист, а?! Включи мозг! С чего мне убивать лошадей, но не трогать тебя? Я, знаешь ли, не такой болван, чтобы недооценивать тебя, Дымок. Если бы это всё сделал я, — он развёл руки в стороны и сделал выразительную паузу, — то ты бы не проснулся, уж можешь мне поверить.

Смотря на него ещё некоторое время, Кейн наконец покачал головой.

— Трудно это признать, но ты прав. Я не вижу логики в твоём поступке. Сожрать лошадей это одно, но не сделать меня своим главным блюдом, — Кейн усмехнулся. — Я оскорблён до глубины души, знаешь ли.

Бэн вздохнул с облегчением.

— Рад, что на этот раз мы нашли общий язык. Ты же теперь меня не прибьёшь, верно?

Кейн слегка помедлил с ответом, рассматривая его поверх мушкета.

— Пока нет. Но на всякий случай запомни — если в следующий раз я проснусь и увижу, что ты пытаешься мне что-нибудь отгрызть, то без промедления вышибу тебе мозги и уже не буду разбираться что к чему.

— Учту на будущее, — Бэн нервно хмыкнул, всё ещё настороженно косясь на ружьё в его руках. — Брустер, я реально не понимаю, что произошло. И эта кровь... Грэйвр! Я не помню ни черта! Понятия не имею, откуда она взялась. Но, если ты не против, я схожу, посмотрю на коней?

— Скорее на то, что от них осталось, — Кейн сплюнул и, наконец, опустил мушкет.

Бэн медленно поднялся на ноги, продолжая держать руки на виду. Оставив Брустера у костра, Костоправ взял лампу и, с опаской оглядываясь и поминутно ожидая услышать хлопок выстрела, направился к лошадям, которых накануне лично стреножил и надёжно привязал. По дороге он всё пытался вспомнить — но самое главное понять — как и зачем он (если это и вправду был он) так поступил с бедными животными? Он никогда не мучал беззащитных тварей, а наоборот, помогал им. Его отец всегда учил — если нужно убить животное, делай это быстро, чтобы оно не страдало. Тот же, кто убивает и мучает неразумных существ, не могущих дать отпора, без особой на то надобности, а просто по прихоти и ради своего удовольствия — тот хуже любого зверя и не достоин именоваться человеком. И Бэн жил, руководствуясь этими словами и никогда их не нарушая. Он сделал их своим кредо. Убить человека для него всегда было проще и он никогда не испытывал сожалений, в отличие от тех мгновений, когда было необходимо оборвать жизнь животному.

Так что же могло заставить его переступить через свои принципы?

Бэн остановился рядом с останками лошадей и не мигая рассматривал их. Ему казалось, что он простоял так целую вечность, прежде чем наконец сдвинуться с места. Подняв фонарь над головой, он переходил от одного трупа к другому, пытаясь вспомнить, как лишал жизни каждого из них. Как слушал их предсмертные вопли. Как прикивал губами к ранам ещё живых зверей и с наслаждением пил алую кровь, стекающую по подбородку и груди.

Но он не помнил.

Перед внутренним взором проносились только хаотичные образы из странных снов, посещавших его этой ночью: всепожирающий огонь, бушующее море, крики ярости и боли, заливающий всё и вся слепящий свет, проникающий в каждую частичку естества и уничтожающий его.

И кровь. Много крови. Безбрежные океаны густой эссенции.

Сглотнув подступивший к горлу комок, Бэн развернулся и направился к морю.

Ему было необходимо как можно скорее скинуть пропитанные ЕЮ одежды и смыть с себя ЕЁ следы.

Что бы не произошло прошлой ночью, ему это определённо не нравилось.

Когда он вернулся, Кейн как раз заканчивал собирать свою скудную поклажу. Бросив взгляд на мокрого, практически полностью раздетого Костоправа, Брустер уселся на теперь уже бесполезное седло и, сложив руки на покоящееся на коленях ружьё, спросил:

— Ну?

Бэн подошел к своему лежаку, достал из мешка сменную одежду и, тщательно вытеревшись, стал натягивать её. Холодная вода привела его в чувство и у него было достаточно времени, чтобы придумать для Брустера правдоподобное объяснение. Не признаваться же ему в том, что он на самом деле понятия не имел, что произошло на самом

деле!

— Это сделал не я, — не оборачиваясь ответил он, когда Кейн уже сомневался в том, что вообще получит ответ.

— Неужели? — Брустер немного помолчал, а потом развёл руки в стороны. — А кто же тогда?

— Магия. — Подобрав с земли мундир, Бэн отряхнул его.

— Магия? Ты не говорил, что владеешь магией.

Кейн как бы невзначай поправил пистоль, заткнутый за пояс.

— Как и многие из владеющий даром, я утратил к ней способности после коллапса. — Надев и застегнув мундир, Костоправ присел к догорающему костру. — Но не так давно я вновь почувствовал, что мои силы вернулись. Именно это и было одной из причин того, что я принял приглашение Эгиды. Понимаешь ли, — подобрав веточку, он принялся перекачивать ею тлеющие угли, — мой дар заключается в основном во власти над плотью и костью. Узнав об этом, аркани наверняка наложили бы на меня кучу ограничений, а потом и вовсе заставили трудиться во имя всеобщего блага. От таких перспектив я был, конечно же, не в восторге. Что же насчет произошедшего, — он сделал паузу: — то скорее всего дар окончательно пробудился и потребовал некоторой... платы за долгое воздержание. Так что я по сути не виноват, потому что не владел собой.

Брустер провёл ладонью по бороде и бросил взгляд в сторону павших лошадей.

— Почему лошади? — наконец задумчиво спросил он.

— М? — Бэн поднял на него недоумевающий взгляд.

— Почему лошади? — повторил Кейн. — Почему не я? Всегда думал, что человеческая жизнь намного ценнее для подобных магических... ритуалов.

Костоправ пожал плечами.

— Не всегда. Зависит от ритуала. Что же до ответа на твой вопрос, то я думаю, крови в пяти лошадях больше, чем в твоём теле. Ты бы сгодился, если бы их оказалось недостаточно.

— Ну спасибо, успокоил! — Кейн фыркнул и устало помассировал переносицу. — И как, в ближайшее время от тебя стоит ожидать подобных плясок смерти? Или твой дар насытился?

Бэн склонил голову и прислушался к себе.

— Думаю, что больше такого не повторится.

— Сообщи, если что-то изменится, чтобы я успел убраться от тебя подальше.

Уилторс непроизвольно улыбнулся и заметил:

— У тебя, кстати, овсянка давно приготовилась.

— Да, знаешь ли, аппетит отчего-то пропал, — язвительно ответил Кейн, поднимаясь на ноги. — Так что можешь угощаться. Только поторопись, — он бросил взгляд на чёрные тучи, — гроза уже близко. Нам надо успеть найти обратную дорогу до её начала.

Словно в подтверждение его словам над их головами вспыхнула молния и загремел гром.

Глава 3. Винтра

Глава 3. Винтра.

1.

В кабинете, в котором они находились, стоял полумрак и было так душно, что они мгновенно покрылись испариной. Сумеречного света, который просачивался сквозь зашторенные окна, едва хватало, чтобы осмотреться: шкаф, тумбочка в углу, несколько картин и дубовый стол с двумя стульями, не считая массивного кресла с высокой спинкой, в котором сидел, укутавшись в шерстяное одеяло, хозяин кабинета и пристально их изучал, переводя взгляд с Кейна на Бэна и обратно. Кроме него здесь привлекал внимание разве что маленький аквариум, стоящий на табурете у стены, вплотную к зеркалу высотой в человеческий рост. В нём плавали маленькие чёрные рыбки с выпученными глазами, которых называли верхоглядами. Они безучастно взирали на окружающий мир и беззвучно хлопали ртами, словно утопленники, задыхающиеся в предсмертном крике. Эти рыбки были идеальными свидетелями тайных разговоров, которые вёл в этой комнате их хозяин. Кейн перевёл взгляд на утопающего в кресле начальника безопасности Аэгис Материум и нервно дёрнул щекой. Наверняка многие после подобных разговоров были также безмолвны, как и эти верхогляды.

Бэн шумно переступил с ноги на ногу. Ему не нравилось ни это место, ни эти лупоглазые рыбы, ни этот широкоплечий старикан с впалыми щеками и глубоко посаженными глазами, которыми он тарасился на него.

Несмотря на разыгравшуюся непогоду им удалось добраться до Брэвила. Получив там лошадей они уже без особых проблем добрались до Веноваля, где сдали рапорт и стали ждать, когда их вызовут на допрос. А то, что их всё-таки вызовут, Кейн не сомневался — ведь в деле оказался замешан один из старших офицеров Эгиды, поэтому начало внутреннего расследования было лишь делом времени.

А это, в свою очередь, было неплохим шансом показать себя.

Наконец сидевший в кресле пошевелился и тут же закашлялся, прикрыв рот рукавом. Когда приступ прошёл, он вытер потрескавшиеся губы и потянулся к стоящему на столе кристаллу размером с указательный палец.

— Приветствую вас, мэссэры. Меня зовут Кастор Мальфит, — он слегка постучал по светару и тот начал медленно наливать светом, разгоняя полумрак комнаты, — я представитель от Аэгис на этой территории, руковожу солдатами и охраной.

Кастор взял со стола объёмную папку, перехваченную шнуровкой, и вновь откинулся на спинку кресла. У него был скрипучий, с хрипотцой, голос, и говорил он монотонно и тягуче, словно читал доклад перед аудиторией.

— Именно благодаря мне вы сейчас находитесь здесь. Потому что идея вербовать ветеранов исходила от меня. Мы и раньше имели подобную практику, хотя, признаюсь, её результаты были противоречивы. Тем не менее я уважаю опыт, а именно опыт необходим в решении некоторых деликатных вопросов, которые периодически возникают у нас на производстве. И сейчас, как я могу судить, возникла очередная проблема. — Расшнуровав

папку он посмотрел на них. — Согласно вашему рапорту сержант Клавис Дэран был замешан в торговле людьми. Признаюсь честно, поверить в то, что наш офицер связан с работоторговлей, было довольно затруднительно. Но изучив имеющиеся улики, ваши слова подтвердились, как бы мне не хотелось обратного.

Кейн и Бэн молча ждали продолжения, наблюдая за тем, как Мальфит задумчиво просматривает бумаги из папки.

— И в связи с вашей, кхм... — Кастор откашлялся в кулак, — вовлечённостью в данное дело, напоминая о неразглашении какой бы то ни было внутренней информации гильдии. Но вернёмся к вашему рапорту — вам есть что добавить к уже сказанному?

Бэн отрицательно покачал головой, а Кейн как можно непринуждённое пожал плечами.

— Никак нет, мэссэр Мальфит. Лично я при составлении отчета постарался отразить всё в деталях. К тому же, лейтенант Фальфард нас уже допросил.

Костоправ метнув в его сторону быстрый взгляд. Интересно, какие именно детали он там отразил?

— Да, я читал доклад, — хозяин кабинета кивнул. — И благодарю вас за подробное изложение событий, это сильно облегчило нам задачу. Хотя, конечно же, очень жаль, что мы не имеем возможности допросить самого Клависа.

Не сдержавшись, Бэн хмыкнул.

— Это да, от него мало что осталось для допроса.

— Верно, — нахмурившись, Мальфит поправил сползший плед. — Но отставим разговоры о Клависе, он больше не ваша забота. Я вызвал вас также и по другой причине. Вот это, — он приподнял папку, — ваши личные дела.

Кейн с Костоправом одновременно застыли, с напряжением буравя её взглядами:

"Аркани! Попался таки!" — пронеслось в голове Бэна.

"Нашли мою связь с Шэмитом," — мрачно подумал Брустер.

— По крайней мере здесь то, что у нас есть на вас, — продолжал тем временем старик. — В основном это, конечно же, данные о ваших успехах здесь, в рядах гильдии.

Кейн выпустил воздух сквозь плотно сжатые зубы. Бэн разжал стиснутые за спиной кулаки.

— Однако мне удалось поднять связи и немного разузнать о вас. — Кастор с секунду смотрел на них, потом уткнулся в бумаги. — Например вот, послушайте: Кейн Брустер, позывной "Дым". Родился на Винтаде в 459 году от основания колоний, служил в Винтадской армии. В 79-ом был назначен командиром четвёртой бригады диверсионного отдела колониальной контрразведки. Успешно участвовал в особо секретных операциях на территории бывшей Империи. Отличился в военной кампании при Рулофе. Имеет ряд наград.

"Имеет ряд наград", — Кейн усмехнулся. — Забавно. Ведь их вручали либо на словах, либо прямо на фронте. А звучит так, будто я храню коробочку с орденами под кроватью."

Мальфит кашлянул в руку и, перевернув страницу, продолжил:

— С мэссэром Уилторсом оказалось немного сложнее, ведь он реабилитированный имперский подданный. Но нам повезло и ваш поручитель — мэссэр Нифал Колт — предоставил некоторую информацию.

"Всё-таки нужно было убить и его тоже, — с досадой подумал Бэн. — Моя вина. Впредь надо подчищать хвосты."

— Полное имя Элдор Бэнталиор Уилторс, позывной "Бэн", но более известен как

"Костоправ". Место и дата рождения неизвестны. По мнению мэссэра Колта, цитирую: "является тем самым Кровавым Костоправом из Антригора, о котором во время войны ходило столько слухов." Посему хотел бы спросить, — Кастор поднял взгляд на Бэна, — эти данные верны?

Пока Уилторс лихорадочно размышлял, как именно ему ответить на этот каверзный вопрос, Кейн его опередил:

— Мэссэр Мальфит, я могу подтвердить эту информацию.

Костоправ яростно вытаращился на него. Брустер сделал вид, что не заметил этого.

— Вот как, — старик удивлённо вскинул брови и сцепил руки в замок. — Что ж, я вас слушаю.

— Благодарю, — Кейн слегка склонил голову. — Первые упоминания о Костоправе датируются 78-м годом, когда в местности Квазилле была с особой жестокостью уничтожена имперская деревня с расположившимися там ранеными колониальной армии. После ещё нескольких событий подобного рода задача поймать и обезвредить была поручена мне. Но с поставленной задачей я... хм... справиться так и не смог. После войны он угодил в лагерь военнопленных на Эг-Вигади, а потом попал под закон о реабилитации и был оправдан. После проживал в Новом Телионе. — Слегка нахмурившись, Кейн замолчал. Он хотел добавить что-то ещё, но из-за поднявшейся головной боли забыл, что именно. — Так что с полной уверенностью могу вам сказать, что это "тот самый Костоправ."

— Занятно. — Мальфит задумчиво захлопнул папку и положил её на стол. — В таком случае я немного удивлён тем, что вы не поубивали друг друга ещё на корабле.

Наёмники переглянулись и Брустер пожал плечами.

— Слишком много воды утекло, мэссэр Мальфит.

— И было выпито слишком много виски, — поддакнул Бэн.

Кастор кивнул, соглашаясь с их словами.

— Что ж, будем надеяться, вы и дальше будете поддерживать такие же дружеские отношения. — Он плотнее закутался в одеяло. — Дело в том, что я хотел бы, чтобы вы продолжали работать в паре. Думаю, навыки и умения опытного, хоть и бывшего, разведчика и известного военного преступника в отставке могут пригодиться в решении возникших у нас, гм, затруднений.

Кейн напрягся и весь обратился в слух — похоже, ему наконец выпала возможность глянуть одним глазком на секреты Аэгис Материум.

— И прежде, чем... — старика скрутил приступ сухого кашля, длившийся довольно долго. Как только он прошел, Мальфит, отдышавшись и вытерев выступивший пот, сдавленным голосом продолжил: — Прежде, чем мы начнём, прошу вас всё-таки подписать дополнительное соглашение о неразглашении.

Кастор открыл ящик стола и извлёк оттуда бумаги. Кейн взял свой экземпляр и тщательно прочитал — ничего необычного, простой договор о конфиденциальности. Он не стал медлить и, быстро расписавшись, вернул бумаги — ведь соглашение по сути ни к чему особенному не обязывало, так, формальность, но не подписав его, сути не услышишь.

Когда Костоправ вернул подписанный документ, Мальфит вновь спрятал бумаги в стол.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Отлично. Теперь о главном: в нескольких часах езды отсюда есть маленький городок под названием Винтра, население около пяти тысяч человек. Всё бы ничего, да только местность там скалистая, а их поселение располагается как раз на равнине, через которую

мы будем тянуть железную дорогу, а они наотрез отказываются оттуда переезжать или предоставить нам возможность и место для постройки. Они мешают горно-добыче своим упрямством и это стоит гильдии весьма недёшево. С этим нужно что-то делать.

Бэн нахмурился и проворчал:

— А что тут думать-то — выгнать их взащей и все дела.

— Если бы всё было так просто, мэссэр Уилторс, мы бы давно так и поступили. — Мальфит зябко передёрнул плечами и раздраженно продолжил: — Но, к сожалению, мы наткнулись на идеалистов: родная долина, земля отцов и всё в таком же духе. Все прочие рядом с ними давно продали нам свою землю и уехали, а эти — будь они не ладны! — упрямятся! А "выгнать взащей" их мы не можем, потому что гильдия подписалась соблюдать права народов. Есть гласное соглашение, вынуждающее нас играть по правилам.

Кейн едва сдержался, чтобы не усмехнуться. Что верно то верно — не без помощи партии гуманистов этот закон был принят и теперь визгливые правозащитники тщательно следят за выполнением договора. Поэтому каждое разоблачение нарушителей вызывает широкий резонанс в народе, а уж новость о том, что подлая Аэгис Материум выгнала с родной земли и лишила домов пять тысяч человек ради строительства железной дороги они встретят как подарок небес. А учитывая надвигающиеся выборы правящей партии это способствовало бы подъёму популярности и получению лишних голосов. Вот за эту информацию Шэмит бы щедро заплатил — жаль, что гильдия осторожничает.

Словно прочитав его мысли, Мальфит предупредил их:

— Как вы понимаете, дело очень деликатное. К тому же про Винтру уже пронюхивали и писали... неприятное. Поэтому не хотелось бы без надобности обострять ситуацию ещё больше. Запомните — гильдия соблюдает права человека, и никто пока не доказал обратного. Ваша задача, чтобы так и оставалось дальше. — Он сделал паузу: — А если вам вдруг станет известно о чём-то подобном, то вы должны сделать всё возможное, чтобы об этом не узнал кто-либо ещё. Ведь мы же не хотим, чтобы порочащая Эгиду информация попала в газеты, верно?

— Конечно, мэссэр Мальфит. Разрешите задать вопрос? — Кейн дождался разрешающего кивка и продолжил: — Почему вы поручаете это нам?

Старик нахмурился.

— Что вы имеете ввиду?

— Дымок хочет сказать, что мы всего лишь рядовые, — подхватил Бэн. — У вас ведь наверняка есть и более достойные кандидаты на столь щепетильную работёнку.

— А, вот вы о чём, — Мальфит криво улыбнулся. — Господа, я уже много лет занимаюсь вербовкой и научился различать целеустремленных людей. Вы у нас чуть более двух недель, но ваши показатели уже выше всех остальных групп. Именно этими данными я руководствовался в своём выборе. Так что можете считать, что я даю вам шанс выслужиться. Мой ответ вас удовлетворил?

— Вполне, — ответил Кейн, а Костоправ лишь молча пожал плечами.

— Тогда вернёмся к делу. — Кастор посмотрел на Брустера. — Мэссэр Кейн, вы уроженец Винтады и к тому же бывший разведчик, сходите туда, поговорите с ними, попробуйте утрясти этот вопрос. Возможно, они прислушаются к своему земляку больше, чем просто к представителю гильдии. А мэссэр Уилторс будет оказывать вам всяческую поддержку и оценит возможность, хм, альтернативных вариантов решения проблемы. Вам всё ясно?

Кейн едва заметно улыбнулся. Всё складывается как нельзя лучше. Осталось только выторговать себе более выгодные условия.

— Это-то ясно, вот только есть одна проблема.

— Какая же?

— Не думаю, что в Винтре будут разговаривать с обычным рядовым. — Брустер окинул выразительным взглядом свой мундир. — Боюсь, они даже могут счесть за оскорбление, если к ним явятся такие представители гильдии.

— Понимаю, — старик задумчиво склонил голову. — Что ж, вы правы. Мэссэр Кейн, я назначаю вас командором и ответственным за это задание, а мэссэра Уилторса, соответственно, вашим помощником в звании младшего лейтенанта. — Заметив, что Бэн собирается возразить, тут же добавил: — Это приказ.

Костоправ скривился и уже собирался плюнуть себе под ноги, но передумал и сглотнул слюну. Ему не нравилось, что придётся подчиниться Брустеру. Это раздражало.

— Разумеется, вы должны понимать, что звания не будут вручены официально. Но они станут таковыми, если вам удастся успешно выполнить порученное. — Он обвёл их пытливым взглядом. — Ещё есть вопросы?

Кейн весь подобрался.

— Если честно, то есть несколько. Хотелось бы подробнее узнать о Винтре прежде, чем мы туда отправимся: кто управляет, к кому прислушиваются, чем живут, в кого верят, есть ли там ваши информаторы. Для начала, думаю, этого хватит.

Мальфит усмехнулся.

— Чувствуется хватка разведчика. Что ж, лично мне известно не много, кроме Винтры были и другие проблемы. Маир у них один старикашка, Хельмут Кромберг — тот ещё маразматик. Он всем и заправляет, хотя решения у них принимает городской совет. Кто в него входит я не знаю. Информаторов у нас там нет, не было надобности. Да и без них всегда справлялись — тому на лапу побольше, тому поменьше и все довольны. — По его недовольному лицу было понятно, что он бы предпочел и дальше решать проблемы таким же способом. — Это всё, остальное вам придется узнавать самим.

Кейн нахмурился и почесал бровь, пытаясь вспомнить, что же ещё ему стоит узнать. Раньше он бы просто так не ушел отсюда, не выяснив всего, что известно по порученному ему заданию. Этот старик наверняка знает больше, стоит его только разговорить, но Кейн так больше и не смог придумать ни одного вопроса. Годы брали своё, а годы с пропитыми мозгами отбирали много больше.

— Ну, не густо, но для начала этого вполне хватит. Мы можем идти?

Мальфит кивнул и тут же закашлялся в очередном приступе. Он сделал несколько попыток что-то сказать, но в конце концов просто махнул рукой — идите, свободны. Но когда они уже открыли дверь, чтобы покинуть кабинет, он едва слышно прохрипел им в след:

— И ещё кое-что. Насчет того, во что они верят... — Кейн остановился и, обернувшись, внимательно посмотрел в покрасневшие глаза старика. — Тут со времён колонизации мало что изменилось — винтадцы всё также верят в мушкет, пулю и шпагу.

2.

Раздался стук, после чего дверь приоткрылась и в кабинет заглянул низкорослый

мужчина.

— Вызывал? — сиплым голосом спросил он.

— А, Фальф, — Мальфит вымученно улыбнулся. — Заходи.

Лейтенант Фальфард, с лёгкой руки наёмников получивший прозвище "Сиплый", аккуратно прикрыл за собой дверь и, пододвинув стул поближе к столу, сел напротив начальника.

— Как ты? — он окинул озабоченным взглядом осунувшееся лицо старика.

Тот в ответ лишь отмахнулся.

— Аа, терпимо. Что там насчёт Клависа?

— Ничего. Судя по всему, этот гадёныш действовал в одиночку.

— Свидетели? Родственники похищенных? Подчистил?

— Если бы, — Фальфард мрачно усмехнулся. — Нечего оказалось подчищать. Сержант оказался не глуп и выбирал одиноких рабочих, а потом просто списывал их как умерших от несчастного случая. Передача осуществлялась в основном с порта Анвэна — чахлая деревушка, мы действительно частенько используем её как перевалочный пункт.

— Вот как? — Кастор выгнул бровь. — Тогда какого демона он потащил с собой новобранцев? И почему сменил место?

— Как мне удалось выяснить, он осторожничал и поначалу уводил по одному-два-три человека за раз. От пяти уже брал сопровождение состоящее из новичков, но тоже не больше одного-двух. После оставлял их в Анвэне, а сам в одиночку заканчивал дело. Что до изменения места встречи, — лейтенант подался вперёд, — то я думаю, его отчего-то изменили покупатели. Если судить по докладам тех двоих, то Дэран торопился и говорил, что людей нужно доставить именно сегодня. Они даже выехали в ночь. И знаешь, что я думаю? Клавис хотел "соскочить".

— Набрал побольше "товара", а после планировал сбежать, перед этим пустив в расход и сопровождавших его солдат, — Мальфит понимающе хмыкнул.

— Ну, не совсем сбежать, — возразил Фальфард. — Просто свалил бы всё на засаду, а потом уволился через некоторое время.

— Умно. — Старик закашлялся. — Ладно, в бездну Клависа! У меня и без него забот по горло.

Мальфит угрюмо сложил ногу на ногу и съёжился, кутаясь в шерстяное одеяло. Помолчав некоторое время, он мрачно буркнул:

— Я отдал Винтру новичкам, Брустеру и Уилторсу.

— Рискуешь? — Фальфард сощурился.

— У меня нет другого выбора, — Кастор указал глазами на потолок. — На меня давят сверху, требуют решения проблемы. Потому вопрос с Винтрой следует уладить в самое ближайшее время.

— И ты думаешь, они справятся?

Старик дёрнул щекой.

— Чудеса иногда случаются. Но мы должны быть готовым и к тому, что у них ничего не выйдет.

Сиплый откинулся на спинку стула и сцепил руки в замок.

— Хочешь, чтобы я подготовил своих людей?

Мальфит в задумчивости пожевал дряблые губы, а потом кивнул.

— И это в том числе. Давай обговорим детали...

"Нет, они однозначно надо мною издеваются!" — Кейн раздраженно натянул поводья, направляя упрямого коня обратно на дорогу. Ему вновь достался абсолютно неконтролируемый жеребец, езда на котором выматывала до предела. Хотя он уже стал задумываться над тем, что всему виной не животное, а его собственное неумение найти с ним общий язык — ведь раньше-то он вполне прилично ездил верхом!

Над головой серела всё та же небесная хмарь и, когда они достигли холмов и дорога, петляя, потянулась к их вершинам, "день" уже практически подошел к концу. Кейн перевёл взгляд на возвышавшиеся вокруг горы. Если верить указателям и тому, что им сказали, то прямо за этими холмами и находится Винтра. Он никогда не слышал о городе с таким названием, зато слышал об этих горах. Горы Талары. Эта горная цепь как раз отсюда брала своё начало и когда-то делила надвое весь материк. А теперь от бывшего величия осталась лишь тень и это просто остатки гор, чудом уцелевших после падения метеорита. Ещё один памятник прошлого.

Конь под ним в очередной раз взбрыкнул и попятился назад, чуть было не встав на дыбы, но Кейну вновь удалось перехватить контроль. Он обернулся и хмуро посмотрел на уходящую вниз дорогу, которую они уже преодолели. "Ещё бы немного и меня ждал бы славный путь вниз. — Он перевёл мрачный взгляд на своего коня, только что чуть было не убившего их обоих, и крепче перехватил поводья. — Как только доберёмся до города, сразу же обменяю тебя на животину поспокойнее. А тебя какой-нибудь мэссэр-жирная-задница запряжет в плуг и будешь ишачить, пока тебя с голодухи не зарежут и не сожрут. Поняла, конина?" Конь, видимо, понял его намерения, потому что весь остаток пути вёл себя вполне послушно.

Поднявшись на вершины они остановились, удивлённо рассматривая открывшееся им великолепие. Внизу, окруженное со всех сторон горами и холмами, раскинулась цветущая долина. Везде росли высокие деревья, местами переходящие в настоящий лес. Кейн разглядел тонкую полоску реки, очевидно берущую своё начало в горах. Она змеилась по лесам и втекала прямо в город, расположенный у подножия Таларских вершин.

Винтра.

Стало быть, добрались.

Бэн вытянул руку и указал на восток.

— Смотри.

Посмотрев туда, Кейн кивнул — практически вся восточная часть долины была расчищена под пашню и, свети сейчас яркое солнце, они бы увидели зеленеющие поля. Очевидно, земля здесь была более плодородной чем та, через которую они проехали.

"Горы, — догадался Кейн, — горы послужили естественной преградой. Поэтому долина не пострадала. Кусочек здоровой кожи на гниющем трупе. Не удивительно, что жители Винтры не хотят покидать долину."

— Поехали. Нам надо успеть попасть в город до темноты. — Он прищипил коня и начал осторожный спуск.

Бэн запрокинул голову и посмотрел на небо.

— До заката ещё не скоро. Типа "засветло" доберёмся. — Бэн направил своего коня следом за ним. — Хочешь мое мнение? Мы зря потеряем время. Бьюсь об заклад, они нас

даже слушать не будут.

— Не факт. Всё может быть. А что ты предлагаешь?

— Повернуть назад, — незамедлительно ответил Бэн. — Вернёмся и скажем, что с ними говорить бессмысленно. Соберём несколько десятков крепких ребят и устроим добровольное переселение. — Он поравнялся с Кейном и обвёл вокруг себя рукой. — Тут всюду горы, никто не сбежит, это я тебе гарантирую.

— Нет, Костоправ. Мы не будем устраивать тут бойню, как бы тебе этого не хотелось. — Они наконец спустились и теперь ехали по ровной дороге через долину. — Да даже если бы я был "за", ничего бы не вышло. По словам Мальфита здесь пять тысяч человек, и не просто человек — винтадцев. А с пятью тысячами винтадцев лучше не ссорится. Кроме того, нам поручили сделать всё без лишнего шума, а твоё предложение, так сказать, слегка привлекает внимание.

Бэн в ответ презрительно фыркнул, но спорить не стал, лишь придержал лошадь, пропуская Брустера вперёд. После событий на побережье и его внезапного помешательства Костоправ не мог найти себе места — был раздражителен, агрессивен, а его ненависть по отношению к колонистам росла буквально каждое мгновение. С тех пор, как он ощутил, что сила вернулась к нему, Уилторса преследовали неотвязные мысли о том, как он использует свой дар, как говорится, по назначению. Всё-таки когда-то его знали как Кровавого Костоправа из Антригора, и ему — к чему лукавить — это нравилось. И он всё чаще вспоминал, как упивался своей мстостью и наслаждался витавшим вокруг страхом.

Но нет, пока что было рано давать себе волю. Что-то подсказывало ему, что время для этого ещё настанет, и очень скоро. Пока же следовало позаботиться о насущном — он бросил взгляд на Брустера. Всё-таки от него следовало избавиться еще на корабле. Ну, или на побережье. Бэн слишком расслабился и забыл, что Кейн был секуристом и держаться от него стоит подальше. Как кто-то верно подметил — секурист бывшим не бывает. К тому же он слишком много знал о нём, а это Бэну не нравилось вдвойне.

Значит, надо найти способ познакомить командора Кейна с Теламаром. И чем быстрее, тем лучше.

Они ехали вдоль реки и Бэн размышлял, пресная в ней течёт вода или нет. "Если пресная, — думал Костоправ, — то из неё наверняка пьют и её можно будет отравить, а потом спокойно подождать, пока все передохнут. И с такой пустяковой задачей сможет справиться даже помощник командора. — Он с усмешкой буравил взглядом спину Брустера. — И командир об этом может даже и не знать. Мало ли какую заразу можно подхватить, если пить из реки. От этого даже командоры не застрахованы и могут случайно умереть. Ведь болезнь — штука беспощадная."

Кейну были недоступны мысли Костоправа, поэтому он ехал чуть впереди него и терзался сомнениями по поводу предстоящего дела — ведь ему надо было заняться выселением своих земляков, а в этом занятии приятного было мало. Хотя для себя он уже решил, что если у него появится возможность сохранить за ними их земли и обезопасить от нападок Эгиды, то он сделает для этого всё возможное. Но нельзя и исключать варианта, при котором ему всё-таки придётся лишиться винтрацев дома. Исход, конечно, не желательный, но нужно учитывать и его. К тому же, даже если это произойдёт, у него всегда есть время оповестить Шэмита об ущемлении Эгидой прав местных жителей.

Глубоко вздохнув, Кейн попытался расслабиться и принялся рассматривать окружающее его великолепие и наслаждаться. После мрачных картин, через которые им

пришлось проехать, ему казалось, что он попал в райские сады Лантаны, в которых он ни разу не бывал, но многое слышал об их красоте. Он всегда представлял их именно так: шелест ветра в высоких деревьях над головой, журчание реки где-то в глубине леса, которая впадает в водопад и растекается в кристально чистом озере, в котором можно было разглядеть каждый камушек на дне, а потом окунуться в его прохладную воду после долгого жаркого дня; и звуки, звуки все сливаются воедино — и далёкое уханье совы, и пение множества птиц, и порхание их крыльев, и счастливый смех...

Смех? Чей смех?

Голову пронзила резкая боль, стянувшая виски с набухшими венами, в которых толчками пульсировала кровь. Перед глазами всё поплыло и если бы он судорожно не вцепился в седло, то наверняка упал бы с коня. Кейн натянул поводья, останавливая лошадь, и принялся лихорадочно массировать глаза, пытаясь снять напряжение и перебороть желание избавиться от содержимого желудка.

— Чего остановился? Полюбоваться цветочками решил? — рывкнул было Бэн, но тут заметил, как сильно побледнел Кейн и в замешательстве остановился. — Ты в норме? Эй, Брустер?!

Костоправ пощёлкал пальцами перед его лицом и Кейн посмотрел на него налитыми кровью глазами. Некоторое время он словно не понимал, где находится и кто перед ним, но потом его взгляд прояснился и он хотел было ответить, но закашлялся и просто замахал рукой, давая понять, что всё нормально. Бэн немного помешкал, потом пожал плечами и направился дальше, а Кейн ещё немного постоял, унимая бешено бьющееся сердце.

Что это, бездна его поглотит, было?!

Он только что чуть не шлёпнулся в обморок на потеху Костоправу! И самое главное, без видимых на то причин!

"Может, это всё из-за усталости? Всё-таки я в седле уже не один час. Неужели возраст всё же берёт своё? — он неуверенно покосился на своего коня и тут же потряс головой, отгоняя непрошенные мысли. — Да нет, бред какой-то. Какая, в бездну, усталость, если я в порту ежедневно таскал тяжеленные грузы? У меня просто голова закружилась, ничего особенного. Забудь."

Кейн ещё раз помассировал переносицу и поднял взгляд. Оказалось, что он так крепко задумался, что не заметил, как они проехали лес. Теперь им был виден город, широко раскинувшийся в обе стороны. Кейн вспомнил, что когда они смотрели на него сверху, он казался тенью огромного орла, величественно распахнувшего свои крылья и затмившего собой солнце. Тогда ему подумалось, что этот город так гордо стоит среди цветущих лугов, что он даже уверился, что живущие в нём люди ни за что не покинут свой райский уголок, даже если им предложить мешок золота. Теперь же он с неохотой сменил своё мнение.

Уже отсюда можно было различить полуразрушенные строения и пустующие дома, наблюдающие за ними безмолвным взглядом тёмных окон с остатками бычьего пузыря, колыхающегося на ветру. Местами над городом поднимались столбы чёрного дыма и создавалось впечатление, будто город горит. Для полноты картины не хватает только грохота выстрелов и криков умирающих.

"Свети в небесах солнце, всё бы выглядело не так мрачно," — подумал Кейн.

— Не так всё радужно, как казалось на первый взгляд, а, Брустер? — Бэн придержал лошадь и поравнялся с ним.

Он был вынужден согласиться:

— Да, не так. Твоя правда.

— Знаешь, я теперь думаю, что у нас вполне может что-нибудь да выгорит здесь и мы выгоним отсюда твоих вшивых соплеменников.

— Кстати да! — вспомнил Кейн, — Когда прибудем в город, веди себя потише и не зарывайся, а то получишь пулю в лоб.

— Интересно, и кто мне её туда вгонит? — лицо Бэна побагровело, а рука как бы невзначай легла на рукоять топора и сжала её. — Уж не ты ли?

— Нет, не я. — Кейн кивнул в сторону приближающегося города. — Но это с радостью сделают мои "вшивые соплеменники". Что, не веришь? Тогда позволь спросить тебя, что ты знаешь о законе Тнилка?

После некоторого раздумья Бэн отрицательно покачал головой.

— Понятия не имею что это за дерьмо.

— Не против, если я тебя просвещу?

— Валяй. Мне даже стало интересно.

Кейн хмыкнул и начал рассказывать, освежая в памяти события давно ушедших дней:

— Во время первой волны колонизации люди кинулись осваивать земли. И каждый стремился отхапать себе кусок побольше да пожирнее. Не знаю, как в других местах, но на Винтаде появился некий Дувтси Тнилк. Он встал посреди плодородного поля и объявил, что отныне это его земля, а границы этих земель будут там, докуда долетает болт его арбалета. Хотя некоторые говорят, что это был не арбалет, а лук, но в принципе не важно. Суть в том, что после этого он и его сыновья методично отстреливали всех, кто нарушал их "границу". Новости об этом быстро разлетелись и люди взяли с него пример — с тех пор границы земель заканчивались там, докуда мог дострелить владелец земли. Позже арбалеты и луки сменили на аркебузы и мушкеты, а закон о границе был назван законом Дувтси Тнилка. Этот закон поначалу учитывали и в городах. Присмотрись. — Кейн вытянул руку, указывая на Винтру. — Видишь, какое расстояние между домами? Когда начали строить города и деревни, то дома ставили довольно далеко друг от друга. А землю под пашню делили просто — давали в руки самый лучший мушкет, на выбранное тобой расстояние — которое при этом не могло быть меньше тридцати ярдов — ставили пугало в человеческий рост, и всё. Попал — земля до этого места твоя, не попал — вторая попытка давалась не раньше, чем через год. А в это время ты мог обрабатывать городские поля, уплачивая все положенные налоги. Не попал во второй раз, можешь попытаться и в третий ещё спустя год, но если промахнёшься, то попыток больше не будет. И даже больше — незадачливый стрелок изгонялся, опозоренный. Слабаки, как говорится, не нужны никому, — Кейн криво усмехнулся. — Поэтому немногие рисковали, предпочитая оставаться на казённой земле. Плюс был в том, что после первой проваленной попытки вторую и третью можно предпринять спустя хоть тридцать лет, хоть вообще в глубокой старости. Но земля не передавалась по наследству — потомкам, претендующим на неё, следовало подтвердить своё право, попав в цель также, как и предыдущий владелец. Причём расстояние можно было и сократить. Естественно, у аристократии в этом плане было больше привилегий — им разрешалось выбрать стрелка, который бы представлял их. К тому же, с них не часто просили подтверждения при передаче наследных земель. Так что у средних фермеров и тех, кто стал богачами и аристократами этого общества, закон работал как положено, привилегированно. Для горожан же, со временем, закон Тнилка стал формальным и "дальность полета" стала условной величиной, традицией. Кстати, стрелком могла быть и

женщина, это не запрещалось.

В горле у Кейна пересохло, он достал из седельной сумки флягу и сделал несколько глотков. Бэн внимательно слушал его, задумчиво склонив голову набок. Напившись, Кейн рыгнул, а потом ткнул пальцем в крышу возвышающегося над городом здания.

— Видишь ту громадину? Скорее всего это Дом Собраний. Такие дома у нас стояли в каждом городе или деревне. Там вершился суд, проходили совещания, гуляли на праздниках, справлялись свадьбы. — Кейн ехал, покачиваясь в седле и улыбаясь своим воспоминаниям. — В общем, много чего. В том числе там хранился самый лучший мушкет, который и выдавали, когда требовалось применить закон Тнилка. Естественно, он был больше предметом традиции, который использовали для общественно значимых и торжественных мероприятий, а так допускалось своё оружие. А "мушкет Тнилка" считался своего рода общим, каждый мог назвать его "своим" и попросить совершить выстрел именно из него. Особенно удобно, когда ты не имеешь собственного оружия.

— Велика затея — дать мушкет тому, кто и стрелять-то не умеет. — Бэн презрительно скривился. — Это как дать кузнецу краски вместо молота и велеть расписать храм. Тоже мне, справедливость.

— О, Элдор, ты ошибаешься, — последнее слово он произнёс довольно щурясь и протяжно растягивая, а губы изогнулись в довольной улыбке от уха до уха. Бэну он напомнил кота, объевшегося кошачьей травы. Ни тот ни другой даже не обратили внимания на то, что Кейн впервые назвал Костоправа первым именем. — Практически каждый винтадец, будь он земледельцем или рифмоплетом, обязан был иметь у себя хотя бы самый захудалый мушкет — ну или на худой конец арбалет или лук — и уметь стрелять из него. Неписанный закон этих земель. Ведь при колонизации были свои жесткие законы, поэтому все вооружались, готовые в любой момент сами себя защитить. И кстати, ты мог не знать о Дувтси Тнилке, но вот об отрядах винтадских стрелков слышал наверняка.

Бэн кивнул. Он слышал. И даже сталкивался в самом начале войны. Он едва выжил и ту встречу запомнил надолго. Умелые бойцы. Меткие. Быстрые. Собранные. Дисциплинированные. Многие достойные имперцы пали от их пуль. Бэн помнил летящую ему в лицо мозговую жидкость графа Аролонда, его командира, словно это было вчера. Бедняга даже не понял, что умер. Всё пытался договорить о том, какие они придурки и мя... мя...мя... Так он и свалился, мяукая словно котёнок. Когда Бэн выбрался из той мясорубки и вспомнил мяукающего графа, то не смог сдержать истеричного смеха. Так и сидел, размазывая по лицу соплю вперемешку с мозгами и хохотал до слёз...

— Так вот, — продолжал тем временем Кейн, — отряды этих стрелков состояли из обычных жителей Винтады.

Брови Бэна поползли вверх.

— Брешешь! Не может этого быть...

— Если ты всю жизнь учился держать мушкет в руках и попадать в монету с двадцати ярдов, то очень даже может, — возразил Брустер. — Винтадские стрелки были сформированы из средних фермеров, скотоводов, торговцев и дельцов, способных постоять за себя. Как я уже говорил, лихие времена диктовали свои условия. А теперь посмотри на этот город и на эти дома снова и скажи мне, чего там нет?

Бэн долго всматривался в приближающиеся дома, но так и не смог увидеть ничего особенного. Наконец, он сдался.

— Понятия не имею. И чего же там нет?

— Стен. — Кейн перестал улыбаться и теперь не отрываясь смотрел в тёмные глазницы мёртвых домов. — И заборов. Закон Дувтси Тнилка — граница моих земель заканчивается там, где я могу подстрелить сукина сына, посягнувшего на неё.

Он повернулся и посмотрел Бэну в глаза.

— А теперь подумай, почему Кастор Мальфит хочет мирно урегулировать создавшуюся проблему? — он тут же отвернулся и сам ответил на собственный вопрос: — Потому что проще договориться, чем воевать с пятью тысячами винтадских стрелков.

В полном молчании они въехали в Винтру.

4.

Если их и заметили, то виду не подали. Хотя Кейн не сомневался, что об их прибытии уже знает как минимум половина города. Он спокойно жевал дымящуюся папиросу и изредка бросал раздраженные взгляды на Костоправа. Тот ёрзал в седле и то и дело нервно поправлял покоящийся в седельном чехле мушкетон — проверял, не зацепится ли он, если придётся быстро им воспользоваться. Он всё ждал предупреждающего крика или выстрела, требований представиться или сразу валить отсюда куда подальше, но всё было тихо. И от этого Бэн нервничал ещё сильнее, а когда он нервничал, то злился.

Они проехали под деревянной аркой и над их головами со скрипом покачивалась на ржавых цепях старая потрескавшаяся доска, на которой тем не менее регулярно докрашивали надпись: "Добро пожаловать в Винтру". Тут же они встретили и первого жителя: он сидел недалеко от арки, на нём была тёплая телогрейка из овечьей шкуры с меховым воротником, а на глаза надвинута потрёпанная шляпа, из-под которой можно было разглядеть только тронутые сединой усы и кончик носа. Привалившись спиной к ближайшему дому и вытянув ноги в пыльных сапогах, он безмятежно храпел в обнимку с мушкетом. Увидев его, Бэн мгновенно расслабился — теперь понятно, почему их не встречали — "ужасные" винтадские стрелки просто спали без задних ног! А он ещё напрягался. Кейн же просто скользнул взглядом по спящему и, не задерживаясь, направил коня в глубь города.

Если бы кто-нибудь из них обернулся, то увидел бы, как "спящий" слегка приподнял голову, провожая их внимательным взглядом, после чего надвинул шляпу поглубже на глаза и вновь захрапел.

Бэн ехал и хмурился, осматриваясь вокруг. Дома, тянувшиеся по обеим сторонам дороги были хоть и старыми, но тем не менее выглядели лучше тех, что стояли при въезде. Было видно, что их стараются держать в хорошем состоянии, хоть и не везде это удаётся — у многих не было стёкол и их заменял бычий пузырь, дерево потрескалось, крыши прохудились, да и многие дома были просто заброшены, лишь в некоторых чувствовалось хозяйская рука. Но чем дальше они ехали, тем больше горожан встречали и тем лучше становилась общая картина — добротные дома, застеклённые окна, свежие вывески магазинов, баров и трактиров со стоящими у коновязей лошадьми.

Бэн недоумевал видя всё это — перед въездом он думал, что город живёт на последнем издыхании, а теперь удивлялся тому, что здесь всё не так уж и плохо. Он бы даже сказал, весьма неплохо. Но какого Теламара, спрашивается, они не разберут все эти раздолбанные дома при въезде? И Брустера это, по видимому, несколько не удивляет. Станный народ, эти винтадцы.

Кейн же на всё это действительно не обращал внимания. У винтадских городов не было

стен, зато внешний пояс состоял из домов, которые служили отличным убежищем для стрелков. Поэтому о них особо не заботились, лишь содержали в пригодном состоянии. Несколько рядов таких "стреловок", (или "стрелянок" — так обычно называли эти дома), стояли вразнобой и не позволяли свободно проникнуть вглубь города, а пропитанная особым раствором древесина защищала от поджога. Свободные переходы же заваливали баррикадами, заставляли телегами, перегораживали кольями. Винтадцы старались не ввязываться в драку на открытой местности и никогда не признавали стрельбы стенка на стенку — лучше побегать от противника и всадить ему в итоге пулю в шею, чем стоять в чистом поле как баран и ждать когда тебя прикончат. И "стреловки" отлично помогали избежать прямого столкновения. А когда в город приходили новички или молодой паре требовался свой дом, то им отдавали внутренние стрелянки, которые они могли отстроить, а внешние ряды сдвигали и строили новые дома.

Они проезжали мимо жителей Винтры, которым, казалось, на них абсолютно наплевать, хотя изредка их всё же провожали любопытными взглядами, детишки показывали на них пальцами, хмурые лица выглядывали из своих окон чтобы поглазеть на чужаков, но не более того. Один старик даже, сидя на веранде своего дома и дымя трубкой, поднял руку без двух пальцев в знак приветствия, на что Кейн ответил кивком. Они не были удивлены и создавалось такое ощущение, что к ним каждый день заезжают вооруженные люди с бандитскими рожами.

"Хотя скорее всего так и есть, — подумал Кейн. — Вокруг слишком много бандитов и всем хочется иногда поспать в мягкой постели и пропустить стаканчик. Главное соблюдать правила приличия и быть при деньгах. К тому же, нынче вряд ли кто-то будет шибко интересоваться тем, как именно добыты эти деньги."

Они осадили лошадей, пропуская женщину с корзиной в руках, спешащую побыстрее убраться с их пути. Кейн с улыбкой окликнул её, останавливая:

— Мэсса! Подождите пожалуйста! Не подскажите, где искать у вас цирюльника?

— Да вы уж почти рядом. Сейчас направо сверните и дальше по дороге езжайте. — Она поправила оттягивающую руки корзину. — Там увидите гостиницу, она сразу в глаза бросается. Цирюльня аккурат напротив будет.

Кейн коснулся пальцами краёв шляпы.

— Благодарю.

Как только они отъехали, Бэн поравнялся с ним.

— Зачем нам к цирюльнику? Я думал, мы сразу пойдём искать этого Хельмута Хромферга или как его там.

— Пойдём, — кивнул Кейн, — но немного позже. Сначала мне надо привести себя в порядок.

Он показательно поскрёб бороду. Бэн же в ответ решительно остановил коня.

— В таком случае, мне незачем тащится с тобой — с таким "ответственным" заданием ты и без моей персоны обойдёшься. Не хочу, знаешь ли, быть собачонкой при хозяине.

Кейн тоже натянул поводья.

— Тпру-у! Вообще-то, я хотел бы попросить тебя наоборот, сопровождать меня ещё некоторое время. И даже больше — было бы неплохо, если бы ты, при случае, отыграл "злого дядю".

— Секурские уловки, да? — Костоправ хмыкнул. — Дай угадаю — на фоне наглого и нахального помощника, сам командор будет выглядеть более респектабельно?

— Зришь в самый корень, дружище, — с улыбкой ответил Кейн.

— Так и быть. — Бэн тронул коня, объезжая "командора". — Я постараюсь исполнить эту твою "просьбу".

"Больно легко он согласился," — настороженно подумал Брустер и постарался смерить его насмешливым взглядом и придать голосу беспечности:

— Ну, учитывая, что ты в последнее время как с цепи сорвался, тебе и стараться-то особенно не надо будет.

Следуя указаниям они довольно быстро добрались до двухэтажной гостиницы: очень опрятной, с хорошей верандой, стоящими столиками и окнами с резными ставнями. Вот только все столы — кроме одного, за которым сидел тучный лысеющий мужчина в рубашке с закатанными рукавами, раскладывающего пасьянс засаленной колодой карт — пустовали. Напротив стояло небольшое здание, половина стены которого состояла из сплошного окна, а над ним вывеска гласила: "Цирюльня Джо" — к ней они и направились. Спешились, привязали лошадей. За ними, не таясь, наблюдали из окон цирюльни, и Кейн специально подольше возился с лошадью, поглаживая её шею и поправляя подпругу. Пусть рассмотрят их получше и перекинутся парой слов, прежде чем они зайдут. Бэн нетерпеливо переминался с ноги на ногу и уже готов был взорваться, когда Брустер наконец направился к двери.

Звякнули колокольчики. Они вошли в полутёмное помещение, освещённое лишь серостью угасающего дня. В комнате было двое: один седой, лет пятидесяти, в фартуке цирюльника стоял у окна, а второй полусидел в высоком кресле, спиной к столику с мутноватым зеркалом, и, поглаживая большим и указательным пальцами кончики усов, искоса их разглядывал. Кейн засунул большие пальцы рук за пояс и спросил, с улыбкой переводя взгляд с одного на другого:

— Кто здесь хозяйничает? Мне бы побриться.

Его слова сняли воцарившееся оцепенение.

— Да, конечно. — Старик оживился и приглашающе вытянул руку, указывая на кресло. — Проходите, садитесь. Уолтен, освободи место.

Тот, кого звали Уолтенем, встал и, обойдя стойку у правой стены, сел за неё. Кейн повернул голову и посмотрел на Бэна — тот цокнул языком и уселся на один из стульев почти в самый угол. Брустер проводил его взглядом, потом снял и повесил на вешалку у двери свой плащ со шляпой и отцепил шпагу, поставив рядом. Расстегивая верхние пуговицы мундира, он сел в кресло. Цирюльник накинул на него полотнище и заткнул за шею тряпку, после подошел к столику и откинул ткань с бритвенного набора. Выбрав бритву, он подхватил точильную ленту и стал методично водить по ней лезвием.

— Только бритье? — поинтересовался он, становясь за спиной Кейна и поглядывая на его отражение в зеркале.

— Нет, ещё подстричься бы надо.

— Хорошо.

Старик попробовал пальцем лезвие и удовлетворенно кивнул. Отложив бритву, взял со стола ножницы и несколько раз взъерошил ему волосы рукой.

— Ууу, мэссэр хороший, да у вас вши. Вся голова прям кишмя кишит. Что делать будем?

— А я почем знаю. — Кейн кисло рассматривал себя в зеркале. — Уберите их как-нибудь что ли. Я так-то уже мылся какой-то дрянью против них, но, видимо, в бестолку. Сможете выжить гадов?

Цирюльник пощёлкал в задумчивости ножницами и улыбнулся, похлопав его по плечу.

— Повезло вам, есть у меня одно средство.

Что-то напевая себе под нос, он порылся в настенных шкафчиках и достал склянку с мутной жидкостью, которую чуть погодя втёр ему в голову. Ощущение было такое, словно он вышел с мокрой головой на лютый мороз. Но, в принципе, терпимо и даже приятно. Да и пахла она вполне нормально. Заинтересованный, он полюбопытствовал:

— А что это? Из чего сделано?

— О, поверьте, вам лучше не знать.

Старик хохотнул и весело сощурился, продолжая втирать жидкость в его волосы, а Уолтен не мог сдержать ни широкой улыбки, ни тихого смеха, хотя и старался приглушить его, покашливая в кулак. Наблюдая за ними, Кейн и сам улыбнулся. Атмосфера явно разрядилась. Единственным, кто не разделял общего веселья, был Бэн, мрачно сидевший в углу и стискивающий рукой топориче.

— Как тебя зовут, старик? — Кейн откинулся на кресле, позволяя тому свободно орудовать ножницами, которые так и щёлкали, снимая клочок за клочком. — Меня Кейн. Кейн Брустер.

— Я Джо, как и сказано на вывеске. Джо Барлоу. — Он указал ножницами на сидящего за стойкой. — А это Уолтен Лидо, наш коневод.

Уолтен поднял руку в приветствии.

— Он самый.

— Коневод? — Кейн оживился. — Слушай, ты видал мою конягу? Скотина, чтоб её! Упрямая такая, сволота. Может сговоримся? За дёшево отдам, чтоб мне сдохнуть как мои вши.

Уолтен поднялся и подошел к окну. Опершись на него, стал рассматривать коня, что вертел ушами и фыркал на своего соседа, иногда тыкая того мордой.

— Да молодой он ещё, необъезженный, вот и беснуется. Присмирееет со временем. — Он достал из нагрудного кармана деревянную коробочку с самокрутками и вытащил одну. — Я бы взял, да только не рассчитаюсь я за него.

— Уолт. — Джо слегка склонил голову и выразительно посмотрел на закудившего коневода. Тот сначала не понял, потом его лицо прояснилось.

— А, бездна! — он поспешно вытащил папиросу изо рта, притушил её о подошву сапога и виновато произнёс: — Извини Джо, забылся.

Он хотел было выкинуть початую самокрутку, но потом вернул её к остальным.

— Да ничего. — Барлоу вернулся к стрижке, а Кейн к прерванному разговору.

— Да ржавчина с ними, с деньгами. — Кейн улыбнулся, вспомнив это старое винтадское выражение. — У тебя наверняка есть конь посмирнее. Давай обменом — этого бешеного на нормальную животину. Что скажешь?

— Обменом согласен. Вообще без проблем. — Уолтен быстро смекнул, что сделка будет весьма выгодна — жеребец явно хорошей породы, а у него как раз есть несколько годных кобыл, которые, если понесут от него, разродятся неплохими жеребятками. Да и взамен он может предложить хорошего коня — взять хотя бы велюсского серого.

— Ну вот и славно. Тогда я потом загляну к тебе на стойбище и ударим по рукам, — подвел итог Кейн. — Кстати, а кто хозяин гостиницы напротив? Нам бы узнать, есть ли места для ночлега.

— Да есть конечно, куда они денутся. — Старик Барлоу вытер лезвие ножниц о фартук

и вернул их на столик. Взяв мыльницу, он разболтал пену бритвенной кистью и стал размазывать её по его лицу. — Гральф чертовски обрадуется клиентам, а то с ними, с жильцами-то, всегда было не ахти, а что уж про теперь говорить. А после того, как его жена померла, совсем одичал. Но комнаты держит в отменном состоянии, за это пальцами ручаюсь.

""Пальцами ручаюсь"" — повторил про себя Брустер и вновь усмехнулся. Винтадцы в доказательство истинности своих слов всегда клялись указательным и средним пальцами руки — для любого стрелка они были важнее и дороже самого лучшего мушкета. Со временем это выражение устоялось и его стали использовать даже те, кто не имел к стрелкам абсолютно никакого отношения.

— Да вы его видели, Гральфа-то, он на веранде торчит. — С бритвой в руке Джо склонился над Кейном. — Голову приподымите.

При виде сверкающего острого лезвия Бэн весь подобрался, живо представив себе, как из распоротого от уха до уха горла Брустера хлещут потоки крови. Занятое было бы зрелище, уж всяко лучше их унылой болтовни.

Звякнули колокольца.

В зеркальном отражении Кейн мог хорошо разглядеть вошедшего — широкоплечий мужчина с седеющей бородкой, в плотной синей рубаше и накинутом на плечи пыльнике. Он обвёл присутствующих взглядом выцветших глаз и остановил его на Кейне с Бэном. После недолгого молчания он негромко произнёс:

— Уолт, иди погуляй.

Коневод встал и поспешно ретировался, на ходу быстро со всеми попрощавшись. Когда за ним захлопнулась дверь, Джо вернулся к бритью, а вошедший взял стул и сел по правую руку от Кейна. Сцепив пальцы в замок, он некоторое время молча наблюдал за чёткими движениями цирюльника, чья острейшая бритва не оставляла за собой даже самого мельчайшего пореза. Наконец, он заговорил:

— Могу я узнать о причине приезда в город командора Аэгис Материум?

Сжимая топориче, Бэн подался вперёд и довольно резко ответил:

— Не вашего ума дело.

Кейн дождался, пока бритва завершит своё движение, и тоже ответил:

— Довольно грубо, но он правильно сказал — зависит от того, кто спрашивает.

— Я Хельмут Кромберг, маир этого города. — Он подался вперёд, оперевшись локтями в колени. — Теперь и вы ответьте на мой вопрос, мэссэр...?

— Очень приятно с вами познакомится. Я командор Кейн Брустер, а это... — он указал глазами на Бэна, но тот опередил его, смотря на Хельмута и чеканя каждое слово.

— Элдор Бэнталиор Уилторс.

— ... мой помощник. Да. — Замолчав, Кейн оглядел Бэна сверху донизу, потом повернулся к маиру. — Я, если честно, представлял вас иначе.

— Да? И как же?

— Некий Кастор Мальфит отозвался о вас, как о старом маразматике, и я ожидал увидеть старца как минимум без зубов и со слуховой трубкой. Я рад, что ошибся в своих предположениях.

— А, Кастор, этот вечно больной старик. — Хельмут усмехнулся, вновь откидываясь на спинку стула. — Мы никогда не виделись лично, но это не мешает нам в равной степени перемалывать друг другу кости.

— Да, — Кейн с лёгкой улыбкой кивнул, — я почему-то так и думал. Но, кстати, мэссэр Мальфит не упускает случая и всякий раз интересуется вашим самочувствием. Если не будете против, я ему передам, что вы в полном здравии и шлёте ему самые душевные приветствия и пожелания в выздоровлении.

— Ничего не имею против. Но закончим обмен любезностями и вернёмся к моему вопросу — зачем вы сюда прибыли?

Хельмут больше не улыбался. Он пристально всматривался в его лицо и от этого взгляда Кейну было слегка не по себе. Что там сказал Мальфит — маир тут управляет, а решения принимает совет? Судя по всему, совет предпочитает оглядываться на мнение своего маира — иначе зачем ему было тащиться в цирюльню чтобы поговорить с ними? Он отметил про себя, что старая уловка удалась — если бы Хельмут или его присные не стали их искать, когда они сразу же по прибытии не отправились к нему, то можно было бы сделать вывод, что он и вправду старый маразматик и не имеет веса в совете. Тогда им бы пришлось уговаривать поочередно весь городской совет, а так, возможно, есть вероятность того, что если уговоришь Кромберга — уговоришь совет.

— Да, собственно, о причине нашего приезда. Она весьма проста — нам нужно переговорить с вами, маир.

— Что ж, я здесь. Говорите. — Он сделал приглашающий жест рукой.

— Может вы хотя бы подождёте, пока меня добреют?

Тут Бэн не выдержал и взорвался, рывкнув так, что Джо от неожиданности чуть было не разрезал Кейну гортань, чудом оставив только аккуратный порез.

— А может хватит тянуть ляжку?! Задрали! Короче, слушай меня, маир. — Костоправ говорил с глубочайшим презрением и испытывал жгучее желание переломать этому старикашке все рёбра и смотреть, как он, корчась у его ног, медленно подыхает. — У вас есть два варианта: первый — вы собираете свои манатки и валите к Теламаровым Дщерям, не мешаясь у нас под ногами; второй, и, признаться, мой самый любимый — вы, захлёбываясь кровью, в ужасе обмочив портки, убегаете отсюда со всех ног, не оглядываясь на пылающий город за вашими спинами. Так что выбираете?

Повисла напряжённая тишина. Все молча обдумывали только что услышанное, а Хельмут с абсолютно невозмутимым видом продолжал разглядывать Костоправа, чуть склонив голову набок. Наконец Кейн вышел из ступора.

— Бэн.

— Что? — Костоправ впери́л в него взгляд.

— Ты бы сходил, прогулялся, город посмотрел. — Кейн говорил спокойным, даже ласковым голосом, но его тёмные глаза при этом оставались полны холода — его помощничек "слегка" переусердствовал. Тут же, пресекая возможные возмущения, он добавил: — Это приказ твоего командира, Уилторс.

Бэн вскочил, судорожно стискивая шершавое топориче и едва сдерживая ярость. Чтобы не зареветь подобно зверю, он с силой стиснул зубы и, нависнув над Брустером, не моргая смотрел ему в глаза. Кейн выдержал этот взгляд, но улыбаться перестал. Костоправ молча развернулся и вышел из цирюльни, напоследок шумно хлопнув дверь — пусть по ребячьи, но это единственное, что он мог сделать.

— Неуравновешенный у вас помощник, командор, — буднично проговорил Хельмут.

— Да, — согласился Кейн, откидываясь на кресле и позволяя Джо вновь взяться за работу, при этом отпуская рукоять пистоля, которую сжимал под полотнищем. —

Безусловно.

Они замолчали. И так, в полной тишине, нарушаемой лишь короткими росчерками бритвы, они продолжали сидеть до тех пор, пока Джо не произнёс:

— Всё, я закончил. — Он снял с него ткани и сложил их на столик. — Теперь голову с лицом ополосните и свободны.

Крякнув, Кейн поднялся и подошел к жестяному тазу, стоящему на табуретке у зеркала, вылил в него кувшин воды и неторопливо умылся. Потом стал рассматривать себя в зеркале, с удивлением проводя рукой по волосам и лицу. Удивительно, как может изменить человека банальная стрижка и бритьё — теперь он был похож не на заросшего пьяницу, а на вполне нормального работягу, что уже само по себе неплохо. Да, от синюшных мешков под глазами он не избавился, а пробивающаяся седина без труда выдавала его не малый возраст, но, тем не менее, он был доволен. Впервые за долгое время он чувствовал себя человеком, у которого всё постепенно возвращается в норму — он перестал пить, стал меньше курить, работает на одну из влиятельных гильдий, имеет неплохие (пусть и не обширные) связи с её же противниками, был заочно возведён в звание командора и вскоре — если всё и дальше пойдёт также хорошо — сможет в нём утвердиться и получить в своё распоряжение людей. Кейн чувствовал, что его жизнь ещё может наладиться, и он сделает всё возможное, чтобы не упустить свой шанс.

С довольной улыбкой он обернулся к Джо, тщательно натиравшем лезвие бритвы, которым недавно чуть было случайно не зарезал его.

— Благодарю! Вы мастер своего дела. Сколько я должен? — он вытащил из кармана несколько измятых марок.

— Нисколько. — Джо пожал плечами и, подышав на лезвие, снова принялся его чистить. — За счёт заведения.

Кейн удивлённо замер, воззрившись на делавшего вид, будто не замечает его, цирюльника. Немного постояв в раздумьях, он всё-таки отсчитал пятьдесят марок и положил их на кресло, на котором только что сидел.

— Это за всё. — Брустер прошел к вешалке за своими вещами. Снарядившись, поднял взгляд на задумчиво наблюдавшего за ним Джо и добавил: — Не люблю быть должником. — Он перевёл взгляд на маира. — Мэссэр Кромберг, пройдемся?

Маир, кряхтя, поднялся и направился к выходу. Уже у самой двери он обернулся и попрощался.

— До встречи, Джо. Я потом заскочу.

Цирюльник кивнул в ответ.

— Да, давай.

Кейн открыл для Хельмута дверь и, когда тот вышел на улицу, хотел было выйти следом, но его взгляд задержался на висевшей широкополой шляпе с завязками на шее, и он остановился. Помешкав немного, снял её и надел вместо своей истрёпанной, потом достал деньги и, не считая, положил на стоявшую рядом тумбу.

— Это за шляпу, — проговорил он и более не оглядываясь покинул цирюльню.

Некоторое время они молча шли по улицам города. И это молчание не было неловким и гнетущим, нет. Со стороны скорее было похоже, словно двое старых знакомых лениво прогуливаются по городу и уже знают друг друга настолько хорошо, что и разговаривать-то не имеет особенного смысла. Маир шел, засунув большие пальцы рук за широкий ремень,

изредка здороваясь с приветствовавшими его горожанами и иногда осведомляясь, как у кого идут дела и всё ли нормально в семье. Кейн шагал рядом с ним и, держа одну руку в кармане штанов, а другую опустив на эфес шпаги, с интересом озирался по сторонам. Свежевыбритое лицо приятно холодило ветерок, а влажные волосы были надёжно скрыты под шляпой. Он шел, невольно улыбаясь своим мыслям — ему нравился этот городок, здесь было спокойно и уютно, и его не покидало чувство, словно он вернулся домой. Хотя отчасти это так и было, ведь Винтада была его родиной. И здесь, в этом чудом сохранившемся городке, где было так безмятежно, так привычно для него, он впервые чувствовал себя спокойно. Словно и не было никакой войны, и день просто подходит к концу, а солнце, по своему обыкновению, скрылось за высокими шапками гор, чтобы поутру снова залить город своим светом.

Как жаль, что Винтра лишь осколок старого мира, призрак былого величия Винтады.

— Мы не покинем город.

Глубоко вздохнув, он посмотрел на маира. Тот шел, рассеянно потирая переносицу и выглядел уставшим. Сейчас он больше походил на усталого старика, чем на уверенного главу города, которым был в цирюльне.

— Мы не покинем город, — вновь повторил он. — К нам уже приезжали люди, вроде вас или вашего помощника, с требованиями оставить город. Поэтому можете не тратить своё время попусту — наш ответ по прежнему будет "нет".

— Послушайте, Хельмут, — Кейн начал говорить, тщательно подбирая каждое слово, — я ведь не предлагаю вам покинуть город просто так. Вам заплатят за дома и скотину, если вы захотите её продать, и переселят в другое место. И, прошу вас, не воспринимайте всерьёз всё, что наговорил там мой помощник. У него, как вы правильно заметили, не всё в порядке с головой и он порою срывается. Нервы — у кого они нынче не шалют.

Маир печально улыбнулся и посмотрел на него, как ему показалось, с сочувствием.

— Мэссэр Кейн, если бы вы побыли с моё маиром, то поняли, что я уже давно привык к таким людям, как ваш друг. А что касается переселения — Кастор Мальфит разве не говорил вам, сколько он предлагает за наше имущество?

— Нет, — он отрицательно покачал головой. — И сколько?

— По пять тысяч марок каждому, — Хельмут невесело усмехнулся, — а весь наш скраб он готов великодушно выкупить по дешевке. А насчет переселения — нам предложили перебраться в Альну, там как раз нужны рабочие руки, которые будут гнуть спины за гроши.

— Да, этого я не знал, — Кейн нахмурился. Ему действительно заранее стоило узнать об условиях, которые уже предлагали Винтре. В этом он капитально промахнулся.

Маир неожиданно остановился.

— Ну вот. Пришли.

Кейн удивлённо поднял на него глаза, а потом осмотрелся. До этого он не думал, что они куда-то целенаправленно идут, а с тех пор, как они начали разговор, вообще не замечал ничего вокруг. Но сейчас от увиденного он вновь улыбнулся.

Им открылся вид на берег небольшого озера, вокруг которого стояла Винтра. Отсюда можно было разглядеть огоньки домов на другой стороне, отражавшихся в чёрной водной глади, которую волновал лёгкий ветерок.

— Красиво, — искренне отметил Кейн.

— Да, — Хельмут кивнул. — А когда светит солнце, тут ещё лучше.

Они вновь замолчали. Кейн краем глаза наблюдал за маиром, с улыбкой осматривающего свои владения. Хельмут любил свой город, любил его жителей, любил по

вечерам вот так вот любоваться озером и покуривать трубку. И не нужно было быть многоопытным разведчиком, чтобы это понять.

— Послушайте, — Кейн попытался вернуться к прерванному разговору, — я думаю, что гильдия не покусится на ресурсы, если им действительно нужен город.

— Да дело даже не в цене, — отмахнулся Хельмут. — Дело вот в этом озере, в людях, в самом городе! Если мы согласимся покинуть Винтру, то всему придёт конец. Они перероют всю долину, вгрызутся в горы, снесут дома. Я слишком привязался ко всему этому и уже стар, чтобы терять. И многие в городе разделяют моё мнение. Вам этого не понять, вы же не винтадец.

— Ошибаетесь, — возразил Кейн, — я уроженец Винтады. Это и моя родина тоже, так что я вас прекрасно понимаю.

— Правда? — маир заинтересованно посмотрел на него. — А откуда именно вы будете, можно узнать?

— Конечно. Я из... — он замолчал и нахмурился. Стал рыться в памяти, пытаясь вспомнить название места, в котором родился, и не находил его. Кейн чувствовал, что в голове стала нарастать тупая, ноющая боль. Не обращая на неё внимания он продолжал думать, силясь отыскать, найти...

— С вами всё в порядке? — услышал он голос маира, звучащий как будто издалека.

— Да. Всё нормально... Я из... — вновь начал он и тут резкий укол боли пронзил его голову. Наверное, так себя чувствуют те, чью голову пробивает свинцовая пуля. Наверное, их умирающий мозг успевает застать момент падения. По крайней мере Кейн его застал.

Окружающий мир завертелся перед глазами и на него нахлынула темнота.

5.

Элдор Бэнталиор Уилторс был мягко говоря не в себе. Быстрым шагом он направился к своей лошади, вскочил на неё и галопом помчался по улицам города. Его трясло от злости, он был взбешен и в нём буквально кипела ненависть к Брустеру.

"Что себе позволяет эта мразь! — яростно клокотало в его голове. — Надо было выхватить у старика бритву и зарезать его, как собаку! Попробовал бы он потом отдавать приказы с разорванной глоткой!"

В захлестнувшей его разум ярости Костоправ совершенно не следил за тем, куда едет. Попадающиеся ему по пути горожане буквально выпрыгивали из-под копыт его коня и он чудом никого не раздавил. Вслед ему неслись проклятья, но ему было наплевать. Он бы с удовольствием кого-нибудь сшиб. Да что там — Бэн с превеликим наслаждением выпустил бы кишки каждому жителю этого сраного городишки!

Кейн мог подумать, что Бэн просто исполнил его просьбу и разыграл, как он выразился, "злого дядю", вот только Костоправ не играл. Уилторса пожирало отвращение к колонистам, а внутренний взор затягивало кровавой пеленой, стоило ему только подумать об этих мирно живущих ублюдках, тогда как его, ЕГО родной дом уничтожен, стёрт с лица земли, память о котором растоптана и предана забвению!

Бешеная скачка немного успокоила его. Когда Винтра осталась за спиной, Костоправ притормозил уже хрипящего коня и перешел на "рысь". Не смотря по сторонам, он опустил голову и напряженно думал.

"Нет, я не дам им забыть! Не дам забыть старый мир! Они никогда не будут жить в мире

и покое! Я не позволю им этого, клянусь бездной!"

Едва подумав об этом, Бэн чуть не задохнулся от осознания того, что даже стал выражаться, как колонист. Он слишком размяк. Свыкся с мыслью о сытой и беззаботной жизни. Оковы быта сковали его, оплели, словно паутиной.

С этим нужно было кончать. Пора сдуть пыль с залежавшейся в ожидании ненависти и преподать колонистам урок, который они ещё долго не смогут забыть.

Пора напомнить им об их грехах.

И Винтра будет первой, кто ощутит на себе гнев Кровавого Костоправа из Антригора.

Эти размышления помогли ему вернуть самообладание и Бэн снова мог трезво оценить ситуацию.

Так, что мы имеем: с одной стороны он работает на гильдию, поручившую выгнать упрямых людишек со своего насеста и, желательно, сделать всё тихо; с другой, тот же Мальфит сделал упор только на том, чтобы дело не было предано широкой огласке. А это значит — Костоправ ухмыльнулся — что можно использовать и более радикальные меры, лишь бы об этом не узнали посторонние. Конечно, оставался ещё вариант мирного решения проблемы, вот только Бэн не сомневался, что Брустер не сумеет договориться. Он это понял, как только увидел этого маира.

Костоправ скривился.

Вот кому бы он с не меньшей радостью вырвал язык! Этот старикашка не выпустит Винтру из своих скрюченных пальцев, даже если их ему переломать один за другим. Нет, разговоры тут не помогут, ими дело не решить. А это значит, что он должен действовать. Осталось только придумать, как ему сделать так, чтобы этот колониальный городок исчез с лица земли. Уилторс с тоской поглядел в тёмные небеса — ему бы сейчас не помешал маленький метеорит — р-раз! — и проблема была бы решена. Старый проверенный способ.

— Извините! Мэссэр!

Бэн от неожиданности вздрогнул и стал озираться в поисках источника голоса. Им оказался жилистый паренёк лет двадцати пяти, с бледноватым лицом и нервно бегающими глазами. Одетый в простые, но тёплые одежды, он стоял в некотором отдалении от Костоправа. Оружия при нём Бэн не заметил.

— Чего тебе? — рявкнул Костоправ, отчего паренёк опасливо заозирался, но не отступил и стал поспешно говорить.

— Мэссэр, меня зовут Дэйк, Дэйк Армастро. Я несколько дней ждал здесь кого-нибудь из гильдии, и недавно мне сообщили, что вы вместе с командором Эгиды в городе. — Дэйк облизнул губы. — Я хочу поговорить с вами.

— Ждал, говоришь, — Бэн прищурился. — И о чем же ты хотел поговорить, Дэйк Армастро?

— У меня есть ценные сведения, которые могли бы заинтересовать гильдию. Но, — парень замаялся, — но я бы хотел сообщить их лично вашему командору, если это возможно.

Костоправ помрачнел и скривился.

— Увы, приятель, если ты хочешь что-то сообщить командору, то сначала тебе придётся всё рассказать мне — его помощнику, младшему лейтенанту Бэнталиору Уилторсу. И если я сочту твои слова достойными внимания — и только в этом случае — я проведу тебя к командору. Всё понятно?

— Конечно, — быстро согласился Дэйк. — В таком случае, мы можем присесть? У меня есть покрывало и бутылка виски.

Парень с улыбкой снял с плеча свою котомку и вытащил мутную бутылку. Бэн некоторое время смотрел на неё, а потом молча соскочил с коня и, достав из седельной сумки веревку, стреножил его. Дэйк расстелил на земле покрывало и вскоре Костоправ присоединился к нему — топор вытащил и положил рядом — на всякий случай. Он показательно не стал брать протянутую бутылку, дождавшись, пока его собеседник сделает первый глоток. И только после этого Бэн хорошенько к ней приложился.

— Хороша! — удовлетворенно рыгнув, он вернул бутылку. — А ты, я смотрю, подготовился к переговорам.

— Все любят виски, мэссэр лейтенант, — осторожно заметил паренёк.

— Бэн. Зови меня Бэн, приятель. — Они пожали друг другу руки. — Ну, рассказывай откуда ты такой взялся, Дэйк Армастро.

После выпивки Костоправ окончательно успокоился и пришел в себя. Теперь не мешало бы вспороть парнишке горло и всё было бы вообще замечательно. Но, так уж и быть, выслушаем его — вдруг да узнаем что-нибудь интересное?

Парень отхлебнул из бутылки и махнул рукой в сторону города.

— Оттуда. Я жил там, пока меня не изгнали.

— Изгнали? — Бэн выгнул бровь и глотнул вернувшийся к нему виски. — А, наверное, не попал три раза в чучело?

— Нет, — Дэйк с улыбкой покачал головой. — За это нынче редко изгоняют. Просто я и мои друзья, скажем так, немного промышляли на дорогах. Времена, как вы знаете, сейчас голодные, лишняя марка на счету.

Уилторс с усмешкой посмотрел на него.

— Дай угадаю — об этом узнал ваш маир?

— Он самый. — Лицо Дэйка исказила гримасса презрения. — Старик Кромбери цепляется за былые традиции и не понимает, не желает верить, что времена изменились.

— А ты, стало быть, понимаешь?

— Да, — твёрдо ответил парень. — Я не так глуп, чтобы не понимать очевидного — слабые не выживут, их время прошло. Время Кромберга прошло. Теперь, если ты не с сильными мира сего, то у тебя лишь один конец — смерть. А я умирать не намерен.

— Хм. Как интересно. — Бэн с любопытством разглядывал парня: острые черты лица, густые брови, взгляд исподлобья, вечно поджатые, обветренные губы. Да, он был молод, но явно не являлся трусом. Но таких, как он — обиженных на мир и желающих ему отомстить — сотни и тысячи. Поэтому пока что Костоправ не видел в нём практической пользы и раздражённо подметил: — И ты решил, что гильдия — "сильная мира сего" — возьмёт тебя под крыло? С чего такая уверенность? Что ты можешь предложить нам?

Лицо Армастро превратилось в каменную маску.

— Я готов помочь убить Хельмута Кромберга и весь городской совет. Я стану новым маиром Винтры и выполню все условия, которые предложит Эгида.

"Нет, убивать я его определённо не буду, — внутренне усмехнувшись, подумал Костоправ. — Из этого сосунка может выйти толк."

— Да неужели? — Бэн постарался, чтобы его голос звучал как можно более пренебрежительно. — И как же ты готов помочь, а? Морально? Или у тебя, скажем, гениальный план есть? Или, на худой конец, армия?

Губы Дэйка изогнулись в ядовитой ухмылке:

— Если честно, то у меня есть и то, и другое.

— Ну-ка, вот это уже интереснее! — Костоправ подался вперёд. — Вот об этом расскажи-ка поподробнее.

Подцепив лейтенанта на крючок, Дэйк позволил себе помедлить и насладиться накрушским виски, добытым в последнем налёте на неосторожных путников. Он уже давно вынашивал планы по сотрудничеству с Эгидой — ресурсов Армастро не хватало, чтобы поставить на колени каждого жителя Винтры, но они были у гильдии. К тому же, Дэйк не собирался задерживаться в Яме. Если всё пройдёт, как он задумывал, то маирство в Винтре принесёт ему достаточно денег, чтобы купить себе право жить так, как он всегда заслуживал. И, естественно, чем дальше от Винтады будет его новый дом, тем лучше.

— Мне известно, что послезавтра в городе будет проходить День Дувтси Тнилка, — сказал Дэйк. — На него соберётся весь город, включая уважаемых жителей Винтры и городской совет в полном составе. Все будут гулять, пить, расслабятся и ослабят бдительность. Патрулей немного и я знаю их маршруты. Но самое главное в том, что на празднование будут допущены и вольные зрители, включая даже таких изгоев, как я. Что же касается армии, — он выдержал паузу, — то я являюсь одним из главарей местной банды, состоящей из таких же неприкаянных. И, можете мне поверить, стрелять мы умеем.

— Ну да, вы же все тут поголовно стрелки, — хмыкнул Костоправ и замолчал, погрузившись в раздумья.

На самом деле всё выходило весьма складно — "изгой" во время праздника убивают маира, городской совет и сокращают численность местной элиты. А в это время отряды Эгиды спокойно занимают город, пользуясь всеобщей паникой. Казалось бы неплохо, вот только есть несколько "но": во-первых, нет гарантии, что гильдия поддержит заварушку, ведь её вряд ли можно назвать "тихим решением проблемы"; во-вторых, нельзя недооценивать Кромберга, покушение может и не пройти успешно; ну и в третьих, не надо сбрасывать со счетов и хвалёных винтадских стрелков, которыми, если верить Брустеру, являлась чуть ли не большая часть города.

— Скажи-ка мне Дэйк, а у многих ли местных есть оружие? — задумчиво спросил Бэн.

— Мушкет вещь дорогая, мэссэр лейтенант, — Армастро криво улыбнулся. — Многие были вынуждены продать своё личное оружие. У кого-то оно, конечно, осталось, но таких меньшинство. Поэтому, при необходимости, все вооружаются из городских запасов.

Костоправа усмехнулся. А вот эти сведения уже обнадеживали. Шансы на успех, так сказать, немного повысились, но их всё равно было недостаточно.

"Стрелки... — это слово пронеслось у него в голове и Костоправ "разжевывал" его, пробуя на вкус. — Стрелки, стрелки, треклятые винтадские стрелки..."

Какая-то мысль пробивалась на поверхность его затуманенного сознания и он пытался помочь ей явиться на свет. Бэн задумчиво стал рассматривать этикетку бутылки, на которой была изображена бочка с сидящим на ней человеком в шляпе, сигаретой во рту и мушкетом под мышкой. Позади него высилась далёкая башня, острым шпилем пронзающая небеса, а сверху выведено название: "Чёрная Башня".

"Чёрная башня. Нормальное пойло, — в рассеянности подумал Бэн. — Вот только бочка тут как-то не при делах. Бочка..."

Он тупо уставился на изображение бочки и в его голове что-то щёлкнуло и глаза чуть было не вылезли из орбит.

Бочка! Конечно же, бочка! Грёбаная бочка с грёбаным мать его порохом! Если они все там стрелки, то у них просто обязан быть склад, где они хранят порох! И если лишить их его,

то и стрелять они будут недолго, а это значит, что дело в шляпе!

— Слушай-ка Дэйк, — он едва сдерживал волнение, — ты упомянул про городские запасы. Это значит, что в Винтре есть оружейный склад?

— Конечно, — ответил Дэйв, пожав плечами. — Он находится в подвалах Зала Собраний.

Бэн сделал несколько глотков и скривился от крепости напитка. Зал Собраний. Конечно же. Что говорил Брустер — они держат там самый лучший мушкет в городе? Выходит, порох и пули к нему тоже там хранят — в сухом подвальном помещении, причем не малых размеров, ведь их вроде как пять тысяч человек. Что ещё? Склад наверняка надёжный, с крепкими стенами, в случае чего туда можно без труда добраться. Он стал всматриваться в едва видимые очертания города, что тонул в ночных сумерках, и его взгляд упёрся в возвышающуюся громаду Зала Собраний. Бэн почувствовал, как его губы растягиваются в улыбке.

— Собирайся. — Он отбросил в сторону бутылку с остатками виски и, слегка покачиваясь, поднялся на ноги. — Нам пора немного проехаться.

— Вы отведёте меня к командору?

Бэн повернулся к Дэйку и, с горящими в глубине глаз огоньками безумия, ответил:

— Нет, лучше. Мы отправимся напрямиком к Кастору Мальфиту, человеку, который даст нам разрешение здесь немного поразвлечься.

"О да! Мы как следует развлечёмся, — едва сдерживая смех, подумал он. — Ещё как развлечёмся! Они надолго запомнят Кровавого Костоправа из Антригора!"

— Поехали! Уладим все формальности, возьмём всё что надо, а потом вернёмся.

Быстро собравшись, они поскакали прочь от города. Бэн в нетерпении подгонял коня — он хотел, чтобы к следующей ночи всё уже было готово. И тогда жители Винтры проклянут тот день, когда в их городе появился Элдор Бэнталиор Уилторс.

6.

Кейн пришел в себя.

Голова раскалывалась от боли, тошнило, всё тело затекло. Он со стоном перевернулся на спину, высвобождая онемевшую руку и прижимая её к груди. Вокруг было темно, и в этой темноте слышался лишь монотонный стук капель, разбивающихся о камни. Эти звуки, доносимые эхом пещер, для его больной головы были подобны громогласным барабанам.

Нужно выбираться отсюда.

Он начал осторожно ползти, разгоняя кровь по затёкшему телу, напрягая ослабевшие мышцы. Вокруг было тесно, окружающие стены нависали над ним, давили, так что становилось трудно дышать. И когда казалось, что он не выдержит и паника вот-вот захлестнет сознание, Кейн, стиснув зубы, заставлял себя ползти дальше и не думать о том, что выхода нет.

Выход обязан был быть. И он его найдёт.

Рука заскользила на мокрых камнях, угодив во что-то вязкое.

— Что за чёрт? — едва слышно прошептал он и, поднеся руку к лицу, понюхал её. В нос ударил приторный запах крови, а во рту остался солоноватый привкус железа.

Кейн пополз по окровавленным камням, острыми выступами врезающимися в ладони. И тут пальцы наткнулись на что-то мягкое и холодное. Он отдёргнул руку, едва подавив готовое

вырваться наружу ругательство.

"Это хреново. Это очень хреново" — стучало в его голове. Тяжело дыша и часто моргая в попытках разглядеть хоть что-то, Кейн осторожно потянулся вперёд, ощупывая свою находку.

Под его пальцами зашуршала ткань, пропитанная уже запекшейся кровью с прилипшими к ней волосами. Водя по ней рукой, он нащупал дырку в материи, под которой ощутил холодную плоть и прикоснулся к краям ровной раны. Проведя по ней пальцами, Кейн нервно сглотнул и поднял руку выше, найдя и сжав хрупкое, одеревеневшее плечо. Придвинувшись ближе, он осторожно потянул его на себя. Тошнотворный запах разложения ударил в ноздри, заставив резко отшатнуться и зажать рот, сдерживая рвотные порывы.

Кто бы это ни был, он был мёртв.

Причем умер не очень давно, просто сырость сделала своё дело. И если ему не удастся выбраться отсюда в ближайшее время, его участь мало чем будет отличаться от этого гниющего трупа. Разве что он умрёт не от раны, а от голода. Если, конечно, раньше его не прикончит холод или какая-нибудь зараза.

Стараясь не дышать, Кейн стал отползать от трупа, но тут же снова замер, прислушиваясь.

Ему показалось, что он расслышал какое-то шуршание.

Тяжелые капли продолжали отбивать мерную дробь, сливаясь с тихим дыханием. Но тут было и что-то еще, заставляющее холодный пот струится по спине. И Кейн напряженно пытался отыскать это, пока наконец не понял...

Дыхание.

Его глаза в ужасе расширились.

Он перестал дышать, но звуки дыхания остались.

Страх медленно нарастал в нём, руки непроизвольно сжались в кулаки, а тело сотрясала мелкая дрожь. Если бы он не стиснул зубы так крепко, то наверняка застучали бы и они. Лёгкие уже начали ныть от недостатка воздуха, но Кейн боялся сделать хотя бы движение, не говоря уже о том, чтобы шумно вздохнуть.

Впереди раздался хруст и шлепок, тут же смолкший. Потом шлепки повторились, уже ближе, но опять затихли.

У него внутри всё похолодело.

Кто-то полз к нему в темноте! Медленно, крадучись, постепенно приближался всё ближе и ближе, с каждым мгновением сокращая расстояние. Ему нужно срочно уходить, ползти, скрыться в окружающей тьме! Но тело отказывалось повиноваться и он не мог даже пошевелить пальцем. Кейн почувствовал, как слабеет мочевой пузырь и под ним расплзается тёплая лужа.

Шлепки вдруг смолкли и больше не появлялись. Прекратился даже стук капель. Наступила полнейшая тишина, и лишь сердце гулко билось в его грудной клетке.

Вновь раздалось дыхание невидимого существа, только теперь Кейн чувствовал его на своём лице. Смердный запах гнили.

Оно было прямо перед ним!

Ледяные пальцы железной хваткой сомкнулись на его руке, из темноты напротив послышался протяжный стон и булькающие хрипы. Брустера медленно потащили вперёд, увлекая за собой в беспроглядную черноту.

Отчаянный крик вырвался из его глотки и потонул во тьме пещеры.

Захлёбываясь криком, Кейн резко сел на кровати.

Всё ещё тяжело дыша, он ничего не понимая крутил головой. Самое важное, что ему удалось отметить, это то, что он был не в пещере и вокруг было относительно светло. Когда паника улеглась и Кейн окончательно пришел в себя, то осмотрелся более внимательно: он находился в скудно обставленной комнате, где из мебели была только вот эта кровать, на которой он сейчас находился, табурет рядом с ней, да в углу стоял большой покосившийся шкаф с болтающейся верхней дверцей.

Где он? Как сюда попал? Что вообще случилось?

Застонав, Брустер схватился за ноющую голову. Как же ему было паршиво — ощущение такое, словно пил не просыхая не меньше недели. Последним воспоминанием было озеро, у которого они разговаривали с маиром. Но он даже не мог точно вспомнить, о чём конкретно они говорили. Дальше — темнота.

Кейн осмотрел себя — он был в одной рубашке и штанах. Немного поколебавшись, всё-таки потрогал пах и с облегчением вздохнул — сухо. Значит, это всё-таки был сон. Давненько ему не снились такие реальные сны, после которых весь день всматриваешься в тёмные подворотни и прислушиваешься к тишине.

Из-за двери послышался громкий хлопок и Кейн невольно вздрогнул. В другой комнате кто-то ходил, поскрипывая половицами, изредка раздавался стук, тихий металлический звон, и до него долетало едва слышимое пение. Опустив ноги на пол, он немного посидел, борясь с головокружением, потом осторожно поднялся и подошел к двери. Стараясь не шуметь, приоткрыл её.

По небольшой комнате, очевидно служившей в доме кухней и одновременно гостиной, ходила женщина. Одета в длинное до щиколоток платье и фартук поверх него, она с ножом в руке сновала от стола к закопченной кастрюле на печи и обратно. Помещение наполнял чудесный аромат готовящегося блюда, от которого у него сразу же заурчало в желудке и чувство голода притупило головную боль. Кейн распахнул дверь пошире и негромко окликнул её хриплым голосом:

— Прошу прощения.

Женщина прекратила петь и вздрогнула от неожиданности точно также, как он сам несколько минут назад. Она резко обернулась, одной рукой схватившись за край стола, а другой выставив перед собой нож. Несколько мгновений они рассматривали друг друга — она была красива, как может быть красива женщина лет тридцати, со светлыми волосами, собранными в хвост на затылке, и серыми глазами, которыми она без тени страха смотрела на него. По этому взгляду можно было безошибочно узнать в ней уроженку Винтады — уверенная, независимая, способная сама за себя постоять, и одновременно верная и любящая, как их изображают дешёвые душещипательные романчики. Кейн всегда считал, что винтадские женщины были не чета бабам из других колоний, и многие мужчины разделяли его мнение.

— Прошу прощения, — повторил он и попытался улыбнуться, — за то, что напугал.

— Ничего, — расслабившись, винтадка опустила нож и выпрямилась, — это я должна извиниться, вы застали меня врасплох.

— Ну, тогда мы квиты. — Он указал рукой за свою спину. — Я тоже чуть было не

подлетел до потолка, когда услышал вас. Кстати я Кейн, Кейн Брустер.

Кейн вышел вперёд и протянул было руку, но потом, спохватившись, отдернул её. Его собеседница на это лишь едва заметно нахмурилась. Да уж, видимо он совсем разучился общаться с нормальными женщинами. Вконец стусевавшись, Кейн хлопнул себя по бедру и спросил:

— А вы?

Винтадка немного помолчала, раздумывая над его вопросом, потом всё-таки ответила:

— Сэллиона Макфрай. Но здесь меня все называют просто Сэлл. — Она указала ножом на табурет рядом со столом. — Присаживайтесь, вы ещё слишком слабы.

Кейн не стал противиться, чувствовал он себя ещё действительно не очень хорошо. Усевшись, вновь смутился, только на этот раз из-за забурлившего на всю кухню живота. Сэлл наполнила деревянную плоску горячим супом с мясом и поставила перед ним.

— Ешьте. Джо сказал, что вы должны хорошо поесть и потом выпить вот это. — Она достала из фартука плотно закупоренную баночку с каким-то мутным варевом. Увидев кислую рожу Кейна, Сэлл не терпящим возражения тоном добавила: — Джо самый лучший врач, которого я знаю. И если он сказал, что вам нужно это выпить, то лучшее, что вы можете сделать, это послушаться его.

— Ну раз вы так говорите...

Он взял лекарство и поставил на стол. Потом больше не в силах сдерживаться, с жадностью набросился на еду. Сэлл поджала губы, наблюдая за с аппетитом поедающего её варевом мужчиной. Помешкав, она всё же подошла к шкафчикам и достала оттуда глиняный кувшин, из которого наполнила кружку и поставила рядом с Кейном, а сама села напротив него — хоть он и один из "синюшников" (так они называли эгидовцев из-за синих мундиров), которые хотят наложить свои загребущие лапы на её город, но сейчас он был её гостем, а винтадцы всегда чтили гостеприимство.

Кейн с набитым ртом промямлил благодарность и, отхлебнув из кружки, изумлённо вскинул брови.

— Винтажка! — воскликнул он. — Будь я проклят! Сто лет её не пил!

Кейн за несколько глотков осушил кружку и Сэлл, с невольной улыбкой, подлила ему ещё.

— Простите меня пожалуйста, — виновато произнес Кейн, уже более сдержанно отпивая напиток. — Просто никогда не думал, что когда-нибудь попробую её вновь. Большое вам спасибо, она просто великолепна.

Он с наслаждением, мелкими глоточками, выпил всю винтажку и блаженно прикрыл глаза, чувствуя освежающую прохладу, растекающуюся по груди. Винтажка, можно сказать, была их национальным напитком и в Акмее её было не достать. Обычно её варили женщины, хотя и мужчины не гнушались научиться винтажеварению, чтобы потом тихими вечерами распить кувшинчик другой с лучшим другом. Кейну вдруг стало дико тоскливо и его хорошее настроение пропало также внезапно, как и появилось. Он сгорбился и уставился в пустую кружку подавленным взглядом.

"Да, сидеть на скамье и потягивать винтажку в компании лучшего друга — что может быть лучше?" — неожиданно возникшая мысль вновь разбудила ноющую боль в голове, о которой он уже и забыл. Перед глазами помутнело и ему стало дурно. Выпавшая из ослабевших рук кружка покатила по столу. Уперевшись в стол локтями, он закрыл лицо ладонями и попытался унять головокружение, а с ним и содержимое желудка.

— С вами всё в порядке? Мэссэр Кейн? — хозяйка озабоченно всматривалась в его побледневшее лицо.

— Всё хорошо, не волнуйтесь, — ответил он преодолевая слабость. — Просто я, видимо, ещё не совсем пришел в себя.

— Выпейте лекарство, которое оставил Джо. Должно помочь.

Кейн непослушными пальцами взял со стола склянку и, выдернув пробку, залпом выпил её содержимое. Жидкость была тягучей, но вопреки ожиданиям, не противной. Через некоторое время он с удивлением отметил, что ему стало намного лучше — по крайней мере тошнота и головокружение прошли, а боль в голове стала едва заметной.

— Что это такое? — Брустер с любопытством повертел в руках склянку, но каких либо надписей не обнаружил. — Ваш Джо мог бы заработать кучу денег, продавая эту штуку болеющим с похмелья. Прямо волшебный эликсир.

— Мужчины в Винтре тоже ценят его лекарство именно по этой причине. — Она забрала пустую склянку и, ополоснув в ковше, убрала в настенный шкаф. — Они даже в шутку называют его "похмелькой".

— Ну вот, я почти угадал. — Кейн внимательно посмотрел на неё. — Мэссара Макфрай...

— Сэлл, — перебила она его.

— Сэлл, — кивнув, поправился Кейн. — Как я сюда попал? Что произошло? Да и где я вообще тоже было бы неплохо узнать.

— А вы ничего не помните?

— Абсолютно.

— Ну, — она нахмурила брови и машинально убрала со лба несуществующую чёлку, — вас принес Хельм, велел позвать Джо. Он пришел и осмотрел вас, сказал, что судя по всему ничего серьезного нет и вашей жизни ничего не угрожает. Как мне потом рассказали, вы потеряли сознание у озера. Хельм очень испугался, что вы можете умереть — уж чего-чего, а вот смерти командира синюшников нам тут точно не надо.

— Хороший у вас маир, — усмехнулся Кейн.

— Да, — согласилась Сэлл, не обратив внимания на сарказм в его голосе. — Он великий человек. Этот город ещё стоит только благодаря его усилиям. Мы же по мере сил стараемся чтить старые законы и традиции.

Не ожидая такого серьёзного ответа на его шутливое замечание, Кейн нахмурился и по привычке почесал подбородок.

— Н-да... Это всё?

— В принципе да. Они ушли, оставив лекарство и велев мне приглядывать за вами. И ещё сразу сообщить, если ваше состояние ухудшится. — Сэлл немного помолчала, а потом негромко добавила: — Вы провели здесь всю ночь, и почти всю ночь кричали во сне.

Он поднял взгляд.

— Всю ночь? И я кричал?

Она молча кивнула. Кейн ошарашено уставился на свои руки. Он помнил, что проснулся с криком, но чтобы кричать всю ночь? Он покачал головой.

Других снов Кейн не помнил.

— А почему же вы тогда меня не разбудили?

Он вновь посмотрел на неё, но Сэлл отвела взгляд. Нервно убрав со лба невидимые волосы, она всё же ответила:

— Вернувшись с войны мой муж часто кричал во сне. И я никогда его не будила. — Сэлл так внимательно посмотрела на Кейна, что ему стало не по себе. — Когда мужчины стонут во сне, их лучше не трогать — мало ли какие демоны терзают их души.

Они помолчали. Поблагодарив за вкусную еду, Кейн поднялся из-за стола и нервно прошелся по кухне. Дико хотелось курить и он осмотрелся в поисках своих вещей. Но его взгляд остановился на маленькой кушетке, на которой, по всей видимости, провела ночь хозяйка дома. А уж где ночевал её муж, лучше и не спрашивать. Чувствуя неловкость, он обернулся к ней.

— Сэлл, извините за то, что доставил неудобства.

— О, не беспокойтесь. Всё нормально, — она улыбнулась. — Я так часто сплю здесь, что это уже даже стало привычкой.

Кейн рассеянно кивнул и тут увидел висящий над комодом мушкет. Заинтересованный, он приблизился вплотную, чтобы рассмотреть его. Это была одна из старых моделей, но содержали её в превосходном состоянии. Увлечённый, Кейн не заметил, как Сэлл поднялась из-за стола и встала рядом с ним.

— Нравится?

— А? Да, конечно. — Он протянул руку и сжал сухое дерево приклада. — Хороший мушкет. Я помню эту модель ещё по войне, сам носил точно такую же. Мы ещё называли её "пчёлкой", за характерное жужжание во время выстрела. Военный трофей?

— Да, трофейный, — равнодушно подтвердила Сэлл. — Муж прошел с ним всю войну. Из него же и застрелился три года назад.

Кейн убрал руку с приклада и внимательно посмотрел в её спокойные глаза, которые она не сводила с мушкета.

— Мне очень жаль.

— Не стоит. — Сэлл пожала плечами. — В последние дни перед смертью он практически не спал — боялся вновь увидеть сны. Война редко возвращает нам тех, кого мы на неё отправляем. Мой муж не был исключением.

Кейн вновь перевёл взгляд на мушкет. Она права — война ломает людей. Человек, побывавший на войне, своими глазами увидевший смерть и убивавший ради того, чтобы самому не быть убитым, уже никогда не станет прежним. И не важно, что ты убивал ради великой цели — убийство всегда остаётся убийством, ради кого или чего бы ты не воевал. Однажды убив, будь готов к тому, чтобы до конца своих дней видеть во снах убитых твоей рукой.

Но дело было не только в этом.

Он сжал кулаки, унимая охватившую руки дрожь.

Ветераны страдали не только от "призраков" войны. Было и множество других последствий, вызванных как магическими ранами, так и столкновениями с колдовским ужасом или, что ещё хуже, прямым воздействием на души солдат — имперские чародеи владели широким арсеналом, который колонисты с лихвой испытали на своих собственных шкурах.

— Мне пора идти. У меня ещё много дел.

Развернувшись, Сэлл направилась к выходу, но на пороге остановилась. Сложив руки за спиной, она обернулась к нему и опёрлась на открытую дверь.

— Знаете, я регулярно чищу его и обновляю порох. Это на случай, если вы, подобно моему мужу, решите прекратить ваш бой с демонами.

Некоторое время они смотрели друг на друга, а потом Сэлл вышла из дома, тихо прикрыв за собой дверь. Кейн посмотрел на мушкет и задумчиво провёл пальцами по гладкому железу ствола. Потирая большим пальцем четыре других и размазывая по ним ружейное масло, он невольно скосил глаза на оставленный на столе кувшин с винтажкой.

Нет. Крики своих демонов он уж как-нибудь приглушит и без этого. А сейчас прекращать их "битву" он ещё не готов.

Пока не готов.

8.

— Ты кажется не понял меня, Уилторс, — процедил сквозь зубы Фальфард, — мэссэр Мальфит сегодня никого не принимает. И для тебя никто исключение делать не собирается. Так что если тебе что-то нужно — Я, тебя слушаю.

Костоправ в бессилии сжал челюсти так, что у него вспухли желваки. Но он мог злиться сколько угодно, сути это не меняло — к начальнику его не пропустят и он зря загонял лошадь. Разве что он попытается силой проникнуть к нему, а это было не очень хорошей идеей. Конечно, оставался ещё лейтенант, хотя Бэн и предпочел бы обсудить всё непосредственно с "головой". Но за неимением этого...

Он окинул взглядом коротышку, облокотившегося на письменный стол. Непосвященный мог бы подумать, что Сиплый был "всего лишь навсегда лейтенантом", но членам гильдии было известно, что он уже давно должен был взлететь по военной иерархии, но сам отказывался от повышения, оставаясь в ранге лейтенанта. Чем было обусловлено такое решение никто не знал, хотя догадок ходило великое множество. Самым популярным считалось мнение о том, что Сиплый дослужился до звания непосредственно на войне, а все прочие, полученные "просто так", достойными не считал. Вторым по популярности бытовал слух, что таким образом он отдаёт дань памяти погибшим. В общем, все прекрасно понимали, что слово сиплого лейтенанта не обсуждается и к нему стоит относиться, как к приказам самого Кастора Мальфита.

— Хорошо, — скрежеща зубами, наконец сдался Костоправ. — Я бы хотел обсудить вопрос Винтры.

Фальфард нахмурился.

— Вам выдали это задание всего несколько часов назад, а вы уже бежите за советом к начальству? Да ещё и с утра пораньше? Я был о вас лучшего мнения.

Бэн едва сдержался, чтобы не разmozжить ему голову.

— Вообще-то, господин лейтенант, у меня имеется конкретное предложение по решению вашей проблемы.

— Неужели? — Сиплый выгнул бровь. — Тогда чего же вы ждёте, рядовой? Прошу, просветите меня.

Костоправ в очередной раз испытал облегчение от того, что не потащил с собой Армастро — ни к чему сейчас терять авторитет в глазах паренька и просвещать в особенности их с Брустером повышения в звании.

— Я думаю, для вас не станет новостью то, что разговоры в деле Винтры бессмысленны. — Он смотрел лейтенанту прямо в глаза. — И если честно, я считаю, что всё это наше задание сплошная туфта. Средство пустить пыль в глаза и потянуть время. На самом деле вы не знаете, что предпринять, потому что Кромберг не отдаст вам город. По

крайней мере пока он жив и является маиром. — Бэн сделал паузу. — К счастью, и то и другое можно легко исправить.

— Поясни. — Лицо Фальфарда осталось невозмутимым, не дрогнул ни единый мускул.

— Поясняю — за пределами лагеря я оставил одного паренька, он главарь одной из банд численностью в несколько десятков человек. Все, естественно, отморозки, но важно другое — многие из них были изгнаны из Винтры по разным причинам и поэтому любовью к маиру не пышут. Их можно использовать для устранения Кромберга и совета в целом.

— И это всё? — Сиплый хмыкнул. Выпрямившись, подошел к тумбе и взял графин с водой и наполнил стакан. — Эта идея не нова, Элдор. Проблема в том, что изгнанных не пускают в город, а для прямого нападения банды слишком малочисленны. Мы думали над объединением нескольких групп в одну, но отказались от этого, — он отпил ледяной воды, — слишком хлопотно и рискованно.

— Возможно, раньше так и было, — возразил Бэн, — вот только ситуация немного изменилась. Мне стало известно, что завтра в городе пройдет праздник Тнилка.

— Тнилка? — уже с интересом переспросил Фальфард. — Это достоверная информация?

— Отведи Опекун-Витазарх от меня свои очи, если это не так.

Сиплый в задумчивости кивнул, хотя едва не закатил глаза и не фыркнул при упоминании имперского божка.

— Продолжай.

— Суть в том, что на празднование пускают даже изгнанных. Это может сыграть нам на руку. Они уберут маира и всех, до кого смогут дотянуться. Да, их будет мало, всего несколько десятков, но хаос и смятение будут обеспечены, можете мне поверить. Особенно, если у горожан не будет доступа к складам с оружием.

— И ты сможешь всё это устроить?

— Если вы дадите мне доступ к особым игрушкам Борба, то да, — без тени сомнения ответил Бэн.

Лейтенант поставил стакан на стол и, заложив руки за спину, стал мерить шагами комнату, изредка бросая на него странные взгляды.

— Допустим. — Он остановился. — Что ещё тебе потребуется?

— Чтобы ваши отряды были неподалёку. Члены банды должны верить, что гильдия их поддерживает. К тому же, дополнительные силы могут потребоваться для того, чтобы навести порядок и перебить, — Бэн криво усмехнулся, — бандитов.

— Не лишено смысла, — согласился Сиплый и, подойдя к столу, извлёк из ящика магифакт "коннехсор" — наполненный туманным голубым сиянием кристалл связи — и поднёс его ко рту. — Алгоритм "оружейная".

Через некоторое время из камня раздался приглушенный, басовитый голос:

— Алгоритм принял.

— Борб, это Фальфард. Сейчас к тебе придёт Элдор Бэнталиор Уилторс, выдай ему всё, что попросит.

— Будет выполнено, господин лейтенант.

Отложив коннехсор, Сиплый с улыбкой посмотрел на Костоправа.

— Ну вот и всё. Действуй, Элдор.

Светало. Ключья тумана собирались вместе, образуя местами плотный покров,

устылающий землю. Дэйк уже порядком продрог, когда наконец из ворот лагеря Эгиды появился Костоправ. Он подъехал к нему и весело сообщил:

— Ну вот, приятель, я всё уладил!

— А мне что, разве не нужно лично увидеться с вашим, — он тут же поправился: — то есть твоим, начальством?

По дороге Костоправ попросил обращаться к нему по имени и не "выкаты" — а к просьбам Армастро предпочитал прислушиваться.

— Нет, — ответил Бэн. — Я же говорю — всё улажено. Наёмники гильдии завтра будут у Винтры, можешь не сомневаться. А теперь поехали — сначала заберём твоих ребят, а потом, после небольшого инструктажа, тебе придётся потрудиться.

— Мне?

— Именно. — Костоправ нежно похлопал по седельной сумке. — Должен же ты доказать, что достоин должности маира.

От его жуткой улыбки Дэйк зябко передёрнул плечами.

Он уже начинал жалеть, что ввязался во всё это.

Когда Бэн покинул комнату, Фальфард задумчиво побарабанил пальцами по столу, а потом велел зайти караульному, охраняющего дверь, и распорядился найти младшего лейтенанта Тарто Джадса и привести к нему.

Отдав честь, солдат отправился исполнять поручение. Сложив руки на груди, Сиплый сел за стол. Его сильно беспокоил предстоящий День Тнилка, и не только потому, что задумал Уилторс. Просто для такого празднования всё было слишком... тихо. Он не был объявлен во всеуслышание, не прошёл по официальным каналам, да что там говорить, если даже обычный люд, который всегда в курсе праздников, молчал! Да и с чего бы им вообще его проводить? К тому же в дни тьмы. Нет, Кромберг, этот хитрый лис, определённо что-то задумал. И в кратчайшие сроки следовало выяснить, что именно.

Фальфард с досадой дёрнул щекой.

Кастор прав — проблему с Винтрой нужно решать.

Медлить больше нельзя.

9.

Руководствуясь указаниями прохожих Кейн довольно быстро отыскал дом маира. Это оказалась небольшая двухэтажная усадьба, стоящая на берегу озера недалеко от городской площади. Он окинул взглядом тёмную и нахмурившуюся водную гладь озера — практически весь день моросил мелкий дождь и сейчас всё выглядело не так привлекательно, как вчера.

Придерживая натянутый воротник, Брустер пониже опустил голову, чтобы шляпа принимала основные потоки холодного ветра и воды, что летели ему прямо в лицо. Быстро поднявшись по лестнице, хотел было громко постучать, но дверь внезапно распахнулась:

— Ещё раз спасибо! Было очень вкусно и... Ой!

Кейн не успел отойти в сторону и девушка в длинном плаще с капюшоном налетела на него. Осторожно придерживая её, он рассеянным взглядом окинул миниатюрную фигурку с раскиданными по плечам белыми волосами. Она подняла голову и с виноватой улыбкой на милом лице посмотрела на него голубыми глазами и прошептала:

— Прошу прощения! Я, как обычно, лечу вперёд не глядя по сторонам!

— Это точно. — Следом за девушкой из дома вышел черноволосый парень и, раскрыв зонт, встал рядом. — Ещё раз простите мою "сногшибательную" спутницу.

— Да нет, всё нормально. — Брустер поспешно отошел в сторону, давая им пройти. — Прошу вас.

— Благодарю! — Взяв парня под руку голубоглазая увлекла его за собой. — Вперёд, вперёд, я хочу пройтись по городу!

— Но дождь же, — стал вяло отбиваться парень. — Промокнём насквозь!

— Ну и что?

Кейна, наблюдающего вслед удаляющейся паре, окликнули:

— Не стойте на пороге, заходите скорее!

— А, да.

Сбросив оцепенение он быстро проскользнул внутрь и закрыл за собой дверь. Очутившись в просторной прихожей Кейн обернулся к миловидной маленькой женщине в фартуке, скромно сложившей перед собой руки и с лёгкой улыбкой на лице рассматривающей его.

— Вас ожидают? — спросила она.

— Мэссара. — Кейн шмыгнул и в почтении коснулся краёв промокшей шляпы. — Вряд ли меня ждут, но вы можете просто доложить, что пришел Кейн Брустер.

— Хорошо, я скажу Хельму, что вы пришли. — Она прошла мимо него и уже начала подниматься по лестнице на второй этаж, но на полпути обернулась. — А вы пока можете раздеться и присесть, чуть позже я принесу вам чашечку горячего чая. В такую погоду ведь немудрено и простудиться.

— Спасибо, мэссара.

Кейн быстро избавился от промокшей одежды, оставшись в форме Эгиды. Растирая озябшие руки, он прошелся по прихожей, с любопытством разглядывая настенные картины — в основном с изображениями различных пейзажей — и осматривая ближайшие комнаты: первая служила кухней, с большой печью у стены и массивным столом посередине, не считая разнообразной кухонной утвари, аккуратно расставленной по шкафам и тумбочкам; вторая оказалась уютной гостиной, с диваном, креслами, и маленьким горящим камином, над которым традиционно висел мушкет, а на полках стояли чёрно-белые проекции в деревянных рамках. Он уже было собрался подойти к камину, чтобы погреться, как позади закрипели половицы лестницы и его окликнули:

— Мэссэр Кейн? Хельм готов... — женщина замолчала. Разглядывая его форму, она нахмурилась и поджала губы, с которых бесследно исчезла улыбка. Сухим тоном, в котором не осталось приветливых нот, она сообщила: — Маир готов вас принять, мэссэр Брустер. Вверх по лестнице и прямо.

Стараясь не обращать внимания на перемены в её поведении, Кейн прошел мимо, быстро поднялся по лестнице и постучал в двери напротив. Дождавшись разрешения, он вошел в довольно просторное помещение, занимавшее судя по всему практически весь второй этаж и объединявшее в себе библиотеку и кабинет одновременно, в глубине которого стоял письменный стол и несколько мягких кресел. Практически всё остальное свободное пространство комнаты было завалено книгами — они стояли в шкафах, высокими стопками выстраивались вдоль стен, лежали на столиках и стульях. Коробки с книгами покоились на полу прямо под ногами и, чтобы добраться до стола за которым сидели маир и цирюльник Джо, нужно было пройти целый лабиринт.

— Командор Кейн! — Кромберг поднялся ему на встречу и крепко пожал руку, внимательно всматриваясь в его лицо. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Да, я тоже этому рад. И хотел поблагодарить вас и мэссэра Барлоу за оказанную мне помощь. — Он пожал руку сидящему цирюльнику. — Вы хороший лекарь, ваш отвар мне чертовски помог.

— Да бросьте, — отмахнулся Джо. — Я дилетант, в основном варящий "похмелку" для мужиков.

— Джо скромничает, он у нас прекрасный хирург и практически единственный нормальный врач в Винтре. — Хельмут сел обратно за стол. — Присаживайтесь. Сейчас Альма принесёт горячего чая, согреетесь.

Кейн постарался не показать своего удивления той любезности, с которой его встретили. Неужели такой эффект произвёл его обморок? Или тут дело в чём-то другом? Он сел в удобное кресло и повернулся к Барлоу.

— Так вы хирург?

Тот кивнул.

— Военный. Вернее стал таковым на войне, а был-то обычным цирюльником. В то время любой, кто мог пользоваться бритвой и отрезать конечности не убив при этом пациента уже считался хирургом.

— И то верно, — согласился Кейн и тут Кромберг снова встал со своего места.

— А вот и чай.

— Нет-нет, Хельм! Садись, я сама со всем справлюсь.

Альма с подносом вошла в комнату и, привычно лавируя между коробками, поставила его на стол. Мило улыбаясь, раздала по кружке ароматного травяного чая Хельмуту и Джо.

Чашка Кейна осталась стоять на столе.

— Спасибо Альма, — улыбнулся маир. — Кстати, это Кейн Брустер, командор гильдии Аэгис Материум. Командор, это моя жена, Альма.

— Да, мы уже познакомились внизу, — сказала мэссара Комберг, не смотря на Кейна. — Ну ладно, я пойду, ещё так много дел.

Кейн взял свою кружку только когда она ушла — чай был холодным. Сделав для приличия несколько глотков, он поставил его обратно на стол.

— Кстати, Хельм, а где Лейда?

— Ты разве не знаешь Альму, — маир отмахнулся. — Несмотря ни на что всё хочет делать сама. Поэтому Лейду пришлось отослать.

Цирюльник кивнул, отпив из чашки.

— М! Скажите, командор, — Джо повернулся к нему и подался вперёд, — у вас часто бывают приступы, подобные вчерашнему?

— Да нет, — он пожал плечами, — никогда такого не было. Я, собственно, у вас хотел спросить, в чём может быть причина и чем это чревато?

— Ну, я вас осмотрел и ничего серьезного не выявил. Плюс вы вполне нормально держитесь на ногах, раз пришли сюда. Думаю, у вас просто переутомление. Такое бывает.

Кейн нахмурился. Он не думал, что дело в банальном переутомлении. Нет, тут что-то другое. Ведь ещё на подъезде к Винтре он тоже чуть не свалился в обморок.

— Мэссэр Кромберг, а о чем мы с вами говорили перед тем, как я отключился?

— Ну, помимо наших дел, вы хотели рассказать мне о том, откуда вы родом.

"Откуда я родом" — только он подумал над этими словами, как его голова начала гудеть

и в висках застучало. Кейн ошарашенно замер и в голове промелькнула мысль: "Вот оно!".

— Маир, у вас случаем нет старых карт Винтады?

Хельмут переглянулся с Джо.

— Случайно есть, а вам зачем?

— Я бы хотел указать вам, откуда я. — Видя непонимание в глазах маира, он добавил: — Это очень важно, поверьте мне.

Хельмут немного посидел, размышляя, потом поднялся и, порывшись в шкафу, вернулся с выдавшей виды картой. Они помогли ему убрать чашки и книги со стола, после чего склонились над ней. Скользя взглядом по названиям рек, городов и деревушек, Кейн почувствовал лёгкое головокружение и вцепился в край стола, прикрыв глаза и пытаясь взять над собой контроль.

— Мэссэр Кейн, с вами всё в порядке?

— Всё в порядке, мэссэр Барлоу. Но будьте готовы к тому, что я могу вновь отключиться. — Несмотря на то, что его всё ещё мутило, он открыл глаза и вернулся к карте. — А теперь прошу вас, не мешайте мне.

Названия начали расплываться, но он, не обращая внимания на стиснувшую виски боль, ещё ниже склонился над картой и напряженно водил пальцем по её шершавой поверхности, ощущая, как холодный пот стекает по спине.

Ардона, Шорд, Навис, Палития, река Дива...

Он чувствовал, что может в любой момент упасть в обморок. Лишь тонкая ниточка сознания ещё удерживала его от этого и он цеплялся за неё изо всех сил.

Генаса, Клодия, Исила, горы Нарады...

Кейн замер. В висках оглушительно стучало, тело сотрясала дрожь.

Горы Нарады. Сеть долин и горных хребтов, отходящая от Таларской. Её ещё называли дочерью Талары — Нарадой. С неё брала своё начало река Мирона — он провёл запотевшим пальцем вдоль Нареды, нашёл тонкую полоску реки и облизнул пересохшие губы — севернее Мироны должна быть расположена деревня под названием... под названием...

Палец Кейна остановился, накрыв собой название деревни. Он перестал дышать, пытаясь сфокусировать взгляд на собственном пальце. Он был на грани, чудом удерживая пытавшееся ускользнуть в темноту сознание. Кейн медленно убрал палец с карты.

Милада.

В голове словно что-то щёлкнуло и всё встало на свои места. Тугая боль ослабила хватку и выпустила его из своего плена. Кейн шумно выдохнул скопившийся в груди воздух и безвольно опустился в кресло. С его глаз словно сняли повязку и он наконец прозрел.

— Милада, — прошептал он.

— Что? — непонимающе переспросил Хельмут, настороженно всматриваясь в побледневшего Кейна. — Что вы сказали?

— Милада, — повторил Кейн с вымученной улыбкой на лице. — Я родом с большой Милады, что у подножия гор Нарады, рядом с рекой — верхней Мироной.

"Вот так вот, — подумал он, устало потирая виски. — Милада. Но как так вышло, что я забыл откуда родом? Причём я не помню не только это. Бездна! Когда вернусь в Веноваль, надо взять своё досье у Мальфита. Может, там я найду объяснение".

— Мэссэр Брустер, — Кейн поднял взгляд на стоявшего рядом Хельмута, — какое отношение имеет исчезнувшая деревушка к нашему делу?

— Да, в принципе, никакого. Просто я бы не хотел, чтобы между нами было

недопонимание. И теперь вы знаете, что я не чужак, а такой же житель Винтады, как и вы. Хотя, — он усмехнулся, — вы можете не верить мне на слово — ведь нет гарантии того, что я просто тыкнул в случайную точку на карте. Но, если вам это потребуется, я готов рассказать о своей деревне, да и вообще о Винтаде, подробнее, чтобы исключить возможность обмана.

Сдвинув брови, Кромберг побарабанил пальцами по столу.

— Допустим, я вам поверю. Что дальше?

— Дальше у нас есть проблема, — незамедлительно ответил Кейн, чувствуя, что слабость мало-помалу отступает, — которую я по воле случая призван разрешить. И, знаете, я тут немного поразмыслил и пришел к выводу, что не понимаю сути проблемы. — Видя недоумение на их лицах, он пояснил: — Понимаете, главной причиной вашего выселения из Винтры гильдия назвала строительство железной дороги. Но что-то мне подсказывает, что не всё так просто. Ведь рельсы, как ни крути, для города вещь полезная. К тому же, судя по карте, это было бы даже более, чем выгодно. С чего бы вам отказываться от них? Всё это навело меня на мысль, что дело далеко не в железной дороге. Я прав?

Маир некоторое время задумчиво разглядывал карту. Найдя на ней маленькую точку с названием Винтра, он очень долго не мог отвести от неё взгляд.

— Да, правы, — наконец признал он. — Правда в том, что наш город стоит на очень богатом месторождении, о котором мы все, не считая Эгиду, узнали сравнительно недавно.

Кейн откинулся на спинку и облегченно вздохнул. Всё встало на свои места. Значит, он был прав в своих подозрениях и Мальфит действительно послал их сюда для отвода глаз.

— И сколь многим об этом известно?

— Мне, Джо и некоторым членам городского совета. Ну и теперь вам.

Кейн кивнул. Неудивительно, что всё держится в тайне — если будет официально подтверждено, что эти места действительно богаты на ресурсы, то и платить жителям за выселение придётся не мало. А о сохранении долины, как, собственно, и города, не может быть и речи — всё будет снесено, часть перестроена для жилья рабочих, озеро загрязнят, деревья вырубят. Что поделать, издержки тяжелого производства — чтобы люди жили в достатке в одном месте, другое должно обратиться в пыль.

Рай может быть только один.

— Я так понимаю, Эгиде неизвестно, что вы в курсе истинного положения вещей?

— Верно, — Кромберг натянуто улыбнулся. — Но это ненадолго.

Кейн заинтересованно подался вперед:

— А можно ли узнать подробности?

— Почему бы и нет, это уже не является секретом. — Хельмут обошел стол и устало сел в своё кресло, сцепив вместе руки и смотря на него поверх них. — Мы связались с Терра Секундой и обратились за помощью к партии по защите малых городов. Наши права, знаете ли, ещё кто-то уважает и защищает. И сегодня утром к нам прибыли журналисты, которые напишут о нашем городе, о нашей проблеме, и в скором времени представят написанное общественности. Естественно, будет сообщено также и о богатстве, сокрытом в недрах нашей долины.

— А, вот оно что. — Кейн вспомнил ту парочку, с которой столкнулся на входе. — Это действительно может сработать, и вы получите защиту от дальнейших посягательств гильдии.

— Именно. — Джо с улыбкой отхлебнул уже остывшего чая.

— Ну, тогда мне больше нет смысла задерживаться в вашем городе. — Кейн поднялся и поправил форму. — Вопрос только в том, когда вы разрешите мне его покинуть?

— Хоть сегодня, — ответил маир. — Но на самом деле я бы хотел попросить вас задержаться, командор. Завтра специально для журналистов мы проведем День Тнилка и мне бы хотелось, чтобы на нём присутствовал представитель Аэгис Материум.

— Правда? Сто лет не видел закон в действии. И кто будет стрелять?

— Вы знаете стрелка, это — Джо откашлялся и протёр заслезившиеся глаза, — это Сэллиона Макфрай, в её доме вы провели ночь.

— Да, мы познакомились. — В голове Кейна мелькнул образ висящего на стене мушкета. — Очень милая женщина.

— Вы правы. Она будет отстаивать своё право на земли мужа, ныне покойного. И я, как маир, хотел бы видеть вас на торжестве, которое пройдет завтра в полдень. Я могу рассчитывать на вас?

Кейн, всё ещё терзаемый головной болью, перевёл хмурый взгляд на окно, о которое разбивались холодные капли дождя. Где-то вдали прогремел гром. Сегодня он до лагеря не доберётся, если конечно нет желания вымокнуть до нитки. И это желание у него отсутствовало.

— Что ж, — он улыбнулся своим собеседникам, — почту за честь принять приглашение маира Винтры и прикоснуться к мушкету Дувтси Тнилка.

Настенные часы в кабинете Хельмута Кромберга показывали четыре часа пятнадцать минут.

До празднования Дня Тнилка оставалось чуть менее двадцати часов.

10.

Дэйк прокрался по тёмному переулку и осторожно выглянул из-за угла дома, внимательно осматривая городскую площадь. В столь поздний час она была пустынна, а льющий с самого утра дождь давал гарантию того, что все будут сидеть по домам и не высунутся на улицу без особой на то нужды. Словно подтверждая его мысли загредел гром и яркая молния прочертила небосвод. Запрокинув голову, он стал разглядывать чёрную громаду Дома Собраний, тщась обнаружить свет хотя бы в одном из многочисленных окон. Но нет, ничто не говорило о том, что в здании кто-нибудь есть. И, насколько знал Дэйк, там редко кто оставался на ночь, так что всё должно пройти гладко.

Постояв ещё немного для надежности, он поглубже натянул капюшон и короткими перебежками приблизился к дому. Объёмная сумка из непромокаемой кожи то и дело билась о бедро, и он осторожно придерживал её за ремень.

Внезапно справа раздалось злобное шипение. Дэйк от неожиданности чертыхнулся и, подскользнувшись, чуть было не упал в грязь. Бормоча про себя ругательства, он шикнул в темноту, из которой выскочила и пробежала около его ног испуганная кошка, скрывшись под крыльцом здания. Прежде чем идти дальше, он нервно сплюнул три раза через плечо — поди разбери, чёрная она там была или нет, но лучше перестраховаться.

Быстро взбежав по ступеням, он пригнулся и замер у главного входа. Обернувшись, ещё раз окинул взглядом площадь — никого. Дэйк уже в который раз опустил руку на сумку и почувствовал сквозь намокшую ткань очертания своего груза.

Последний шанс остановиться и уйти незамеченным.

Но бездна, награда во сто крат перевешивала риск, чтобы отказываться. И она будет ещё больше, если всё получится как надо — он был готов на всё, лишь бы выбраться с Винтады. С тех пор, как его изгнали, его жизнь превратилась в сплошное выживание — на уцелевших землях царит дикость, нет государств, одни поселения да горстка городов, проживание в которых отныне необходимость, ведь в одиночку не выстоять и не защититься против беснующихся отбросов, многочисленных банд, фанатиков, грабителей и прочей швали. Дэйк с усмешкой убрал руку от сумки — в конце концов всё всегда сводится к деньгам. Абсолютно всё в жизни имеет свою цену, даже хваленая человеческая жизнь, что бы там не говорили про её бесценность. Просто за одних не дашь и ломаного гроша, а вот за других придётся выложить солидную сумму. И всегда найдется тот, кто возьмётся за работу, оплаченную хрустящей банкнотой, какой бы она не была. В этот раз нашли его.

Отбросив последние сомнения, он взялся за холодное железо дверной ручки и медленно потянул на себя, мысленно приготовившись к тому, что дверь заперта. К его удивлению та легко поддалась. Отлично! По крайней мере сейчас ему не придётся пользоваться отмычками, которыми он, честно говоря, орудовал не очень хорошо.

Оглянувшись в последний раз и убедившись, что его никто не видит, Армастро проскользнул внутрь и тихо затворил за собой дверь. Некоторое время он привыкал к царившей вокруг тьме, изредка разгоняемой вспышками молний. Зал собраний, в котором он оказался, был невероятно огромен и больше напоминал имперские залы храмов Блустителей — два ряда длинных скамей, тянущихся до самого алтаря, роль которого здесь исполняла трибуна оратора, по обеим сторонам которого стояло по пять высоких кресел — для старейшин города — да и высокие витражные окна добавляли сходства.

Стараясь лишний раз не шуметь, Дэйк снял свои грязные сапоги — оставлять за собой ошметки грязи он не намеревался. Настороженно прислушиваясь к малейшим посторонним звукам, прокрался вдоль стены и остановился. Обувку решил спрятать под скамьей, после чего отправился дальше. Добравшись до трибуны, внимательно осмотрелся. Из зала было три выхода: тот, через который он вошел, и ещё две двери, расположенные слева и справа от трибуны. Соглашаясь на это дело, Армастро умолчал одну важную деталь — он не знал, где именно находится оружейный склад. По правде говоря, его никогда не допускали во внутренние залы Дома — как и большинство молодняка. Остаётся надеяться, что ему не придется блуждать тут всю ночь и его поиски быстро завершатся. Не теряя даром времени он решил идти вправо. Как говорится, налево пойдешь — неприятности огребёшь, направо пойдешь — ещё больше огребёшь.

Здесь дверь также была не заперта. За ней оказался довольно просторный коридор, который он постарался пройти как можно быстрее. Конечно у него было желание заглянуть во встретившиеся ему по пути комнаты и хорошенько пожить "тамошним" добром, но сердце у него так и замирало каждый раз, когда до него долетали какие-нибудь отдалённые и невнятные звуки этого старого места. Всё-таки верно говорят, что старые здания живут своей жизнью. И ночью, подобной этой, можно услышать их дыхание. Дэйк потряс головой, отгоняя непрошенные мысли. В общем о грабеже пришлось забыть. Сначала дело, а вот потом, если у него останется время...

Немного поплутав, коридор вывел его к лестничной площадке. Так, вверх ему точно не надо (кто будет держать склад с порохом наверху?), а вот вниз стоит прогуляться. Останавливаясь перед каждым поворотом лестницы, он всякий раз напряженно вслушивался, прежде чем осторожно выглянуть из-за угла и пойти дальше. Наконец

лестница закончилась очередным тёмным коридором. Сделав вперёд два осторожных шага, Дэйк опустился на корточки и втянул в себя воздух. Отлично, сыростью не пахнет, даже не смотря на то, что на улице бушует гроза. Да и пол здесь сухой.

Нащупав на шее тонкую цепочку, вытащил наружу медальон — обыкновенную стекляшку размером с монету. Сжав её в кулаке, Дэйк, чётко выговаривая каждую букву, прошептал:

— Яви свет!

Меж его пальцев тут же засиял яркий огонек. Разжав руку, прищурился от ударившего в глаза света. Проморгавшись, Армастро выпрямился и покрутился на месте. В принципе ничего особенного: небольшой зал, несколько крепких, окованных сталью дверей, но вот центральные были двустворчатыми и весьма широкими, к тому же в левую створку вмонтирована ещё одна дверь стандартного размера. Подойдя к ней, он без особой надежды дёрнул за ручку и недоуменно замер.

Открыто.

А вот это уже было очень странно. Ну ладно раз, ну два, но трижды везёт только утопленникам, сделавшим пару лишних вдохов прежде, чем захлебнуться! Может, это ловушка?

Дэйк опасливо заозирался по сторонам.

Да ну, бред! Кому известно, что он здесь? Кроме Бэна никто и не знает.

У него внутри всё похолодело.

Бэн.

А что, если это всё специально затеяли, чтобы поймать его, Дэйка Армастро? Вывести на чистую воду нечистого на руку главаря банды?

Он почувствовал, как его губы растягиваются в усмешке. Ага, конечно, дался он им, как же. Уж проще поверить в беспечность горожан, чем в то, что на него, мелкую сошку, решили устроить охоту. Да ещё так изощренно. Ладно, что-то он действительно разнервничался. Пора возвращаться к работе, она сама себя не сделает.

Решившись, Дэйв шагнул за дверь.

— Клянусь пальцами всего моего рода, — выдохнул он, широко улыбаясь.

Повсюду, куда хватало глаз, стояли бочки, ящики, стеллажи с мушкетами и пистолетами, шпагами, мечами, кинжалами и даже (барабанная дробь!) несколькими пушками! Он точно попал по назначению. Неужели жители Винтры действительно так беспечны и самоуверенны, что не запирают свою оружейную? Ай да стрелки, ай да олухи!

Дэйк прошел вглубь оружейного склада, присматривая нужное место. Его выбор пал на дальний угол, где бочки высились до самого потолка, а у стены стоял массивный стол с оружейным маслом и пороховницами. Присев на корточки, он заглянул под стол, под которым, не считая нескольких ящиков с инструментами, ничего не было. Отличное место для его посылки. Сняв сумку с плеча и осторожно опустив её на пол, Дэйк расстегнул ремни непослушными пальцами и извлёк наружу небольшой деревянный ящичек. Подышав на занемевшие руки и потирая их друг о друга, снял стальные зажимы и убрал крышку. Рассматривая содержимое ящика, он невольно залюбовался: внутри находилось необычное устройство, в центре которого располагался магифакт напоминающий табулу, от которого шли многочисленные трубки, соединявшие его с несколькими прямоугольными брусками арканита под стеклом терсека и испускавшим яркое зеленоватое свечение.

Как там сказал Бэн, цитируя Борба — "волшебный коллапсер арканита —

универсальный магифакт дальнего радиуса действия, разработанный Арта-Игни и предназначенный для военных нужд, с ручным и автоматическим режимом активации."

Проще говоря — бомба.

Арнхольд едва смог выпрямить свою негнущуюся спину, а шея так затекла, что он не мог лишней раз повернуть голову без того, чтобы не скривиться от боли. Казалось, каждый сустав в его дряхлом теле считал своим долгом хорошенько похрустеть. Он протёр слезящиеся глаза трясущейся рукой и, вновь надев очки, вернулся к прерванной работе. Склонившись над красивейшим мушкетом, старик вновь всё перепроверил — всё ли тщательнейшим образом смазано, всё ли до блеска начищено, всё ли идеально отлажено. Арнхольд не мог себе позволить упустить даже самую маленькую деталь, ведь завтра с помощью этого мушкета, самого лучшего мушкета в городе, будет приведён в исполнение закон Дувтси Тнилка. И только он, почётный оружейник города Арнхольд Brentворд, имел право подготовить оружие к завтрашнему дню.

Старик извлёк из кармана жилета старенькие часы и, поднеся их поближе к лампе, подслеповато всмотрелся в циферблат. Свинец ему в пузо, уже далеко за полночь! Да старуха точно его прибьет, это как пить дать! Арнхольд весело заулыбался, представив себе свою Дору, хмуро встречающую его на пороге и костерящую на чём свет стоит. Эхх, вот старая карга, ведь опять начнет ворчать, что ему уже пора себе смену готовить. Он вздохнул, рассеянно поглаживая приклад мушкета. Да чего уж там говорить, права его старуха, совсем он теперь старый стал. Арнхольд был оружейником Винтры столько, сколько себя помнил. Вот уже семьдесят шесть лет он исправно выполняет свои обязанности и не может себе даже представить, что ему не надо будет каждую неделю смазывать и начищать ружья, каждый месяц затачивать клинки, следить за порохом, чтоб не отсырел, за сводками Арта-Игни, чтобы не проморгать момент, когда появится мушкет лучше чем тот, который сейчас лежит перед ним. Да и кого он себе в ученики возьмёт? Уж точно не этого оболтуса Динсона! Но хочешь не хочешь, а начать искать придётся.

Арнхольд перевернул часы дном кверху и провёл большим пальцем по уже практически невидимой надписи. Сейчас, наверное, её и прочесть-то можно будет с большим трудом. Но ему и не надо было её читать, он и так знал наизусть каждое слово: "Дорогому Арнхольду Brentворду с благодарностью от всех жителей Винтры". С печальной улыбкой старик вновь погладил рукоять мушкета. Если бы не проклятый артрит, он бы не провозился с ним до такой поздноты. Это в молодости ему казалось, что стариком быть интересно и только и надо, что сидеть на лавочке да посмеиваться над молодежью. На деле всё оказалось не так весело. А чего весёлого в том, что у него теперь беззубый рот, кривая спина и никудышное зрение? А вдобавок к этому ещё и артрит, геморрой, и бесполезно болтающийся труп между ног.

Ещё раз печально вздохнув, он с трудом поднялся. Собрав со стола инструменты и уложив их в сумку, повесил её себе на плечо и, подхватив лампу и мушкет, вышел из комнаты.

Отложив в сторону крышку Дэйк склонился над бомбой. Его била мелкая дрожь, а на лбу блестели капельки пота, которые он тут же вытер тыльной стороной ладони. Ему оставалось только активировать устройство, переключить его в ручной режим и убираться отсюда как можно быстрее. Не стоит играть с удачей, ему и так уже повезло сверх меры.

Очень осторожно он прикоснулся к ледяному стеклу терсека. Возникло ощущение, словно положил ладонь на кусок льда. Малоприятно. Сглотнув накопившуюся слюну, Дэйк насторожено всматривался в глубины поддёрнутого туманом стекла и уже начал нервничать от того, что ничего не происходило. Наконец на поверхность зеркала выплыл какой-то непонятный ему символ и один из четырёх брусков арканита засиял ярче. Облегчённо вздохнув, он смахнул струившийся по лицу пот, прикоснулся к символу указательным пальцем и стал ждать. Через несколько долгих минут загорелся ещё один символ, к которому он поспешно приложил средний палец. Вскоре загорелся и третий для его безымянного. Но вот четвёртый всё никак не хотел появляться!

Может, он сделал что-то не так? Да вроде нет, активировались же уже три арканитных бруска, значит, всё верно. Бездна! Мало того, что он чувствует это раздражающее покалывание в подушечках пальцев, так ещё и рука уже порядком онемела.

Наконец загорелся четвёртый символ.

Арнхольд вошел в главный зал и поднялся к трибуне. Прямо за ними у стены возвышался постамент, на котором стоял длинный стальной ящик, украшенный витиеватой резьбой. Подняв стеклянную крышку, старик трепетно вернул мушкет на его законное место. За всю свою жизнь он помнил каждый мушкет, побывавший в этом ящике. Этот был двадцать третьим.

Эти ружья ему всегда нравились больше остальных, и не из-за того, что они считались лучшими и носили имя Дувтси Тнилка. Нет, из оружия, попавшего в этот ящик, никогда никого не убивали. Его использовали только для свершения закона Тнилка и ни для чего более. Арнхольд, даже будучи городским оружейником, ни разу в жизни не сделал ни единого выстрела не то что в человека, но даже в животного. Он не видел в убийстве ничего достойного и вызывающего восхищение, и этим он отличался от большинства жителей Винтады.

Старик поднял взгляд на длинный настенный гобелен, берущий своё начало под потолком и расположенный точно посередине между витражными окнами. В слабом свете лампы вышитые золотом буквы сверкали и слова сливались так, что их становилось трудно разобрать. Но несколько самых нижних строк всё же можно было прочесть:

"В сердце Новой Земли, Винтаде — стоим!
Вольных пращуров честь — с далеких краин!
Переплывшему Море даём — Щит и Меч!
А принявшему клятву — Законы беречь!
Кто Свободу познал — не вернется в рабы!
И Винтада стоит — пока живы мы!"

Арнхольд улыбнулся. Как высокопарно. Эти слова приписывают Дувтси Тнилку, хотя сам Тнилк вряд ли мог сказать подобное. Молодежь считает его героем, участником и победителем многих сражений, хотя на деле старина Дувтси просто отстреливал тех, кто приближался к его землям. Но любой стране нужен герой, так почему бы им не стать старине Дувтси? Да и будь он против, это бы не имело никакого значения — у мертвецов редко спрашивают разрешения. Один минус — Арнхольд вновь посмотрел на мушкет — молодежь хочет быть похожа на своего героя и поэтому редко доживает до старости.

Он вздрогнул от громopodobного взрыва, заставившего его сердце сжаться, а душу уйти в пятки. Похоже гроза снаружи разыгралась не слабая, от такого грома может и сердце остановиться. Арнхольд опустил крышку и уже хотел было пойти домой, но в последний раз пробежавшись взглядом по мушкету, хлопнул себя по лбу.

— Вот дурья башка! Никчёмный старик! Ржавое дуло паршивого мушкета!

Вволю посатрясав воздух и побранив себя, старик извлёк из своей сумки красивую пороховницу, сделанную из белой кости. Мушкет-то он в порядок привёл, а вот кто порох да пули наберёт? Небось, сам маир потащится в оружейную доделывать работу забывчивого старика? То-то было бы весело, если бы он притащил домой пороховницу с инструментами. Арнхольд вновь хлопнул себя по лбу. Точно, ещё же инструменты чуть домой не утащил! Старый маразматик! Права его старуха, пора ему на покой.

Сокрушенно покачивая головой и бормоча себе под нос, Арнхольд отправился в оружейную.

Дэйк убрал руку с магифакта.

Он уже почти закончил, осталось только настроить ручной режим. Вытащив из нагрудного кармана небольшую коробочку с ладонь величиной, открыл её. Внутри лежала пластинка толстого стекла терсека, внутри которого так же, как и в бомбе, клубился магический туман. Дэйк с интересом повертел её в руках — как оказалось, стекло было и с другой стороны, а между ними располагались тонкие трубочки арканита. Да уж, "Felix Arcana" своё дело знает, хотя тут наверное не обошлось без консультации ребят из Арта-Игни. Собственно неудивительно, что маги додумались до таких штук — когда нет запретов и никто не грозит сжечь тебя на костре, как было в Империи, чего только не изобретут. Ну и конечно война сыграла свою роль — война двигатель прогресса.

Он осторожно положил, как его назвал Бэн, "активатор" на стекло коллапсера. Сначала ничего не происходило, но потом на туманной поверхности активатора начали всплывать и рассеиваться символы с цифрами. Дэйк словно зачарованный следил за этой бесконечной игрой знаков.

Ждать осталось недолго.

Подслеповато прищуриваясь и осторожно нашаривая ногой ступеньки, Арнхольд спускался вниз. Держа перед собой лампу, он шел, опираясь о стену и прикусывал от боли губу каждый раз, когда нога касалась ступеньки. Проклятый артрит! Проклятая лестница! Он уже блаженно представлял, как его ворчливая старуха будет растирать ему мазью ноги и спину.

А черничный пирог! Он совсем забыл про черничный пирог!

Старик даже остановился, мечтательно прикрыв глаза и причмокнув губами. Он обожал черничный пирог, а его Дора готовила самые лучшие пироги не то что в Винтре — в самой Винтаде! Помнится, она его покорила именно пирогами.

"Хотя, — он весело улыбнулся, — не только пирогами."

В приподнятом настроении он бодро зашагал дальше, даже позабыв о боли в ногах. Добравшись до низа, немного отдышался и нашарил на поясе связку ключей. Найдя нужный, сжал его в руке и направился к двери, но на полпути к ней ошарашенно остановился.

Дверь была открыта. Распахнута настежь.

Арнхольд вышел из ступора и, стукнув себя по лбу, который раз за день громко

выругался:

— Вот божевольный межеумок! Колоброд чёртов! — Арнхольд зашел на склад, в раздражении захлопнув за собой дверь. — Как вообще можно было забыть запереть дверь? Культяпка!

Недовольно ворча, Арнхольд поднял повыше фонарь и направился вглубь оружейной.

Армастро в страхе подскочил, зажимая в кулаке освещающий медальон.

Кто-то невнятно закричал позади него, а потом раздался стук хлопнувшей двери. Он расслышал громкую команду "Не забудь запереть дверь, Культяпка!". В его сознании пронеслась паническая мысль: "Ловушка!".

Дэйк в ужасе уставился на бомбу.

Поймали на горячем!

Проклиная себя за то, что ввязался во всё это, он быстро запихнул тяжелую коробку с бомбой под стол и метнулся к бочкам. Вжавшись в них спиной, с силой сжал обеими руками медальон, чтобы даже самый крохотный лучик света не просочился сквозь пальцы.

Дэйк слышал шаркающие шаги и видел постепенно светлеющее пятно света, медленно приближающееся к нему. По его лицу струился холодный пот, а сердце готово было прорвать грудную клетку и бросится прочь. Он перестал дышать, когда увидел длинную тень, стелившуюся по полу и стенам, а после того, как из-за бочек появилась скрюченная рука, сплошь покрытая сетью вздувшихся вен и держащая в кривых пальцах небольшую лампу, он готов был обмочить штаны.

Что-то бормоча, горбатый старик прошел мимо него и направился прямо к столу.

"Колдун! — мелькнула страшная догадка. — Они натравили на меня колдуна!".

Дэйк лихорадочно стал искать на своём поясе кинжал, рукоять которого судорожно сжал запотевшей ладонью.

Колдун тем временем остановился перед столом и поставил на него свою сумку. Продолжая нашептывать себе под нос заклинания, он открыл её и извлёк какой-то предмет. Отставив сумку в сторону, взял со стола ящичек и какой-то черпак. Из-за его спины Дэйк не мог разобрать, что он делал дальше. Бросив отчаянный взгляд в сторону выхода, он уже подумывал сигануть что есть мочи и будь что будет! Но от внезапно раздавшегося стука замер, не в силах сдвинуться с места.

Старик задел ногой ящик с бомбой.

Время потеряло своё значение.

Словно во сне Армастро наблюдал, как колдун медленно наклоняется, чтобы заглянуть под стол.

Вытащив кинжал, он подкрался к ничего не подозревающему старику.

Занеся клинок, Дэйк не отрывал взгляда от седовласой головы.

Его дыхание участилось. Он почувствовал дрожь, пробежавшую по телу.

Кинжал со свистом опустился.

Отточенное лезвие с мягким хрустом вошло к затылок колдуна и он стал безмолвно заваливаться набок. Едва успев подхватить дряхлое тело, Дэйк тихо опустил его на пол. Потом быстро засунул окровавленную руку под стол и, схватив активатор, бросился к выходу.

Никто не пытался его остановить. Никто его не преследовал.

Дэйк Армастро беспрепятственно покинул Винтру и больше в неё не возвращался.

А последней мыслью Арнхольда Брентворда была его старушка Дора и черничный пирог, ожидавшие его дома.

11.

Бэн сидел на плоском валуне у самого края обрыва. Подтянув к груди колени и обхватив их руками, он неотрывно всматривался в непроглядную темень. Он сидел так уже несколько часов, не обращая внимания на бушевавшую непогоду и всецело отдавшись своему занятию. Костоправ знал, что где-то там, спрятавшись от него в ночи, была расположена Винтра.

И Бэн ждал.

Ливень уступил место мелко морозящему дождю, капли которого стекали по его мокрым волосам. Казалось, он идет уже целую вечность. Но Костоправ давно привык к подобной погоде и всё это ему было до боли знакомо. И самое странное в том, что она помогала Уилторсу вновь ощущать себя прежним: молодым, опасным, не скованным никакими законами и правилами. Раньше он был тем, чьего имени боялись все колониальные ублюдки. И теперь он снова был Костоправом из Антригора, а не мягкотелым ветеринаром из Телиона, и не существовало никаких преград между ним и его противниками.

А его противники были там, внизу, в крысиной дыре под названием Винтра.

Костоправ чувствовал себя охотником, терпеливо ждущим свою жертву. И ему это до безумия нравилось. А ведь он уже и забыл, каково это, испытывать напряжение от предстоящей схватки, находиться в предвкушении будущего убийства, представлять себе, как будешь смаковать каждый момент.

Особенно глаза.

Да, точно! Особенно глаза!

Смотреть не отрываясь, как их медленно покидает жизнь. Что может быть прекраснее?

И когда редкая вспышка молнии развеивала ночную тьму, Бэн с жадностью запоминал каждую деталь: расположение домов, редкие огоньки в окнах, дым из труб.

Твари!

Сидят у себя в домах, в тепле, радуются своей беззаботной жизни! Тогда как Империя, а вместе с ней и всё, что он когда-либо знал и любил, ушло на дно!

Он в ярости сжал кулаки.

Ничего. Очень скоро они будут молить его о спасении. Будут ползать у его ног и слёзно вопить о пощаде. Они всегда вопят.

Губы Бэна растянулись в улыбке.

Особенно, когда сдираешь с них кожу.

Особенно, когда делаешь это медленно.

Особенно, когда это происходит на глазах у их родственников и друзей.

Костоправ закрыл глаза, наслаждаясь их криками в своей голове.

Они ему за всё ответят. Он заставит их страдать. Колонии заплатили слишком малую цену за свою победу и он заставит их расплатиться.

Ждать осталось недолго.

Дэйк с трудом слез с лошади. Тело всё ещё плохо слушалось его и из-за застрявшей в стремени ноги он чуть было не упал в грязь. Пошатываясь и то и дело поскользываясь и

запинаясь о подвернувшиеся камни, он добрёл до одного из фургонов и привязал коня. Потом, привалившись к нему спиной и тяжело дыша, он долго приходил в себя. Его ещё трясло, а уже далёкие грозовые вспышки и грохот грома заставляли замирать и панически всматриваться в небо, ожидая, что вот именно сейчас сотворённая умирающим магом колдовская молния настигнет и испепелит его.

"Успокойся! Надо успокоиться. Спокойствие. — Дэйк уже в который раз попытался взять себя в руки. — За мной никто не гнался, я ушел незамеченным, (он старательно отгонял мысли о том, что это всё уловка, с целью проследить за ним до их стоянки). А этот колдун, — он лихорадочно сглотнул и попытался усмехнуться, — и не колдун вовсе, а обычный старик. Может, то даже был старик Brentford. Бездна! Надо было посмотреть в его лицо! Ладно... Да даже если и колдун, то я раскроил ему черепушку! И бред, бред все эти байки про посмертные проклятья!"

Нервно оглядываясь и вжимая голову в плечи, он направился в глубь стоянки. Проходя мимо крытых фургонов он останавливался и прислушивался каждый раз, когда до него долетал приглушенный храп или бубнение тех, кто ещё не спал. Что ж, все члены его банды в сборе. Вот только интересно, в котором из этих фургонов сейчас Бэн?

Армастро сжал промокшую ткань плаща, через которую ощутил очертания активатора. Надо быстрее найти его и заканчивать всё это дерьмо.

— Я здесь, Дэйк.

От неожиданности он вздрогнул и едва сдержался, чтобы постыдно не вскрикнуть. Прищурившись, стал всматриваться вперёд, силясь увидеть говорившего. Ветвящаяся молния высветила силуэт у самого обрыва и его вид вызвал у Дэйка чувство неконтролируемого страха, даже ужаса. Он вдруг осознал, что не хочет подходить к Бэну и разговаривать с ним, и тем более смотреть в его глаза. Сглотнув, он обернулся, оценивая расстояние до своего коня. Он вполне мог вскочить в седло и убраться отсюда, пока ещё не...

— Дэйк. Я жду.

Этот голос заставил его повиноваться. Он, словно во сне, приблизился к стоящей фигуре и встал рядом с ней, стараясь смотреть в землю и не поднимать головы.

— Ты всё сделал, как я просил?

— Да...

— Дэйк, я тебя не слышу. Ты не мог бы повторить.

— Да... — хрипло ответил Армастро и тут же более громко добавил: — Да! Конечно! Я всё сделал. Всё как надо. Вам не стоит беспокоиться.

Наступило недолгое молчание, показавшееся ему вечностью. Наконец, Бэн заговорил, но Дэйк едва мог узнать его голос, больше напоминающий ему голос старика, чем того солдата, с которым он недавно распивал виски.

— Подними голову, Дэйк. Посмотри на меня.

Ему захотелось закричать: "Я не хочу на тебя смотреть! Катись в бездну, ублюдок!", но вместо этого он медленно поднял свой взгляд и посмотрел в лицо Бэна.

Сверкнула молния.

Внутри у Дэйка всё похолодело.

Кто бы перед ним не стоял, это точно был не Бэнталиор Уилторс.

На него смотрел седой старик с глубоко посаженными глазами, острыми скулами и впалыми щеками, а его потрескавшиеся губы были растянуты в жуткой улыбке.

Загремел гром. Всё вновь погрузилось во тьму, скрыв от него это ужасное лицо.

Но не голос. Его не могли заглушить даже раскаты грома.

— Как быстро ты сможешь обезвредить патрули?

— Ду-думаю к полудню мои люди закончат. — Дэйк сглотнул и бросил нервный взгляд в сторону фургонов. — Да, точно, к полудню, не позже полудня.

— Хорошо. Очень хорошо. — Армастро почувствовал, что Бэн, или "ктоонтамматьего", перестал на него смотреть. У него из груди вырвался вздох облегчения, словно ему позволили сделать последний глоток воздуха перед смертью. — Можешь пойти отдохнуть.

Дэйк уже собрался было уходить, но тут же выпучив глаза застыл на месте. Бэн поднёс руку к лицу и стал рассматривать небольшой предмет, с экрана которого тускло светились символы. Он судорожно схватился за свой плащ, пытаясь нашарить в глубинах кармана активатор.

Но его там не было.

— Что-нибудь ещё, Дэйк? — голова Костоправа слегка повернулась в его сторону.

— А? Нет. Нет, ничего. — Он не отрываясь смотрел на магифакт в руках Костоправа и тщетно пытался вспомнить, когда он его ему отдал. — Хотя я мельком услышал, что вроде как праздник начнут с опозданием.

— Неужели? — В голосе Бэна ему послышалась старческая усмешка, от которой у него волосы встали дыбом. — И когда же он будет?

— Вроде, — Дэйк облизнул губы, — вроде бы в полдень.

— Прекрасно. Спасибо за хорошие новости, Дэйк. Ты меня порадовал.

Армастро судорожно кивнул и не оглядываясь направился к фургонам.

Дождавшись, пока его шаги сольются с дождем, Костоправ отвернулся.

— Значит, в полдень. — Бэн с улыбкой посмотрел на активатор, или, если быть более точным, магическую ось, символы которой отражались в его глазах. — Значит, мы ещё немного подождём.

12.

Кейн поплотнее запахнул плащ и поправил воротник. Громко чихнув, он высморкался и хмуро поглядел на не менее хмурые небеса. А он уже и забыл, насколько поганой может быть погода на Винтаде. Что ж, освежил память.

Брустер широко зевнул и по привычке хрустнул челюстью. Эту ночь он провёл в доме Кромбергов и почти всю ночь не смыкал глаз. Грех было не воспользоваться ситуацией и не провести её за книгами в библиотеке маира. Благо, Хельмут был совсем не против и даже, по его просьбе, подобрал несколько редких изданий по истории Винтады и, что было намного важнее, по событиям войны. Надо признать, библиотека у маира была впечатляющая — подобные книги на Акмее Велюса уже давно было не достать. Всё, что шло вразрез с Новой Историей было давно изъято и предано забвению. Так что, можно сказать, Кейну несказанно повезло и ему наконец улыбнулась удача, а удача не любит, когда ею пренебрегают.

Большую часть прочитанного он знал и так. По крайней мере, общеизвестные вещи: когда-то очень давно за морем Империей были обнаружены далёкие плодородные земли, доселе никому неизвестные и не заселённые. Вполне естественно, что столь лакомый кусочек решили побыстрее заселить, и за море потянулись корабли беженцев, безземельных, и прочих убогих, желавших начать жизнь с чистого листа и обрести на новой, второй земле

— Терре Секунде — то, чего они не имели в Старом Свете. А вместе с ними за море хлынули ренегаты, убийцы, еретики, безбожники и прочие отморозки, стремящиеся оказаться как можно дальше от деспотичной власти драконознаменной династии, вездесущей церкви Блюстителей и от костра инквизиции. Тут-то и появилось гордое название "Колонист" — свободный человек, живущий собственными справедливыми законами по эту сторону Моря. Не чета всем рабам, крепостным, подавленным, униженным и не имеющим голоса — жителям Империи, что по Ту Сторону Моря. Чтобы стать колонистом, достаточно было лишь переплыть Море и сбросить оковы рыцарско-церковных и феодальных угнетателей, фанатиков, инквизиторов — всех закостенелых и упивающихся властью имперских подонков. В колониях было не важно какой ты расы — люди, полукровки всех видов, дромы, ландрасты, гремлины, элтарцы и прочие — в колониях не было расовых предрассудков и каждый мог с гордостью назвать себя колонистом, имеющим те же права, что и остальные. Конечно, это всё было не сразу, а пришло со временем. Изначально колонии были под имперской протекцией. Хоть и номинально, но всё же существовало имперское правительство. Регулярно платились налоги, поставлялись товары, колонисты были военно-обязанными. Так по крайней мере было до Колониальной войны за независимость.

Вот тут-то и начиналось самое интересное.

Первоисток конфликта послужила гражданская война в Империи, вроде как вспыхнувшей на юге Старой Земли. Подробностей было не много, но факт остаётся фактом — император и верные ему люди проигрывали из-за отсутствия сильного флота, сопоставимого с флотом восставших торговых городов. Достойный флот был только у Северян и в Колониях — император выбрал колониальный. Благодаря этому мятежников удалось подавить. Вот только эта война для колоний сыграла очень важное значение.

Вернувшись домой, колонисты рассказали о царившем в империи беспределе, о зазнавшейся власти, о тирании и мракобесии среди храмовников. И этого оказалось достаточно для того, чтобы колонии провозгласили независимость, скрепив её печатями тридцати восьми крупнейших полисов. И у них всё получилось главным образом потому, что Империя около века восстанавливала свои силы после войны и просто-напросто позабыла о колониях. Зато потом, очнувшись, предъявила свои права на владение землями. Но, что удивительно, получила отказ от недавно слабой, развивающейся дочерней земли.

Кейн усмехнулся.

Хотя как сказать, отказ. На момент начала войны в 475-ом ему было шестнадцать и он уже год как служил в винтадской армии. На службе его заметили и перевели в особый корпус разведки, служившему непосредственно герцогу винтадскому. Так что это время Кейн уже помнил достаточно ясно, хотя при этих воспоминаниях его голову вновь стягивала тупая боль. Во всяком случае, он отчетливо запомнил бешенство своих начальников, когда основная часть колоний, до этого кричавшая о свободе и независимости от империи, готова была вылизать задницу каждому имперскому выродку, лишь бы не доводить дело до войны. Они были готовы прогнуться, но Винтада им не позволила. В те времена она доминировала в колониях и являлась главной военной силой, поэтому не составило большого труда поставить на место зажавшихся малодушных скотов. И с весны 475-го началась Колониальная Война за Независимость, которая длилась по осень 489-го, хотя официальной даты конца войны не было, как и, согласно политике Новой Истоии, не было и самой войны.

Дальше книги Кромберга ему мало чем помогли. В них в основном освещались какие-то

отдельные этапы войны, военачальники, поражения и победы, упоминались имена героев и прочее. От всего этого у Кейна аж плыло перед глазами и он пропускал целые куски текста. Будучи военным разведчиком он и сам мог многое рассказать. По крайней мере он так думал до недавнего времени. В реальности оказалось, что у него в памяти зияли огромные дыры, заглянув в которые Брустер едва не терял сознание от боли.

Очередной такой приступ случился с ним, когда он наткнулся на упоминание так называемого Рулофского Блица. Испытав ту же удушающую слабость, что и при поиске места своего рождения, Кейн схватился за эту боль и с жадностью начал вчитываться в текст, но, к его разочарованию, информации было с горсть свинцовых пуль. Как было написано, во время военной кампании на острове Рулоф, происходившей уже ближе к концу войны, флот имперцев попал в засаду, и в ходе кровопролитного сражения маги применили заклинание, пленившее противников, в результате чего рулофское вторжение было остановлено.

Бездна! Кейн готов был поклясться, что участвовал в этом сражении, но ничего о нём не помнил! Абсолютно ни-че-го!

Он тогда хотел сразу же обратиться к Кромбергу, вдруг тому было известно об этом побольше написанного, но раскаты грома напомнили ему, что сейчас глубокая ночь и с расспросами придётся подождать. А утром Кейн проспал и не застал маира — тот спозаранку ушел готовиться к празднованию.

Из размышлений его вырвало громкое конское ржание и, пошарив взглядом по загону, он увидел своего бывшего коня, который скакал вокруг какой-то кобылы со вполне понятными намерениями. Кейн усмехнулся — жеребчик явно попал в рай.

Он достал папиросы и закурил, с удовольствием вгоняя в лёгкие дым винтадского табака, которым с ним поделился Уолтен.

"В любом случае мне некуда торопиться, — подвёл итог своим размышлениям Кейн и сделал очередную затяжку. — Дождусь Уолтена со своей лошадьё и поеду к дому собраний. Посмотрю на стрельбу, потом пообщаюсь с маиром. Не думаю, что он мне расскажет что-нибудь новое, но кто его знает. Кто ещё может что-то знать по Рулофскому Блицу? Может, Джо? Вполне вероятно, он же был полевым хирургом. Кто ещё? Бэн?"

Кейн на мгновение замер с поднесённой ко рту папиросой, затем разразился отборной руганью.

Бездна! Он совсем забыл про Костоправа!

Остаётся надеяться, что этот придурок ничего не натворил и сейчас спокойно дрыхнет на полу местного трактира вусмерть пьяный. Для них всех было бы лучше, будь это действительно так! После того случая с лошадьёми Кейн ему больше не доверял.

— Надеюсь, вы не меня так костерите?

Кейн обернулся и увидел направляющегося к нему Уолтена, ведущего под уздцы красивого пепельно-серого коня.

— Да нет, тебя ещё не за что. — Кейн сделал последний затяг и, выбросив окуроч, направился навстречу коневоду. — Разве что за то, что ты заставил меня здесь мёрзнуть без малого час, не меньше.

— Привираете, и получаса не прошло. Вот, — он передал ему вожжи, — велюсский, мой лучший конь. Смирный, послушный, тренированный. Только вот цвет разве что к вашему мундиру не подходит.

— Поясничаем? — Кейн бросил насмешливый взгляд на улыбнувшегося коневода и,

погладив коня по морде, подошел к седлу и заглянул в седельные сумы. — Всё переложил?

— За это можете не волноваться, всё на месте. — Уолтен поднял руку с оттопыренными указательным и средним пальцами. — Пальцами ручаюсь.

— Верю, верю. — Охнув, Кейн забрался в седло. — Что ж, вроде неплохо. Слушай, Уолтен, я тут в попыхах совсем забыл про своего помощника. Того, с которым я был в цирюльне. Случаем не видел его?

— Да, мужики видали. — Уолт упёр руки в бока и сплюнул. — Промчался по городу на коне, словно ошпаренный. Благо, что никого на пришиб. Так и ускакал, больше не видали.

Так значит Костоправ уехал из города. Что ж, это даже лучше, одной головной болью будет меньше.

— Ну, и на том спасибо. Бывай! — Кейн уже было пришпорил коня, но остановился и обернулся. — А который час не подскажешь?

— Подскажу. — Уолтен вытащил из кармана маленькие часики и всмотрелся в циферблат. — Без двадцати полдень.

Кейн кивнул и, развернув коня, поскакал к центру города.

До полудня оставалось ещё двадцать минут, значит на праздник он не опоздает.

13.

Небольшой отряд вооруженных мушкетами и клинками всадников неспешно скакал по тропе через пролесок. Все старше тридцати, с обветренными лицами, тепло одеты в тулупы из овчины, поверх которых накинута пыльники, головы покрыты шляпами. Их окружала унылая картина: из-за долгого отсутствия солнечного света и постоянного холода деревья опустили свои нагие ветви, а ковёр уже начавшей гнить листвы плотно устилал землю. Осень среди лета — что может быть отвратительнее?

— Вот ржавчина! — один из мужчин, с опухшим лицом и мешками под глазами, печально посмотрел в сторону едва проглядывающего сейчас Дома Собраний. — Надеюсь, нам хоть немного винтажки оставят.

Возглавлявший отряд старик по имени Вартан неодобрительно покачал головой и слегка поджал губы с тронутыми сединой усами.

— Кларел, — пробасил он, — не будь у тебя твёрдой руки и меткого глаза, я бы, клянусь пальцами, никогда тебя в патрули не взял.

— А я чо, я ничо. Просто хочется горло промочить, праздник же всё-таки.

Остальные всадники хмыкнули. Каждый из них знал, что Кларел по прозвищу Счастличик был большим любителем выпить. И если бы не Вартан, взявший его в городскую охрану, у алкоголя появился бы новый раб. Счастличиком же его называли потому что он прошел всю войну без единого ранения — везунчик, что и говорить.

— Когда вернёмся, я лично прослежу, чтобы тебе налили полную чарку. А сейчас, будь добр, помолчи и гляди в оба.

— Да гляжу я, гляжу, — буркнул Кларел и, пришпорив коня, выехал вперёд и закрутил головой, осматривая открывшуюся им скалистую равнину. — Вот только всё равно везде тишь да гладь, хоть заглядишь.

Вместе с этим последним словом грудь Счастличика прошибла свинцовая пуля. Краем глаза Вартан успел заметить поднявшееся над камнями облачко дыма. Он стремительно сдёрнул мушкет и вскинул к плечу, действуя со сноровкой бывалого солдата, и практически

не целясь выстрелил — судя по раздавшемуся сдавленному крику, его пуля нашла свою цель. Через мгновение раздались хлопки ружей, закричали попавшие в засаду солдаты, испуганно заржали лошади.

— Меня подстрелили! — вопил Счастливчик, ошарашено смотря на расплзающееся по груди кровавое пятно и не веря собственным глазам. — Подстрелили! Меня, мать вашу, подстре...

Вошедшая в лицо пуля оборвала его на полуслове.

— Отступаем! — закричал Вартан, выхватывая из-за пояса пистоль. — В лес, все в лес!

Он натянул поводья и стал разворачиваться, но тут бок его лошади окрасился красным и она заржала от боли, встала на дыбы и стала заваливаться набок. Старик едва успел высвободить ногу из стремени и отпрыгнуть в сторону. От удара о землю потемнело в глазах и перехватило дыхание, а левую ступню словно пронзило раскалённой иглой. Всё вокруг заволкло пороховым дымом, в нос лез приторный запах крови, повсюду слышались крики. Едва придя в себя, Вартан перевернулся на живот и отполз в кусты, волоча за собой ногу. Добравшись до деревьев, он скрылся за ними и, тяжело привалившись к потрескавшемуся стволу, перевёл дыхание. Первым делом проверил пистоль, который ему чудом удалось не выпустить из пальцев. В остальном всё было в порядке, если не считать лодыжки, которую он в лучшем случае вывихнул. Но это не важно — главное сейчас подать сигнал своим. Его рука метнулась к поясу и ухватила пустоту. Вартан глухо зарычал и выругался.

Рог!

Видимо, он потерял его, когда упал с лошади или полз сюда.

Старик в отчаянии сжал кулаки. Шанс на то, что кто-то услышит хлопки выстрелов, практически нет. Да и вряд ли те, кто сидел в засаде, стали бы стрелять, будь хоть одна возможность быть услышанными. Что ж, надо смотреть правде в лицо — он старик и без лошади далеко не убежит. Особенно — Вартан опустил взгляд на ногу — с вывихнутой ступнёй. Значит, остаётся только рискнуть и попытаться добраться до рога — услышав его, остальные патрули немедленно предупредят маира.

До него донеслись приближающиеся крики и слышались редкие хлопки мушкетов. Нужно спешить, пока ещё есть время.

Вартан, подавив стон, ползком стал пробираться обратно, напряженно высматривая выпавший рог. Несколько раз ему приходилось замирать, вжимаясь в землю, когда рядом раздавались шаги. В эти мгновения холодный пот заливал старику глаза, он переставал дышать, а стук собственного сердца казался ему грохотом барабанов. Пока что опасность обходила его стороной и он медленно продвигался дальше. Но вскоре кусты кончились и ему открылось место недавней бойни.

Повсюду лежали тела стрелков, среди которых деловито сновали налётчики, добывая ножами как выживших, так и мёртвых — на всякий случай. Вартан насчитал по меньшей мере с десятков бандитов. Но самым главным было то, что он нашел рог — тот лежал буквально в нескольких шагах, рядом с его павшей лошадью. Проблема заключалась в том, что в её седельных сумках рылся один из налётчиков — горбоносый, заросший щетиной ублюдок. Вартану нужно было только добежать до него, схватить рог и дунуть что есть силы. За свою участь он уже не беспокоился — его жизнь на жизнь жителей Винтры — неплохой размен.

В этот момент горбоносый заметил рог и потянулся к нему.

Вартан размышлял долю секунды. Вскочив так быстро, как только мог, сделал

несколько прыжков на здоровой ноге и, вытянув руку с пистолем, спустил курок. Выстрел угодил между глазами убийцы и тот камнем рухнул на землю. Вартан упал следом за ним, схватил рог и молниеносно поднёс его к губам. Глубокий вдох, и...

И рог разваливается на части в его руках, сломанный угодившей в него пулей. Один из осколков разрезает старику щеку, рот заполняется кровью. Застонав в бессильной ярости, Вартан поворачивает голову и видит бездонное дуло мушкета, смотрящее ему в лицо. Пересилив слабость, он сплюнул кровавым сгустком и прорычал:

— Катись в безд..

Грянул выстрел.

14.

Бэн продолжал сидеть на камне. За всё это время он даже не пошевелился. Просто сидел, уставившись в никуда затуманенным, ничего не выражающим взглядом.

После вчерашнего Дэйк всё ещё опасался подходить к нему, но паника уже прошла и теперь он смотрел на массивную фигуру Уилторса и задавался вопросом — почему он так его испугался? Нет, этот тип определенно был безумцем, но само по себе это не могло его напугать. Тут было что-то другое. От этого парня буквально так и веет жутью! Вернее, веяло. Все страхи уходят с рассветом. Пусть даже с таким, когда ни единый луч солнца не пробивается сквозь тучи.

Дэйк передёрнул плечами. Скорее всего он вчера хорошо струхнул, вот ему и привиделось чёрте-что. Так-то ведь всё прошло гладко, если не учитывать старика. Но за ним же в итоге не гнались. Да и бомбу, по всей видимости, ещё не обнаружили. Так что беспокоится пока не о чем.

В любом случае, конец уже не за горами.

Вытирая руки грязной тряпкой, Армастро подошел к Бэну и встал рядом с ним. Рассматривая лежащий под их ногами город, слегка поддёрнутый туманом, он невольно залюбовался им. Всё-таки там прошло его детство, это был его дом. И он вновь станет им, когда маир отправится к праотцам.

— Всё готово. — Дэйк посмотрел на Бэна. — Мы закончили. Все патрули устранены. Никто не успел поднять тревогу.

— Хорошо, — произнес Бэн, не поворачивая головы. — А что с отрядами Эгиды?

— На подходе, как ты и обещал.

Костоправ кивнул в ответ и Дэйк вновь посмотрел в сторону города.

— Когда?

— Скоро, — на лице Бэна появилась улыбка. — Уже очень скоро.

Хельмут Кромберг положил руки на трибуну и обвёл взглядом присутствующих.

Зал был уже почти полон и он, то и дело натываясь на приветливый взгляд, кивок или взмах руки, с улыбкой кивал в ответ. Вот только улыбаться совсем не хотелось и поэтому улыбка у него выходила натянутой и неестественной. Казалось бы, всё идёт хорошо, отчего же не радоваться? Впервые за очень долгое время они справляют День Дувтси Тнилка и жители города веселы и взбудоражены, с нетерпением ожидая начала. Старые времена и традиции возвращаются и всё постепенно налаживается, так ему сегодня сказала Альма, крепко обняв и поцеловав напоследок. Может быть, она и права, вот только — Хельмут

вновь осмотрел зал — вот только практически все здесь старше тридцати, молодых лиц почти нет.

Он отвернулся и устало помассировал переносицу. По результатам последней переписи в городе проживает три тысячи сто двадцать девять человек и горькая правда в том, что большая часть из них это старики, доживающие свой век, или люди старше сорока. В Винтре почти не осталось молодых — они либо умерли на войне, либо покинули город в поисках лучшей доли. И их не в чем винить — весь мир скатывается на дно и в нём нет места молодым. Этот мир теперь принадлежит старикам.

Маир глубоко вздохнул. И чтобы старики могли жить в мире и покое, приходится идти на уловки: подтасовывать результаты переписи, вписывая в списки давно умерших, идти против традиции и заполнять пустующий зал молодыми, которым ещё не положено восседать с достойными стрелками, и в конце концов приходится просить большинство стариков сидеть сегодня по домам, пропуская большую часть торжества, чтобы они не бросались в глаза и можно было поддержать иллюзию баланса между молодыми и старыми. Хельмут успокаивал себя тем, что это всё было необходимо для того, чтобы город продолжал жить. Вокруг полно стервятников, подобных Аэгис Материум, жаждущих наложить лапы на Винтру. Но пока он жив, они её не получают.

— Эй, Хельм, — кто-то положил ему руку на плечо, — как у нас тут дела?

Он обернулся и увидел Джо, одетого в синий безрукавный жакет поверх белой сорочки, обвязанной галстуком с закреплённой на нём брошью.

— Чтоб мне век в цель не попасть, Джо! — Хельмут искренне рассмеялся. — Что за старье ты на себя нацепил? Я эту брошь не видел с тех пор, как тебе перевалило за двадцать и ты приударивал за Лори Штайл! Ещё и очки для важности нацепил!

— Но-но, это моя любимая брошь. Она приносит мне удачу. — Джо с важным видом поправил галстук, но потом и его губы растянулись в улыбке. — И давай потише про Лори Штайн, ещё не мешало, чтобы Марго услышала — я же в то время ухаживал за ними обеими.

— Да уж, старый прохвост, по молодости личико у тебя было смазливое, с этим не поспоришь. — Хельмут почувствовал, что его настроение улучшилось и он с благодарностью посмотрел на Джо. Взяв его руку крепко сжал её. — Спасибо тебе старина. Уж не знаю, что бы я без тебя делал.

— Да нет проблем, Хельм. — Джо вновь поправил брошку. Значит, не зря он её сегодня нацепил. — Кстати, писаки уже здесь. Бродят во дворе, общаются. Ребятки в полном восторге.

Маир понимающе хмыкнул.

— Ну и прекрасно. Главное, чтобы они этот восторг правильно у себя в Акмее подали. А как там Сэлл?

— Как всегда. — Джо пожал плечами. — Если глаз да мушкет не подведёт, то нас ждёт отменное зрелище.

— Кстати о мушкете. Ты не видел Арно? Я удивлен тому, что он по своему обыкновению не отчитывается передо мной по сделанной работе.

— Может, забыл? Дора уже давно мне жалуется на его память.

— Возможно. — Хельмут нахмурился. — Он даже забыл запереть парадный вход. Знаешь, я думаю пора ему прямо сказать, чтобы обучал себе смену. Как думаешь?

— Ну не знаю. — Джо с сомнением покачал головой. — Переживёт ли он это? Ты же знаешь, как старик обожает свою работу.

— Знаю, — Хельмут усмехнулся и кивнул в сторону постамента с мушкетом. — Пойдём.

Они подошли к ящику и стали разглядывать лежащее в нём ружьё. Хельмут огляделся и, убедившись что оружейника нет поблизости, заговорил:

— Я начал переговоры с Арта-Игни по поводу приобретения нового мушкета, а вот этого красавца думаю вручить Арнхольду за верную службу.

Хмыкнув, Джо снял очки и стал протирать их краем жилетки.

— Я думаю, он будет в восторге. Получить мушкет Дувтси Тнилка из рук самого маира. Об этом можно только мечтать. — Джо надел очки и, наклонившись, вновь осмотрел мушкет. Усмехнувшись, он спросил: — А ты ему его с пороховницей дарить будешь, или как? Потому что старина Арно по-видимому прознал про твой замысел и уже утащил её в свою нору.

— Ты это о чём? — Хельмут нахмурился и, присмотревшись, обнаружил отсутствие пороховницы. — Вот те на! Пулю мне в ногу, он забыл положить пороховницу! Нет, ему определенно пора на покой. Пошлешь за ним?

— Пошлю. — Выпрямившись, Джо скривился от раздавшегося хруста. — Вот только сначала в оружейную загляну, он вполне мог её там забыть.

— Хорошо, — маир кивнул. — Только поторопись, нам скоро начинать.

— Бэн. — Дэйк, сложив на груди руки, стоял рядом с Уилторсом и нервно переминался с ноги на ногу. — Уже почти двенадцать. Не пора ли начинать?

Костоправ очень медленно покачал головой.

— Нет. Ещё рано. — Он с нежностью посмотрел на активатор в своей руке. — Всё в своё время. Не волнуйся, ждать осталось недолго.

— Сколько?

Бэн слегка повернул голову и с жуткой улыбкой посмотрел на Армастро.

— Они сами нам сообщат, когда будут готовы отправиться к Теламару.

Джо снял со стены лампу и в её тусклом свете стал спускаться вниз. Насвистывая себе под нос, он лениво думал о том, что для города совсем не плохо чуток развеяться и попить винтажки. Всё-таки этот год выдался не из лёгких — с этими тёмными днями урожай совсем никудышный, и если солнце не появится в ближайшее время, всё будет совсем плохо. С топливом тоже придётся поднапрячься, зима обещает быть суровой. Хотя другой теперь и не бывает.

Лестница закончилась и Джо, высоко подняв над головой фонарь, подошел к оружейной и в недоумении остановился.

Дверь была открыта.

"Видимо, Арно забыл запереть, — с сомнением подумал Джо и вспомнил слова Хельмута. — Хотя забыть закрыть парадный вход это одно, но дверь в оружейную? Ещё и про пороховницу забыть... Странно."

Он открыл дверь и осторожно вошел внутрь. Напряженно всматриваясь в царивший в оружейной сумрак, Джо переложил лампу в правую руку, а в левую, после короткого колебания, решил взять кортик. Если война и научила его чему-нибудь полезному, то это тому, что лучше один раз перестраховаться, чем потом лишится метра собственных кишок.

Выставив клинок перед собой и подслеповато сощурившись, он медленно стал

продвигаться вглубь склада, то и дело замирая и прислушиваясь. На первый взгляд не было ничего необычного и он уже собирался списать свою подозрительность на разыгравшуюся паранойю, как вдруг свет лампы высветил бурое пятно, расплзшееся по доскам. Это вполне могло быть масло, вот только учитывая сегодняшние странности, в это Джо верилось с трудом. Встав за бочки он вытер о штанину вспотевшую ладонь и поудобнее перехватил кортик, после чего закрыл глаза и попытался унять бешеное биение собственного сердца.

Бездна! Как же он стар для всего этого!

Наконец решившись, сосчитал про себя до пяти и рванул за угол. Поначалу он ничего не увидел, кроме рабочего стола, но потом заметил распростёртое на полу тело, из головы которого торчала рукоять кинжала, а посиневшая рука сжимала пороховницу сделанную из белой кости. Не помня себя Джо подбежал к нему и, отшвырнув в сторону клинок, осторожно перевернул на спину.

— О, Арнхольд. — На него смотрели безжизненные глаза старого оружейника, которого он знал с самого детства. — Кто мог такое сделать с тобой?

Джо закрыл глаза умершего и положил ладонь ему на грудь. И тут боковым зрением он заметил какое-то свечение. Подняв голову, увидел стоящий под столом ящик, крышка от которого валялась неподалёку, а из него самого лился тусклый зелёный свет. Внутри у Джо всё похолодело. Стараясь не задеть тело, схватился за края ящика и с натугой выдвинул его из-под стола. Заглянув внутрь, он почувствовал как волосы на голове встают дыбом, а по телу пробегают мурашки.

На словно бы затуманенном стекле лежащего в ящике устройства горели непонятные символы, а дно ящика заполняло жуткое зелёное сияние. Он уже видел подобные штуки. Такие стали использовать в начале войны, они не всегда срабатывали как нужно, потому что были первыми прототипами, и ему потом приходилось сшивать разорванные куски тел в попытках спасти хоть что-то.

Перед ним лежал волшебный коллапсер арканита, в этом он не сомневался.

На складе доверху наполненном бочками с порохом, а в самом здании находилось более ста человек.

Джо в отчаянии поднял взгляд к потолку.

Надо всех предупредить! Ещё есть время вывести всех наружу!

Вскочив на ноги Джо бросился наверх, впервые в своей жизни моля небеса о том, чтобы не опоздать.

На площади перед Домом Собраний собрался чуть ли ни весь город, поэтому Кейн решил привязать лошадь неподалеку и пройтись пешком. Плащ он снял, затолкав его в седельную суму — всё-таки его пригласили как командора Эгиды, поэтому нет причин прятать мундир. С интересом он всматривался в окружающие его лица, в основном взбудораженных молодых людей. Юноши и девушки собирались стайками и возбужденно обсуждали предстоящее торжество, а дети помладше забирались на ящики, крыши и столбы, чтобы, не приведи свинец, не пропустить что-нибудь интересное.

Кейн усмехнулся. Когда он был пацаном, то с друзьями вёл себя точно также. Носился по деревне, представляя себя самым метким стрелком, которому нет равных, и мечтал, чтобы побыстрее исполнилось пятнадцать и можно было вступить в винтадскую армию, а в шестнадцать претендовать на собственные земли. А самые лучшие из юных стрелков допускались в Зал Собраний, где вместе с другими достойными мужчинами и девами могли,

стоя у стены, присутствовать на церемонии, а не толпится перед Домом как остальные.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Кейн так резко остановился, что кто-то даже врезался в него, но он не обратил внимание на раздавшуюся ругань. Как так может быть, что он помнит такие детали, но не мог вспомнить даже названия собственной деревни? С его памятью явно происходило что-то неладное, и чем быстрее он разберётся что же с ним происходит, тем лучше.

— Не ожидала вас здесь увидеть, мэссэр Брустер, — раздался за его спиной женский голос.

Он обернулся и увидел Сэллиону Макфрай. Она была одета в белую мужскую сорочку, явно для неё большую, и в плотно облегающие стройные ноги штаны с высоким поясом, а волосы она собрала в хвост. Кейн отметил, что мужской наряд ей очень идёт. Почувствовав, как его губы растягиваются в улыбке, он почтительно коснулся краёв шляпы.

— Мэсса Макфрай, рад вас видеть. Вы прекрасно выглядите.

— Кажется я просила вас называть меня просто Сэлл, — нахмурившись ответила она, но тут же черты её лица разгладились и на нём появилась улыбка. — Но за приятные слова спасибо. Пришли посмотреть на праздник?

— И да, и нет. Меня пригласил маир как представителя Аэгис Материум. Без его приглашения я бы, вероятно, не отважился здесь присутствовать. Хотя, как я уже говорил вашему маиру, я уже и не помню, когда в последний раз видел День Тнилка.

— Видели? — Заинтересованно спросила Сэлл. — Так вы винтадец?

— Да, — кивнул Кейн, — я родом с большой Милады. Это деревня у излучины...

— Реки верхняя Мирона. Да, я знаю. — Видя его удивлённый взгляд, она пояснила: — Моя бабушка по матери оттуда родом.

— Вот оно как, — протянул Кейн. — Ну, тогда у нас с вами больше общего, чем кажется на первый взгляд.

— Не могу с вами не согласиться, мэссэр Брустер.

— Кейн. Для вас просто Кейн.

С улыбкой Сэлл поправила волосы.

— Кстати, мы не опоздаем? Если я не ошибаюсь, то уже скоро начало, а вы всё ещё не в зале. — Слегка поколебавшись, он всё-таки предложил: — Я был бы счастлив проводить вас. Если вы не против, конечно.

— Нет, не против

Поравнявшись, они медленно направились к Дому Собраний.

Дэйк нервно ходил взад и вперёд, от одного края обрыва до другого. Бросая на спину Бэна злобные взгляды, он едва сдерживался, чтобы не закричать: "Какого демона ты ждёшь?! Взрывавай!".

Он не понимал, как Уилторс может быть таким спокойным. Ведь в любой момент кому-то может приспичить спуститься в оружейную и тогда найдут тело и, без сомнения, отыщут и бомбу. Но Бэн не знал о трупе старика. Возможно, если бы Армастро рассказал ему, то он бы не стал ждать неизвестно чего и давно уже активировал заряд.

Дэйк остановился и принялся грызть ногти. Он не мог рассказать, потому что боялся. Он не знал, как Бэн отреагирует, а ведь этот псих может запросто его убить. Нет, лучше ничего не говорить. Хотя с другой стороны неизвестно, как он воспримет то, что бомба не взорвалась. Бездна! Куда ни плюнь везде болото.

И тут со стороны города до них донёлся приглушенный расстоянием грохот, от которого Дэйк вздрогнул.

— Что это было?

— Это они говорят нам, что готовы умереть, Дэйк, — с жуткой ухмылкой на лице ответил Уилторс.

Поднявшись на ноги Бэн подошел к самому краю обрыва. Он стоял, вытянув руку с активатором, с развевающимся за спиной плащом и широкой улыбкой на лице. С глазами, полными безумной радости, он с наслаждением произнёс:

— Сдохните, колониальные твари! Элдор Бэнталиор Уилторс желает вам приятной дороги напрямиком в вашу разлюбимую бездну!

Костоправ сломал магическую ось, тем самым активировав коллапсер.

Над центральной площадью пронёсся грохот выстрела из пушки, возвещая о начале Дня Тнилка. Всё погрузилось в абсолютную тишину, которая через мгновение взорвалась ликующими криками толпы.

Хельмут в задумчивости извлёк из кармана часы и сверился с ними.

Всё правильно. Ровно двенадцать. Пора начинать.

Он окинул взглядом кресла по обе стороны от трибун — не было только Джо, остальные члены городского совета были на месте. Обернувшись, он удовлетворённо отметил, что зал был полон до предела — не пустовала ни одна скамья, а вдоль стен стояли юноши и девушки, которым было позволено находиться здесь. Посмотрев в сторону главного входа, он увидел Сэлл и Кейна Брустера, в приветствии вскинувшего руку. Хельмут широко улыбнулся и кивнул в ответ.

Тут дверь слева от трибун резко распахнулась и хлопок с силой ударившейся об стену створки эхом разнёсся по притихшим рядам. В зал вбежал Джо с перекошенным от ужаса лицом, взглянув в которое Кромберг мгновенно понял, что что-то пошло не так. Он повернулся к залу и глубоко вдохнул, готовясь выкрикнуть приказ немедленно покинуть здание.

Взгляды Хельмута и Кейна на мгновение пересеклись и в мозгу Брустера что-то щёлкнуло. Резко развернувшись, Кейн схватил Сэлл и потащил её прочь из зала.

И в этот момент бомба взорвалась.

Дом Собраний позади них содрогнулся и горячий воздух ударил им в спины, оторвав от земли. Маир что-то закричал, но его крик потонул в разразившемся грохоте.

Мир перевернулся перед глазами и хлынувшая со всех сторон чернота заволочла сознание Кейна Брустера.

Бэн несколько секунд разглядывал распустившийся огненный цветок далеко внизу, после чего выбросил ставший ненужным активатор и обернулся к Дэйку.

— Пришло время второго этапа.

15.

Кейну с трудом удалось открыть глаза.

В голове стоял только противный, не унимающийся звон, через который не могли пробиться другие звуки. Его грудную клетку сдавило. Было сложно дышать, словно тысячи

игл впились в лёгкие. Перед глазами всё плыло и Кейн едва осознавал что происходит. Нить воспоминаний разорвалась на отдельные лоскуты: жар огня и густой дым повсюду; мужчина, беззвучно открывающий рот в застывшей попытке вытащить из под каменного обломка изувеченную руку; обезумевший конь, обёрнутый пылающим флагом Винтады, растоптавший копытом голову ребенка; бегущие куда-то люди...

Кейн не знал, сколько времени он так пролежал, непонимающе вращая глазами среди царящего хаоса. Время потеряло для него всякий смысл.

Он ощутил, как по щеке и шее растекается что-то тёплое. Он не чувствовал правую руку, но мог ею шевелить. Проведя ей по щеке, он тупо уставился на свою окровавленную ладонь.

"Это из моего уха, — вдруг неожиданно ясно и чётко подумал Кейн. — Кровь течёт из моих ушей. Вот бездна. Я оглох."

Желудок скрутило и остатки завтрака покинули его тело. Проблевавшись, Кейн попытался встать, но стоило ему пошевелить ногами, как правое бедро пронзила резкая боль, от которой он закричал. Но эта боль помогла ему немного придти в себя — если что-то болит, значит это что-то у тебя всё ещё есть.

Перевернувшись на живот он заставил себя ползти. Загребая непослушными руками горячую землю, перемешанную с пеплом, и волоча за собой ноги, Кейн прополз несколько ярдов и остановился у перевёрнутой телеги. Слух стал медленно возвращаться к нему и теперь он различал крики и стоны, окружавшие его. Кейн схватился за телегу и только сейчас обнаружил, что ему оторвало мизинец на левой руке — обрубок был сплошь в запёкшейся крови и грязи. Видимо, горячий пепел прижег рану.

Опираясь на здоровую ногу, ему наконец удалось подняться. Привалившись к телеге и прижав к груди левую руку, Брустер осмотрелся — он словно попал в ад, который так любили расписывать имперские храмовники: везде лежали изуродованные тела жителей города, повсюду раздавались крики раненых, которым выжившие пытались помочь выбраться из-под завалов и перебраться в безопасное место. Слепящий дым заволок площадь, всё пылало, пахло горячей плотью. Дом Собраний исчез. Вместо него стояли обугленные руины и всё вокруг было усеяно обломками. Часть внешних стен провалились вовнутрь, в образовавшуюся от взрыва воронку, похоронив под собой находящиеся внутри. Кейну стало жутко от мысли о том, что кто-то ещё может быть жив под этой грудой камней.

И тут он увидел Сэлл.

Она лежала недалеко от того места, где он пришел в сознание. Переборцов слабость, Кейн захромал к ней. Опустившись рядом, он потряс её за плечо.

— Сэлл? Как ты, Сэлл? — захрипел Брустер. — Ты меня слышишь? Поднимайся, нам надо убираться отсюда.

Кейн осторожно перевернул женщину на спину и некоторое время просто тупо разглядывал её лицо, не в силах отвести взгляд — правый глаз Сэлл был широко открыт и смотрел на него, а из левого торчала деревянная щепка. Он рассеянно взял её руку в свои и тут увидел ногти — они были сломаны, а пальцы разодраны до крови. Видимо, она умерла не сразу и пыталась ползти.

Кейн закрыл глаза и крепко выругался.

Да что вообще происходит? Кому пришло в голову устроить взрыв во время праздника? Мальфиту? Но откуда ему стало известно о Дне Тнилка, если даже сам Кейн узнал обо всём только вчера?

"Но если это не Мальфит, тогда кто? Банды маргиналов? Или кто-то, у кого тоже

имеется зуб на Винтру?" — успел он подумать перед тем, как один из домов рядом с площадью взорвался. Кейн упал навзничь и закрыл голову руками.

В любом случае времени на раздумья не оставалось, надо было убираться отсюда. И как можно скорее. Ведь как только жители Винтры немного придут в себя, то обязательно обратят внимание на командора Эгиды, так "удачно" оставшегося в живых. Толпа сначала бьёт, а уже потом разбирается.

"Лошадь, — вспомнил он. — Где я привязал свою лошадь? Вспоминай! Вроде бы это было за площадью, так что если эта животина не сдохла от страха, то я смогу быстро покинуть город".

Нога уже болела не так сильно и он смог довольно быстро подняться. С трудом сориентировавшись, он заковылял к южной стороне площади, откуда предположительно приехал. Огибая завалы и перешагивая через тела, Кейн наконец добрался до того места, где оставил лошадь и с облегчением вздохнул.

Конь был на месте. Испуганно крутил ушами и фыркал, но стоял. Отвязав его, Кейн, скрепя зубами от боли, смог забраться в седло. Запрокинув голову к небесам, яростно глотал воздух, пытаясь отдышаться. Развернув коня, Кейн хрипло вскричал "Нно, пшел!" и что есть мочи помчался по городским улицам. Никто не пытался преградить ему дорогу, никто даже не обратил на него должного внимания — все, кого не было на площади, сейчас сбегались к ней, чтобы узнать что произошло и помочь выжившим.

Кейн добрался до входа в город и остановился рядом с въездной аркой. Его глаза широко раскрылись от увиденного — на равнине перед Винтрой растянулись ровные ряды конных и пеших отрядов, готовых в любой момент ринуться, подобно зверю, на истекающего кровью противника. Кейн не видел никаких опознавательных знаков, по которым можно было узнать, к кому относятся стоящие перед ним солдаты. Но он догадывался, кто это. Скрипнув зубами, он пришпорил коня и поскакал прямо к ним.

Ярдов за десять ему велели остановиться — вскинутые мушкетеры ясно говорили о том, что ожидает в случае неподчинения.

— Кто ваш командующий? — крикнул Кейн, скривившись от боли в груди. — Я хочу поговорить с ним!

— А, рядовой Кейн! — ряды солдат раздвинулись, пропуская вперёд улыбающегося лейтенанта Фальфарда. — Я вижу, тебя знатно потрепало. Но я рад, что ты остался в живых.

— Так это устроили вы, — зарычал Брустер, подведя коня вплотную к Сиплону. — Вы взорвали Дом Собраний! Стоило догадаться. Значит, наша миссия была пустышкой, да? Гильдия изначально не планировала договариваться с Винтрой, а мы здесь находились только для отвода глаз, ведь верно? Отвечайте!

— Соблюдай субординацию, рядовой. — Фальфард остался невозмутим. — Всё-таки ты разговариваешь со старшим по званию. Но на сей раз спишем это на пережитый шок. Что же касается нашего присутствия — нам поступила информация о готовящемся нападении на город, запланированном на День Тнилка. А в связи с непростыми отношениями Эгиды и Винтры, руководство приняло решение отправить армию для оказания военной поддержки. Но, — Сиплый посмотрел за его спину в сторону клубящегося над городом дыма, — видимо мы опоздали.

— Нападение? Поддержка? — мысли Кейна заметались. — Кто же тогда виновник произошедшего? Откуда информация? У вас есть подтверждение сказанному?

Сиплый поднял бровь.

— Брустер, ты требуешь с меня отчета, словно с собственного помощника. Но ладно, так уж и быть — позовите Уилторса и Армастро!

Из рядов пехоты выступили Бэн и парень с бледным лицом. Костоправ шел, положив руку на топорнице и не отрывая внимательного взгляда от Брустера. Дэйк же явно нервничал и время от времени начинал грызть ногти.

Лейтенант указал на них.

— Дэйк Армастро, изгнанный из Винтры. Он связался с Уилторсом и сообщил с готовящемся отпадении группой подобных ему изгоев. К сожалению, он не знал подробностей нападения. Поэтому я требую доклада, Брустер — что произошло в Винтре?

Словно не слыша его Кейн продолжал рассматривать Костоправа и бледного паренька. Выходит, Бэну удалось узнать об атаке, но он не вернулся к нему, а поспешил сразу всё доложить начальству. А ведь если бы он сообщил об этом лично Кейну, то катастрофы, возможно, удалось бы избежать. Проклятье...

— Я жду, рядовой.

— Был взорван Дом Собраний, — не поворачивая головы, сухо ответил Кейн. — Весь городской совет, включая маира и почётных граждан, погиб.

Фальфард покосился на Уилторса и Дэйка.

— Кхм... Ну что ж, это, вне всякого сомнения, страшная потеря для города. Ситуация принимает неожиданный оборот. А что с журналистами? — неожиданно поинтересовался лейтенант.

— Журналистами? — глаза Кейна распахнулись и он посмотрел на Сиплого.

— Ну да. С теми, что прибыли вчера из Акмеи. Вы видели их? — Фальфард, слегка прищурившись, наблюдал за ним.

Кейн с силой сжал поводья, не обращая внимания на то, что из оторванного мизинца вновь пошла кровь.

— Да. Я их видел.

— Они погибли вместе с остальными?

Кейн слегка помедлил с ответом.

— Не знаю. Возможно.

Сиплый кивнул и повернулся к своим офицерам.

— Гурно, Лалли, Айлос! — раздалась зычные команды. — Окружите город, чтоб ни одна мышь не проскользнула! Остальным готовится к атаке на Винтру!

— Что?! Вы с ума сошли! — вскричал Кейн, едва сдерживаясь, чтобы не пустить своего коня прямо на Сиплого. — Вы же сказали, что вы здесь для поддержки?!

— Всё верно, — подтвердил Фальфард, пожав плечами. — Но, как я уже говорил, ситуация изменилась. Из-за наших сложных взаимоотношений с Винтрой жители города наверняка обвинят в произошедшем гильдию. И, разумеется, предоставят эту заведомо ложную информацию газетчикам. Мы не можем так рисковать репутацией гильдии, поэтому я не позволю этим ищейкам от правозащитных газетенок покинуть город. Ты, Брустер, видел их в лицо, поэтому когда мы выложим все трупы штабелем, ты их опознаешь. Так что спешься и иди в тыл.

Воздух со свистом вырывался из груди Кейна. Его взгляд заметался между начавшими движение солдатами, мысли лезли одна на другую и он лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации.

Ничего не понимая Дэйк застыл столбом и смотрел на лейтенанта — атака на Винтру?

Всеобщая зачистка? А как же их договор? Как же его маирство? Если всех перебьют, кем ему управлять? Армастро был полностью растерян и пребывал в глубоком смятении. Костоправ же лишь криво усмехался — он и не помнил, когда в последний раз так веселился! Он был полностью доволен приказом Фальфарда — гоняться за пытающимися спастись горожанами, не щадя никого — что может быть лучше? Покарай его Ренир, это ведь так упоительно — безнаказанно убивать колониальных вырожденков! Да ещё и хваленых винтадских стрелков! Всё вышло даже лучше, чем он планировал в начале.

— Стойте! — Брустер хлестанул коня и бросился наперерез лейтенанту. Нависнув над ним, он торопливо заговорил: — Нет нужды атаковать целый город ради устранения нескольких человек. Дайте мне немного времени, я найду писак и лично приведу их прямо к вам. Что скажете?

Фальфард с интересом посмотрел на него и в задумчивости побарабанил пальцами по бедру.

— Ну хорошо. Даю тебе час. Возьмёшь с собой Уилторса, коли уж он твой помощник, и Ванариса. — Услышав своё имя, сгорбленный бородатый солдат с нашивками капрала кивнул и отправился седлать лошадь. Сиплый продолжил: — Армастро, ты ведь хорошо ориентируешься в Винтре?

Дэйк вздрогнул и пролепетал:

— Не то чтобы очень...

— Отлично. Отправишься с ними. — Фальфард повернулся к Брустеру и, скептически его оглядев, распорядился: — Выдайте ему пистолы.

Кейн принял от подбежавшего солдата два пистолета и затолкал их за пояс.

— И ещё, Брустер, — Сиплый подошел к нему, — писаки не нужны мне живыми. Будет достаточно, если ты привезёшь их головы, документы, и всё оборудование. Это ясно?

Кейн молча кивнул.

— Хорошо. — Лейтенант сделал шаг назад и поднял вверх указательный палец. — Один час. Время пошло.

Отряд во главе с Кейном сорвался с места и, поднимая клубы пыли, умчался в сторону города. К смотрящему им вслед Фальфарду подошел командор первой бригады Айлос.

— Мэссэр, какие будут указания?

Сиплый дёрнул щекой.

— А ты их разве не расслышал? Окружить город.

Командор отдал честь и уже собирался уходить, но Фальфард его остановил.

— Ах да, чуть не забыл. — Сиплый слегка повернул голову. — Пошлите распоряжение под моим именем Джадсу в Веноваль, пусть поставит каждый корабль в порту на якорь и следит в оба. Бегуны нам не нужны.

16.

Преодолев половину пути до города, Кейн резко натянул поводья, останавливая лошадь.

— Что дальше? — поинтересовался подъехавший Бэн.

"Что дальше?" — хороший вопрос. Как ему найти трёх человек в царившем в Винтре хаосе? И если уж на то пошло, как им обыскать город в пять тысяч человек за один час? К тому же нельзя исключать возможные преграды — смотровые уже наверняка заметили окружающих город солдат и готовятся дать отпор. Да, маира, совета, и лучших стрелков нет,

но это не значит, что жители не будут защищать родной дом. Поэтому вряд ли стоит рассчитывать на то, что они в такой ситуации близко подпустят синюшника — разве что на расстояние выстрела. Бездна! Где же ему искать этих писак?! Если он не убьёт их, то Винтру сотрут с лица земли вместе со всеми жителями. Думай, Брустер, думай.

Крепко зажмурившись и резко распахнув глаза он уставился на уши своего коня. И тут его осенило. Точно! Лошади! Что он сам сделал, едва очнувшись после взрыва? Пошел искать свою лошадь, чтобы выбраться из города! Будь он на месте журналистов и имея на руках такой материал, он бы постарался как можно скорее покинуть Винтру. Значит, им нужны будут лошади. Кейн повернулся в сторону гор, напряженно вспоминая карту долины, которую он видел у маира. Конюшни Уолтена как раз располагаются за городом, и от них можно будет без труда добраться до горного перевала, ведущего напрямик на тракт до Веноваля.

Не тратя больше времени, Кейн пришпорил коня и поскакал к скалам. Остальные ринулись за ним. Спустя несколько минут бешеной скачки вдали показались конюшни Уолтена, в загонах которых испуганно носились животные. Взлетев на расположенный рядом холм, они остановились.

— Куда теперь? — спросил Дэйк, осматриваясь.

Не обращая на него внимания Кейн достал подозрную трубу и внимательно оглядел окрестности. Он уже начал нервничать, когда наконец увидел группу людей, стоящих неподалёку от загона: три верховых, плюс одна лошадь с пустым седлом и ещё шестеро человек рядом. Кейн засомневался было, журналисты ли это, но тут среди них промелькнули белые волосы.

"Извините, — Кейн сложил трубу с лёгким щелчком и спрятал в карман плаща, — но я не могу позволить себе хоть кого-то оставить в живых. Особенно вас".

— Они там, у загона. — Он вытащил из седельного чехла мушкет и принялся быстро его заряжать. Стрелять из него с лошади будет сложно, но он не мог тратить заряды пистолей — они ему ещё пригодятся. — Четыре всадника, которые поскачут во весь опор, стоит только им нас завидеть, и пятеро пеших, которые будут прикрывать их отход. Поскачем напрямик, рассеянным строем, не забывая при этом вилять. Так им будет сложнее по нам попасть. Кто прорвётся, преследует писак, не оглядываясь на остальных. Вопросы? — Ответом ему было молчание. — Тогда вперёд.

Они ринулись с холма и быстро набрали скорость. Их заметили практически сразу. Кейн видел, как девушке помогли забраться в седло и четвёрка всадников припустила в сторону гор. Остальные, перекрикиваясь, рассредоточились: двое остались стоять на ногах, ещё двое присели на колени, и последний лёг ничком в стороне, спрятавшись за холмик. В руках у каждого Кейн заметил мушкет.

— Рассеялись! — закричал Брустер, крепко держа поводья в одной руке и мушкет в другой. — Я центр, Бэн направо, бледный позади, капрал налево!

Каждый чётко выполнил его приказ. Кейн забирал то в одну сторону, то в другую, лихорадочно виляя и покачиваясь в седле, чтобы сбить прицел стрелкам. Когда до них оставалось ярдов сорок, позади раздался выстрел и он пригнулся к самой гриве. Дэйк, выстреливший на вскидку, ни в кого не попал, но его выстрел заставил троих вражеских стрелков занервничать и спустить курок. Кейн слышал свист пуль и чей-то крик, но оглядываться не стал, лишь ещё ниже наклонившись к загривку.

Тридцать ярдов.

Стрелки старались как можно быстрее перезарядить ружья. Оставшиеся двое — припавший на одно колено и лежащий за холмом — пока медлили с выстрелами.

Двадцать.

Сцепив зубы, Кейн отпустил поводья и вскинул мушкет к плечу. Ружьё мотало из стороны в сторону, но ему всё-таки удалось поймать в прицел сидящего на колене стрелка.

Они выстрелили одновременно.

Свинцовый шарик просвистел чуть выше правого уха Кейна. Его же собственная пуля всё-таки нашла свою цель — стрелок упал, но тут же торопливо поднялся, покачиваясь и держась за плечо. Шляпа слетела с его головы и Кейн узнал стрелявшего — это был Уолтен Лидо. Здоровой рукой коневод вытащил из-за пояса пистоль и, нацелив на него, стал ждать. Выругавшись, Брустер отбросил мушкет и обнажил шпагу. Краем глаза он заметил, что один из мушкетёров перезарядил ружьё и уже собирался выстрелить, как вдруг схватился за грудь и истошно завопил, оседая на землю.

Расстояние между Кейном и конюхом быстро сокращалось. Уолт атаковал первым. Брустер интуитивно нагнулся влево и пуля, летевшая ему прямо в грудь, лишь слегка задела плечо. Мгновение спустя Кейн сам вступил в бой и взмахом шпаги разрубил стрелку ключицу.

Прости меня, Уолтен.

Первое правило — не оставлять позади себя вооруженного противника, который может атаковать в спину.

Прорвавшись, Кейн погнал лошадь вперёд, преследуя журналистов.

Бэн мчался по правую руку от Брустера. Он видел, как при первом залпе пуля угодила в глаз лошади капрала и она кувыркнулась через голову, а сам всадник перелетел через неё и ударился о землю. Армастро быстро занял его место на левом фланге и, вытащив клинок, сблизился на расстояние удара и атаковал не успевших перезарядиться. Сам Костоправ заметил, как один из стрелков поднимает мушкет и целится в Брустера. У него в голове словно что-то щелкнуло и он интуитивно выбросив вперёд руку с растопыренными пальцами — и почти мгновенно ощутил плоть и кости внутри тела стрелка, словно бы он погрузил ладонь во вскрытую грудную клетку. С натугой сжав руку в кулак, Бэн зарычал от пронзившей её боли. Но магия сработала — грудь мушкетёра сжалась и сломанные рёбра пронзили его лёгкие.

"Так вот как я убил лошадей..." — мелькнуло у Бэна в голове, прежде чем что-то ударило его в правое плечо и он покачнулся, едва не вылетев из седла. Скопив взгляд, он увидел расплывающееся по мундиру пятно. Видимо, из-за применения им магии он не сразу почувствует эту боль. Взревев от ярости, Костоправ направил коня в сторону холмика, над которым поднимался пороховой дым. Он не стал доставать мушкетон или топор, не стал применять магию — он просто проехался по спине противника, втапывая его в землю лошадиными копытами. С презрением сплюнув через плечо, Костоправ помчался следом за Брустером.

Вскоре им удалось нагнать беглецов. Кейн огляделся: Бэн справа от него, Дэйк слегка позади. Он извлек из-за ремня пистоль. Дэйк последовал его примеру — щелчок курка, выстрел — ему не удалось попасть ни в кого из беглецов, но зато пуля подстрелила лошадь одного всадника и тот, вместе с ржущим от боли конем, повалился на землю. Кейн и Бэн проскакали мимо, оставив павшего изгою.

Теперь он чётко видел убегающих — девушку с развевающимися за спиной белыми

волосами, парня, виденного им накануне вместе с ней, и их проводника. Брустер не расслышал, что парень прокричал девушке, но журналист развернул коня и бросился к ним на встречу. Перекинув шпагу в другую руку, Кейн поудобнее перехватил пистоль. Он был готов выстрелить сразу же, как только расстояние между ними сократится. Паренёк, защищая отступление девушки, с криком нёсся на них, потрясая над головой мушкетом.

Мушкетом, из которого он так и не успел выстрелить.

Бэн вскинул свой мушкетон и грохот выстрела ударил по перепонкам. Капельки крови попали на лицо пролетевшего рядом Кейна. Мальчишка упал за его спиной. Храбрый, глупый мальчишка, который даже не успел защититься. И защитит.

Кейн поймал в прицел силуэт удаляющейся девушки и выстрелил.

Девушка. Она неестественно долго падала, раскинув руки.

Брустер опустил пистоль и затормозил. Костоправ промчался мимо, продолжая погоню. Вытянув руку, он напряженно пытался нащупать для магического удара хоть одну косточку беглеца, но тщетно. Слишком велико было расстояние и слишком мала цель. Тогда Бэн сосредоточился на его коне — захватить не удастся, но есть шанс сбить животное с толка.

Есть! Лошадь дёрнулась, подвернула ногу и упала. Проводник с силой рухнул на землю и сломал себе шею. Удовлетворённо кивнув, Костоправ натянул поводья, разворачивая коня.

Кейн остановился рядом с погибшей и долго рассматривал её — молодую, красивую, с разбросанными по груди волосами и ясными голубыми глазами, которые неверяще продолжали вглядываться в бесконечную даль. Он смотрел на неё, стараясь запомнить каждую деталь, не пропустить ни одной родинки, ни одной веснушки на маленьком носике. Запечатлевая этот взгляд, форму бескровных губ, медленно расплывающееся пятно крови на белой сорочке. Кейн должен был её запомнить. Она — одна из его первых жертв спустя долгих пятнадцать лет.

Только тогда, во время войны, он убивал врагов, а не беззащитных женщин, неспособных постоять за себя. Ещё один гвоздь в крышку его гроба, ещё одна рюмка для его совести в ближайшем кабаке.

— Брустер!

С трудом отведя взгляд от тела девушки, Кейн поднял голову. Костоправ скакал прямо на него и указывал рукой ему на грудь. Его мгновенно охватило смутное беспокойство и он нервно положил ладонь на второй, заряженный, пистоль.

— Сзади! — вновь закричал Уилторс. — Повернись, мать твою!

Ничего не понимая, он обернулся и застыл, пораженный увиденным: Дэйк преследовал какого-то человека, который с дикой скоростью бежал в сторону леса. Армастро едва поспевал за ним на лошади, а тот вдобавок петлял, словно заяц, сводя на нет все попытки подстрелить его. Костоправ пронёсся рядом с Брустером и ринулся на помощь изгою, крича: "Не дай ему уйти!".

Очнувшись, Кейн пришпорил коня и включился в погоню. Но не успел преодолеть и половину пути, как всё уже было кончено — Бэн настиг беглеца и на скаку вогнал топорище ему в спину.

"Какого?!.." — Кейн в изумлении смотрел на поднявшегося человека, который по всей логике уже должен был быть мертв. Он же не только не умер, но и продолжает бежать! Пусть уже и не так быстро.

Бэн соскочил с лошади, перехватил поудобнее топор и ринулся наперерез, попутно что-то крича и указывая на убегающего. Кейн быстро понял задумку Костоправа и направил

лошадь прямо на беглеца, который не успел увернуться и лошадь Брустера сшибла его с ног. Обернувшись, он успел застать тот момент, когда подскочивший Уилторс со всей силы вогнал лезвие в голову своей жертве. После этого тот уже не поднимался.

Развернувшись, Кейн подъехал к ним.

— Во имя бездны, что это сейчас было? Кто это такой?

— Это тот тип, которого Дэйк сшиб с лошади. — Бэн с трудом вытащил топориче из черепа убитого. — И это не человек. Погляди сюда.

Он перевернул тело и с отвращением сплюнул.

— Гомункул.

Кейн молча рассматривал мертвеца: серое бесформенное тело, бесцветные глаза лишённые век, дырки вместо ушей, а из раны раскрытого почти надвое безволосого черепа вытекала вонючая тёмно-зеленая жидкость, заменявшая этому существу кровь.

Гомункул, сомнений нет. Не удивительно, что он умер не сразу — эти создания были весьма выносливыми тварями.

— Осмотрите тела, — глухо распорядился Кейн. — Всё что найдете — записи, табулы, магифакты — несите мне. Остальное ваше.

Спешившись, он отпустил коня и, прихрамывая на больную ногу, направился к ближайшему валуну, на который устало присел. Прислушиваясь к раздражающей ругани Дэйка и Бэна, Кейн достал из кармана пачку папирос, вытащил одну и, прежде чем закурить, долго мял её в дрожащих пальцах. Он даже словно бы чувствовал оторванный мизинец, участвующий в процессе вместе с остальными.

Чиркнув спичкой о грязный ноготь и уже поднеся её к подрагивающему кончику, он заметил тусклый блеск какого-то предмета у своей ноги.

Табула.

Кейн поднял её и, прищурившись, всмотрелся в треснувшее дымчатое стекло. Видимо, выпала из сумки кого-то из погибших. Он выдохнул дым через нос и сплюнул под ноги. Хотел было снова затянуться, но в раздражении выкинул сигарету.

До чего ж паршиво.

— Брустер, — окликнул его Костоправ, — у нас гости.

Кейн поднял взгляд и увидел капрала Ванариса, бодро ковыляющего к ним. Он заметно припадал на правую ногу и опирался на мушкет, как на палку. Крякнув, Брустер поднялся с камня и спрятал табулу в седельной сумке своего коня. Взяв его под уздцы, коротко кивнул Бэну и Дэйку, и направился навстречу к капралу — пора было выяснить некоторые детали.

— Ну как? Усех поймали? — прошепелявил бородач, осматривая их налитыми кровью глазами. — Здесь усе хто нам потребен?

— Нет. — Кейн покачал головой. — Здесь только трое. Видимо, четвёртого повели другим путём.

— Шельма! — капрал в сердцах сплюнул. — И шо теперя?

— Видимо, придётся вернуться в город, — ответил он и кивнул на его ногу. — Ты сам-то как?

— Подвернул, шоб её. Но не шибко.

— Это хорошо. Короче, лясы точить времени нет, поэтому слушай меня. — Кейн подошел поближе и указал в сторону города. — Если мы поскачем вон туда, то сможем обогнуть озеро. Видишь?

— Агась. И шо?

— Так вот я думаю, что...

Как только Ванарис отвернулся и Кейн оказался за его спиной, он выхватил кинжал из набедренных ножен и вонзил сверху в плечо капралу и надавил, выворачивая сустав. Раздался бешеный вопль. Быстро вытащив лезвие, Брустер ударил его под колено ногой и повалил на землю. Навалившись сверху, схватил капрала за волосы, оттянул голову назад и приставил окровавленный кинжал к его лицу.

— Слушай меня внимательно, капрал, — тяжело дыша, заговорил Кейн. — Сейчас ты мне расскажешь о том, какие тебе были даны указания относительно нас. Понял? И, бездной клянусь, если ты вздумаешь соврать мне, я вырежу тебе глаза. Понял? Понял, я спрашиваю?!

Ванарис застонал.

— Да...

— Молодец. А теперь говори — что тебе велел Фальфард?

— А ты его не слыхал штоле? Убить грамотеев и воротится с их бошками.

— О нас! — взревел Кейн. — Что он тебе велел относительно нас?!

— Ни шиша он не велел! Сдалися вы ему...

Брустер напрягся, собираясь с силами, а затем быстрым движением полоснул лезвием кинжала по глазу пленника. Тот заорал и забился, пытаясь вырваться, но Кейн держал крепко. Когда он притих, Кейн наклонился к его уху и зашептал:

— Если дорожишь оставшимся глазом, советую отвечать более убедительно и откровенно. А если не дорожишь, то у тебя ещё и яйца есть, не забывай.

— Да ничего он не велел, — слёзно залепетал Ванарис. — Матушкой клянусь!

Бэн, до этого молча наблюдавший за экзекуцией, подошел ближе.

— Отойди, Брустер.

— Костоправ, — сквозь зубы процедил Кейн, — если ты ещё не заметил, я немного занят.

— Отойди говорю! Доверь это дело профессионалу.

Он покосился на него и, слегка помешкав, поднялся. Уилторс шагнул к пленнику и перевернул его на спину. Несколько ударов сердца он всматривался в залитое кровью лицо, а потом вытянул руку и медленно сжал ладонь в кулак. Нога капрала громко хрустнула и сжалась. Ванарис истошно завопил, захлёбываясь собственным криком, и схватился за искалеченную конечность. Бэн невозмутимо расслабил ладонь и нога капрала вновь щёлкнула, возвращаясь в нормальное положение.

— Приятель, — будничным тоном заговорил Костоправ, — я могу до бесконечности ломать каждую косточку в твоём теле и вновь восстанавливать её. Так что будь добр, ответь на наши вопросы ёмко и обстоятельно. Хорошо?

Конечно же он блефовал. У него уже не оставалось сил, чтобы разбрасываться заклинаниями. Он и на ногах-то еле стоял от потерянной крови, хоть и перевязал рану. А ведь ещё предстояло извлечь из неё пулю.

Капрал закивал так часто, что Кейн стал опасаться, что у него отвалиться голова. Глотая большинство слов, он стал торопливо говорить:

— Лейтенант ешо по дороге до Винтры приказал мне, шо ежели мы на тебя наткнёмся, то он отправит меня с вами. Так и глаголил: если мол, по всякой причине, не важно какой, пошлю тебя с ними, то ты должен будешь их при случае того. — Он мотнул головой и облизал губы. — Пришить значит. А тут вон оно как вышло-то. Мы как токо грамотеев прибили б, я вас аккурат после к праотцам отправить и должен был.

Кейн опустил рядом с капралом на корточки.

— А Винтра? Что он планировал делать с городом?

— Да вы же слышали — окружить, чтоб комар носа не подточил, и зачистить, стал быть, городок.

— Гражданских тоже?

— Да. Усех. — Ванарис сглотнул и вытер с лица кровь. — Отморозков этих, изгоев-то, вперёд пустят. А после скрутили бы выживших. А вас, ежели я бы не сдюжил, в городе бы прищючили.

Кейн закрыл глаза и дрожащей рукой помассировал их сквозь веки. Бэн стоял нахмурившись, в задумчивости оглядываясь вокруг. Дэйк, ничего не понимая, переводил взгляд с одного на другого.

— Бэн, я чего-то не пойму. — У Армастро дрожал голос. — Что всё это значит?

— Это значит, — медленно ответил Костоправ, — что нас очень хорошо поймали. Верно, Дым?

Кейн открыл глаза и посмотрел тяжелым взглядом на притихшего капрала.

— Спасибо. Ты нам очень помог.

Он нанёс быстрый удар кинжалом в сердце. Ванарис охнул, забился, но через мгновение обмяк. Вытерев лезвие об одежду убитого, Кейн поднялся на ноги и, подойдя к своему коню, забрался в седло и поскакал обратно к городу. Не доезжая до конюшен, он остановился и достал подозрную трубу.

Собранные Фальфардом отряды наёмников Аэгис Материум уже давно ворвались в Винтру с единственным приказом — убить всех. Даже отсюда были слышны вопли горожан, которые пытались спасти родной город, и были видны его пылающие улицы. До него доносились непрекращающиеся отзвуки выстрелов, предсмертные вопли умирающих и треск огня, что сжигал дома ни в чем не повинных людей.

Людей, которые были его соотечественниками.

Которые были Винтадцами.

"Фальфард, кровожадный ты ублюдок!"

Зачем нужно было вырезать целый город ни в чём не повинных людей? Неужели не было другого выхода? Ведь был же! Он мог продать жителей скарлам Грунгрифа в рабство, запугать и заставить заткнуться, в конце концов можно было просто подкупить выживших! К тому же, журналисты ведь уже не представляют угрозы.

Журналисты.

Кейна затрясло от ярости, костяшки пальцев побелели, ногти до крови впились в ладони, а запекшаяся корка на оторванном мизинце лопнула и на землю упали густые алые капли, но он этого даже не заметил.

Смерть писак была напрасной. С тем же успехом он мог просто позволить им уйти и ничего бы не изменилось. Бездна! Ему следовало сразу же выпытать у капрала признание! Но сделанного не воротишь, придётся плясать от того, что есть.

Бэн и Дэйк поравнялись с ним. Спустя некоторое время Армастро, дрогнувшим голосом, всё-таки решился нарушить воцарившееся молчание.

— Может, вы мне объясните, что тут вообще происходит-то, а?

Костоправ покосился на Брустера.

— Ну, насколько я могу судить, гильдия санкционировала наше устранение.

— Но почему? — продолжал недоумевать Дэйк. — Всё же шло по плану. Разве нет?

— Хельмута Кромберга, а с ним и весь городской совет с лучшими стрелками, отправили в бездну, — не поворачивая головы, глухо пояснил Кейн. — Маир был последней преградой к выкупу гильдией долины и теперь им никто не помешает прибрать её к рукам. А всех жителей уничтожат по одной простой причине — не будет владельцев земли, не нужно будет её выкупать. В нападении на Винтру обвинят банду изгоев и, можете мне поверить, доказательства этого они обеспечат. Угрозу для этого плана представляли разве что журналисты, но мы их благополучно сопроводили в мир иной. Что же касается нас, — Кейн усмехнулся, — то мы для гильдии непроверенные, темные лошадки, поэтому от нас проще избавиться или обвинить в соучастии. Мы идиоты, господа, — с горечью признал он.

У него поникли плечи. Он ещё долго молча стоял, в бессилии смотря на пылающий город. Пытался отыскать решение и не находил его. Все пути к отступлению были перекрыты. А ведь если бы Бэн сначала предупредил об изгоях его, а не Мальфита, то все остались бы живы, а журналисты спокойно собрали материал и проблема Винтры была бы решена. А что теперь? Стоило покидать Акмею, чтобы вновь оказаться виновником гибели людей?

Кейн опустил голову и закрыл глаза.

Вместо него всегда умирали другие. Всегда.

Всё, что он теперь мог сделать, это вернуться в город и ринуться в гущу сражения, встать рядом с жителями и самому пасть от свинца или шпаги в попытке отстоять Винтру. Это было бы правильно. Он заслужил смерть больше, чем любой житель этого города. И он не должен позволить своим рукам остаться чистыми, потому что тоже виновен во всём произошедшем. Он будет сражаться и пусть пуля рассудит их...

НЕТ!

Кейн резко распахнул глаза и горящим от ненависти взглядом всмотрелся в мельтешащие в городе фигуры.

Его смерть ничего не даст. Она не спасёт город. Если он сейчас погибнет, то Эгида выйдет сухой из воды и гибель жителей Винтры окажется напрасной.

Если он позволит себе умереть, то их смерть не будет отомщена.

"К тому же, — Кейн скривился, — я не смогу добраться до главных виновников. Солдаты лишь орудия. Пешки. А мне нужны те, кто отдал приказ: Фальфард и Мальфит."

Кейн всегда презирал командиров стоявших в стороне и отдающих приказы. Они ничем не рисковали, а всего лишь передвигали фигуры по шахматной доске. Для них потери были лишь списком на бумаге, а не живыми солдатами, которых они посылали на смерть. Для них война была лишь игрой, в которой ради победы можно было пожертвовать всем.

Но Кейн никогда не был таким, как они. Если он сам отдал приказ, то ему же спускать курок. Поэтому он не будет мстить солдатам, а отомстит тем, кто стоит за их спинами. А Эгида... Эгида тоже своё получит.

— Вы всё забрали у журналистов?

Бэн, тоже погруженный в мрачные размышления о том, что всё пошло "немного" не так, как он планировал, встрепенулся.

— Да, их вещи у нас.

Кейн усмехнулся.

Если в Акмее опубликовать такой сюжет, то это очень сильно подпортит репутацию гильдии. Конкуренты Эгиды сразу же их оттеснят и они потеряют большую долю влияния. Возможно, Шэмиту и его благодетелям даже удастся добиться отзыва у них лицензии по

добыче ресурсов на Яме — ведь лицензии выдают только тем, кто соблюдает законы.

— Попытаемся уйти через горный перевал. — Кейн развернул лошадь. — Доберёмся до Веноваля и уплывём отсюда к чёртовой матери.

— Я только за, — кивнул Костоправ, направляя своего коня следом за Брустером.

— А я? — спросил Армастро. Его голос предательски задрожал. — Можно и мне с вами?

Дэйка буквально трясло. Он не строил иллюзий и прекрасно отдавал себе отчет в том, что по его вине был вырезан целый город. И не просто город, а Винтра, место, где он родился и вырос. Его тётку и племянницу наверняка убили, причем последнюю перед этим скорее всего ещё и изнасиловали. Бездна! Он ведь всего лишь хотел стать маиром, нагрести бабла и свалить подальше! А теперь он потерял всё и вынужден бежать!

— Пойдём. — Бэн дёрнул щекой. — Вместе влипли, вместе и выбираться.

Более не оглядываясь они поскакали прочь.

А за их спинами в небо поднимались клубы чёрного дыма от горящего города.

17.

Преодолев перевал, они вскоре выехали на главную дорогу до Веноваля. Пока что за ними не было погони. И Кейн рассчитывал, что до тех пор, пока не будут найдены тела капрала и журналистов, и станет понятно что к чему, они уже будут далеко в море. Нашивки командора должны были помочь найти корабль, хотя внешний вид мундира (да и не только его) оставлял желать лучшего.

Ситуация осложнялась тем, что с каждой милей Кейн чувствовал себя всё хуже — воздух с хрипом вырывался из груди, бедро распухло и натянуло брючную ткань, рука с оторванным мизинцем едва шевелилась и при каждом неловком движении её от кисти до плеча пронзали иглы боли; невыносимо хотелось пить, перед глазами всё плыло, он чувствовал жар и то и дело вытирал со лба катящийся градом пот.

Костоправ же со своей раной разобрался быстро — на перевале они сделали короткую остановку, чтобы перезарядить оружие и снарядится. Там же Бэн отошел в сторону и, несколько раз глубоко вздохнув, приложил пальцы к пулевому отверстию и, рыча, извлёк с помощью магии застрявшую в плече пулю, а после стянул края раны. Он изредка бросал на Брустера озабоченные взгляды, но помочь пока ничем не мог — у него больше не осталось сил. К тому же, его перед этим ещё предстояло обследовать, ведь ломать не строить — человеческое тело сложнее животного и его не восстановить так просто.

Бэну пришлось признать, что пока что Брустер был ему необходим. Они были нужны друг другу, чтобы выжить.

Но это пока.

И ещё этот Армастро — Бэн покосился на сгорбленного Дэйка — Дым пока что думает что в подрыве Винтры виновны изгой. Вот пусть так и остаётся. А от парня он избавится позже.

Дэйк внезапно выпрямился и разлепил обветренные губы.

— Город. Вижу Веноваль.

Переборов слабость, Кейн прищурился и всмотрелся в очертания приближающихся домов.

— И не только город, — процедил он сквозь зубы, притормаживая лошадь и переходя на

галоп. — Всадники.

— Объедем? — Костоправ положил руку на мушкетон.

Кейн покачал головой.

— Нет. Если сойдём с дороги, то вызовем подозрения.

— А это точно патруль? — Бэн пытался разглядеть одежду всадников.

— Не уверен. Но рисковать не стоит. Будьте начеку.

Он ненадолго сжал рукоять одного из пистолей, заткнутых за пояс. Во всяком случае, к возможным неприятностям их компания была готова.

Всадники действительно оказались наёмниками гильдии. Шестеро. Плохой размен.

Рассматривая приближающиеся синие мундиры, Кейн пытался придумать убедительную причину того, как и почему они оказались здесь. Но в голову, как назло, ничего не приходило.

Они остановились друг на против друга. Один из всадников выехал вперёд.

— Чёрт! В какой бездне ты побывал, Брустер?

Младший лейтенант Тарто Джадс. Кейн вздохнул с облегчением. Возможно, им ещё удастся избежать проблем. Он окинул взглядом остальных. Двоих он знал, ходили вместе в патруль, а вот другие были незнакомы.

— Именно, в бездне. Ты попал в самую точку, Тарто. — Он хрипло хохотнул. — Ты же знаешь, в Винтре сейчас разверзся настоящий ад. Мы прямиком оттуда.

— Да, знаю. — Джадс кивнул, внимательно рассматривая их. — И что вы делаете здесь? И это кто?

Офицер кивнул в сторону Армастро.

— Это? — Кейн посмотрел на Дэйка. — Это наш проводник. Вёл нас напрямик, через Таларский горный перевал. У нас приказ от Фальфарда.

— Бездна! С этого и надо было начинать! Что за приказ?

— Лейтенант опасается беглецов. Он приказал поставить все корабли на якорь и усилить патрулирование. — Чётко отрапортовал Брустер. — А нам велели остаться для поддержки.

Тарто недоуменно нахмурился.

— Что? Но ведь Фальфард прислал ко мне гонца с этим приказом ещё утр... — он начал оборачиваться к своим.

Кейн молниеносно выхватил пистоль и нажал на курок. Пуля, вошедшая в горло Джадса, не дала ему договорить. Захрипев, он схватился за шею и стал заваливаться набок, разбрызгивая вокруг себя хлещущую из раны кровь.

Костоправ рванул из чехла мушкетон. Выстрел картечью накрыл сразу двоих патрульных, нанося им и их лошадям чудовищные раны — одному из солдат снесло полголовы, а второму разорвало грудную клетку.

Кейн выпустил из рук пистоль, оголил шпагу и блокировал удар особо ловкого эгидовца. Но его противник, уже замахвающийся для новой атаки, вдруг схватился за простреленную грудь — Дэйк Армастро опустил пистолет. Услышав свист рассекаемого воздуха, Кейн развернулся в седле и едва успел перехватить клинок другого солдата. Он контратаковал и рассёк противнику колено. Патрульный завопил от боли и Брустер сделал резкий выпад, пронзая ему левое лёгкое.

— Дым! — взревел Костоправ. — Один уходит!

Из-за окутавшего их порохового дыма Кейн не сразу разглядел оставшегося в живых

всадника, скачущего во весь опор к городу. Выругавшись, он отдал приказ и они пустились в погоню. Холодный ветер безжалостно хлестал по лицу, грудь горела, а у коня изо рта уже вырывалась пена, но он всё равно гнал его вперёд. Но вскоре стало ясно, что на своих уставших лошадях они беглеца не догонят.

— Костоправ! — завопил Кейн, пытаясь перекрычать ветер. — Оставь его! Сворачиваем к порту! Мы должны успеть до того, как он поднимет тревогу!

Бэн скрипнул от досады зубами, но подчинился. Напоследок он попытался дотянуться до патрульного магией, чтобы сжать, сломать ему кости и швырнуть искалеченные останки на землю, но его самого тут же скрутила нестерпимая боль, отозвавшаяся эхом в каждом суставе. Застонав, Уилторс был вынужден сдаться. Развернувшись, он поскакал вслед за Брустером и Армастро.

Они вихрем промчались по улицам Веноваля. Прохожие испуганно жались к домам, уступая дорогу, а встречные патрули гильдии лишь провожали их взглядом — всё-таки то, что они были в мундирах Эгиды, сыграло им на руку.

Когда до порта оставалась одна улица, Кейн натянул поводья.

— Приведите себя в относительный порядок, — поправляя мундир, распорядился он, — постараемся не привлекать внимания как можно дольше.

— А что, вообще остаться незамеченными шансов нет? — нервно спросил Бэн, поспешно перезаряжая мушкетон.

— Скорее всего да.

Кейн, орудуя лишь одной рукой, проверил надёжно ли затянуты ремни панталера и свободно ли выходят из ножен шпага с дагой. Из огнестрела у него остался лишь один пистолет, что само по себе было весьма неплохо, хотя могло быть и лучше — он мысленно обругал себя за то, что не взял ружьё капрала.

— Ладно, пошли. — Он пришпорил коня.

Не обращая внимания на удивлённые взгляды толпившихся на небольшом припортовом рынке людей, они выехали на причал и напряженно осмотрелись. Намётанным за горы работы в порту Акмеи глазом Кейн сразу определил, какой из стоящих кораблей уже загружен и готов к отплытию.

— Вон тот фрегат. — Кейн кивком головы указал на плотно сидящее в воде судно с сидящими на рее моряками, расслабленно привалившимися к мачте, свесившими ноги и ожидающими сигнала к постановке парусов. Видимо приказ встать на якорь застал его перед самым отбытием, но капитан всё ещё надеется на скорое разрешение к отплытию и не отпускает моряков, торчащих на своих постах с самого утра. Одна радость — солнце не припекает.

— Кирасиры! — едва слышно прошептал Армастро.

И правда — недалеко от нужного им корабля, сидя на ящиках возле телеги, расположились три синих мундира в кирасах. Перекидываясь в карты, они изредка осматривали снующий по причалу народ.

— Наверняка здесь есть ещё, — заметил Костоправ, делая вид, будто его заинтересовали торговцы рыбой.

"Без сомнений," — про себя согласился с ним Кейн.

Молча тронув коня с места, он направил его к кораблю. По мере приближения троица наконец-то обратила на них внимание и теперь не спускала глаз, но Брустер с напускным безразличием проехал мимо. Не остались они незамеченными и для людей на корабле —

особо любопытные выстроились у бортов и поглядывали на них. Кейн видел, как после короткого разговора между собой один из матросов скрылся из вида, а после появился вместе с женщиной в вылинявшем бардовом сюртуке, редкие волосы которого сосульками свисали до плеч. Остановившись аккуратно напротив него, Брустер закричал, кривясь от боли в груди:

— Мне нужен капитан этого судна!

Бардовый с готовностью наклонился вперёд и прошамкал.

— Клошар Дутрун, к вашим услугам.

— Я командор Аэгис Материум Кейн Брустер. Куда держите курс?

— На Эг-Вигади, Новый Телион.

— Под чьей юрисдикцией корабль?

— Дык, эгидовские мы, — с удивлением ответил капитан, указав рукой себе за спину, на развевающийся флаг гильдии.

Брустер досадливо дёрнул щекой.

— А к отплытию готовы?

Клошар сплюнул.

— Поглоти меня бездна, да хоть щас швартовы отдадим!

— Вот и отлично, — довольно кивнул Кейн. — Я, как уполномоченное гильдией лицо, приказываю вам спустить сходню. Возьмёте нас на борт и отплываем немедленно.

— Эээ... да без проблем, командор. — Он обернулся к морякам. — Оглохли что ли? Подать сходню! Отдать швартовы!

Наблюдая за тем, как матросы устанавливают переносную доску и спускаются по пеньковым канатам на берег к кнехтам, чтобы развязать швартовы, Брустер спрыгнул с лошади и тут же пожалел об этом. Правое бедро пронзила острая вспышка боли, от которой помутилось в глазах. Кейн сдавленно вскрикнул и пошатнулся. И если бы он лихорадочно не вцепился в седло, то наверняка свалился бы на землю. Тяжело дыша он прижался лбом к попоне и постепенно приходил в себя.

— Брустер, ты как? — донёсся до него озабоченный голос Бэна. — Дотянешь?

Облизнув пересохшие губы и сглотнув, Кейн кивнул и с усилием отпустил седло, разжав побелевшие пальцы.

— Армастро, напрягись и возьми наши вещи с лошадей, отнеси на корабль. Лошадей оставим здесь. Жаль, конечно, но вряд ли для них есть место.

— Дым, — в голосе Костоправа слышалось напряжение, — к нам гости.

Кейн проследил за его взглядом и увидел троицу кирасиров, прервавших игру и направляющихся к ним.

— Дэйк, грузи. Костоправ, за мной, — бросил он и заковылял навстречу солдатам.

— И что будем делать? — тихо спросил Бэн, поправляя ремень с мушкетом.

— Они рядовые, а ты офицер Аэгис Материум, забыл?

Бэн удивлённо вскинул брови и посмотрел на свои нашивки младшего лейтенанта, словно впервые их увидел, и усмехнулся.

— А что, может сработать.

Стараясь ничем не выказывать беспокойства, Кейн разглядывал вояк, оценивая их: тот, что шёл чуть впереди, был крупнее остальных, с жёсткими чертами лица, и наверняка руководил парадом. Тот, что шагал рядом с ним, засунув руки в карманы, ничем особенным не выделялся и выглядел не столь примечательно и уверенно. А вот третий настораживал —

он держался позади и не спускал руку с пистоля, буравя их взглядом. Прямо как в армейском анекдоте: Крупный, Тихоня и Мутный. У всех за поясом Брустер заметил пистолеты, на боку висели шпаги. Он покосился на Костоправа — тот держался расслабленно и предусмотрительно не прикасался к закинутому за спину мушкетону. Интересно, он сможет в случае чего быстро выстрелить? Картечь была бы как нельзя кстати.

Остановившись, они некоторое время рассматривали друг друга, прежде чем приступить к разговору.

— Какие-то проблемы, рядовой? — с лёгким раздражением в голосе поинтересовался Кейн.

— Есть такое. — Как он и ожидал, заговорил "руководящий парадом", Крупный. — Кто вы такие? Назовитесь.

— А субординацию тебя соблюдать не учили? — Брустер поморщился. — Или ты командорские нашивки не различаешь?

Крупный презрительно фыркнул.

— Глядя на этот заляпанный грязью и кровью мундир с оторванными пуговицами, я охотней поверю в то, что он снят с чужого плеча, чем в то, что ты являешься командором.

Кейн окинул взглядом свой мундир: покрыт пеплом и в чём только не вымазан, воняет пороховой гарью, местами порван, немногие из оставшихся латунных пуговиц висят на соплях. Картину дополнял его не совсем здоровый вид, хромота и окровавленная рука с оторванным мизинцем.

— Что ж, справедливо. Я бы и сам себе не поверил. Но у меня есть документы, подтверждающие мои слова. Со всеми печатями и личной проекцией. — Не делая резких движений, он извлёк из внутреннего кармана мундира потрёпанные листки бумаги и протянул их патрульному. — Прошу.

Крупный, сдвинув брови, недоверчиво взял их и принялся тщательно изучать, шевеля губами и изредка бросая взгляд на его лицо — должно быть, сверялся с проекцией. Но, в конце концов, он с кислым лицом вернул документы.

— Ну, убедился? Всё в порядке? — спросил Кейн, заталкивая бумаги обратно в карман.

— Так точно... командор, — пробурчал тот в ответ.

— Ну вот и отлично. Тогда, если позволите, нам пора на корабль.

Кейн уже было хотел развернуться, но Тихоня как бы невзначай заметил:

— К сожалению, по приказу лейтенанта Фальфарда, мы не имеем права позволить, чтобы хоть один корабль покинул порт. — Когда Брустер посмотрел на него тяжёлым взглядом, он с печальной улыбкой добавил: — Нам очень жаль, но таков приказ. А приказы лейтенанта Фальфарда отменяются им же. Но, конечно, если у вас есть при себе его разрешение...

Брустер не успел ответить — всеобщее внимание привлёк выскочивший на причал конный патруль. Примерно с дюжину вооружённых карабинами всадников. И по крайней мере одного из них Кейн и Бэн помнили чётко — спасшийся солдат из отряда Джадса. Увидев их, он вытянул руку и завопил:

— Вон они! Хватайте их, не дайте уйти!

Крупный среагировал довольно быстро — его ладонь метнулась к рукояти пистоля и сжала её. Кейн резко перехватил его руку, не давая вытащить пистоль, и, шагнув к нему вплотную, ударил головой в лицо. Хрустнул сломанный нос. Крупный от неожиданности рефлекторно нажал на курок и выстрелил себе под ноги. Кейн не стал медлить и, всё ещё

держа его за руку, навалился на него, заставляя пятиться назад. Прикрываясь им словно щитом, он приближался к стоящему позади Мутному, который неподвижно замер, целясь в него из пистолета.

Костоправ же, как только он услышал сбежавшего патрульного, сделал шаг вперёд и со всей силы ударил Тихоню в лицо. Тот, не произнеся ни звука, рухнул на землю и больше не поднимался. А Бэн побежал под защиту рыночных ларьков, на ходу снимая мушкетон.

Продолжая приближаться к Мутному, Кейн, преодолевая себя, больной рукой нашарил на правом боку рукоять даги и, сжав её непослушными пальцами, вытащил из ножен. Раздался выстрел. Пуля чиркнула его по шее, заставив вздрогнуть. Крупный уже пришел было в себя, начиная рычать и готовясь как следует вмазать ему по лицу своим громадным кулаком, но Кейн нанёс ему несколько быстрых ударов дагой в область шеи и оттолкнул на Мутного. Тому удалось увернуться от зажимающего горло товарища, но Брустер тут же выхватил пистоль и выстрелил от бедра — патрульный охнул и рухнул на мостовую, хватаясь за простреленный пах.

Воздух был наполнен грохотом выстрелов и свистом пуль. Пригнувшись, Кейн метнулся к ящикам, на которых совсем недавно играла в карты тройца кирасиров. Уйдя с обстреливаемой зоны, он залёг за укрытие. Вернув пистолет за пояс, вооружился шпагой и слегка перевёл дух.

Как только началась стрельба, народ, толпившийся на рынке, бросился прочь с причала, мешая всадникам. Во всеобщий хаос внёс свою лепту и Дэйк, занявший позицию на корабле и начавший отстреливать возвышающихся над толпой конников из мушкета. Это вынудило многих спешится и пробивать себе дорогу прикладами сквозь охваченных паникой людей.

"Нужно воспользоваться неразберихой и добраться до корабля," — пронеслось в голове у Брустера.

Он выглянул из-за ящика и тут же нырнул обратно, увидев направленное в его сторону дуло мушкета. Грянул выстрел и пуля раскрошила трухлявое дерево его укрытия. Кейн тут же бросился к стрелку, не дожидаясь, пока тот перезарядит ружьё. Его противником оказался одноглазый детина со шрамом на лице, который даже не стал пытаться перезарядить своё оружие, отбросив его в сторону. Он выхватил шпагу и смог отбить два его выпада, прежде чем Кейн дагой во второй руке пронзил ему сердце. Оттолкнув схватившегося за грудь одноглазого он, пригибаясь, побежал к кораблю.

Из толпы выбежал кричащий солдат, сжимающий в руках направленный ему в живот мушкет с поблескивающим на конце штыком. Кейн резко остановился, поворачиваясь к новому сопернику и выставляя перед собой шпагу.

Солдат уже почти добежал до него, как вдруг его грудная клетка взорвалась и Кейна обдало горячей кровью. Он упал у его ног и ничего не понимающий Брустер тупо смотрел на разорванную спину, из которой торчали переломанные кости с дымящейся плотью.

— Повезло тебе, командор, что я стрелял не картечью!

Кейн с трудом оторвался от кровавого зрелища и поднял голову. К нему бежал Костоправ, держа в опущенной руке мушкетон.

— Чего встал?! Дёру, дёру давай!

Не теряя времени они помчались что есть мочи. Кейн, несмотря на больную ногу, практически не отставал. Пули разбивались о землю у них под ногами, пролетая рядом буквально дюйме, но им повезло и ни одна из них не достигла своей цели. Пригибаясь, они взбежали по сходне и ничком повалились на палубу. Тут же откинув в сторону клинки, Кейн

выхватил пистоль и только тут вспомнил, что он разряжен. Выругавшись, он огляделся: Костоправ возился с мушкетом; Дэйк сидел, сжимая мушкет и ожидая, когда стрельба затихнет, чтобы самому получить возможность выстрелить; матросы и пассажиры корабля лежали вповалку кто-где, закрыв головы и прячась от шальных пуль.

Он подполз к Армастро и указал на ружьё в его руках.

— Заряжен?

Армастро кивнул.

— Держи. — Кейн отдал ему пистоль и забрал мушкет. — Ты заряжаешь, я стреляю!

Он высунулся из укрытия. Меньше секунды понадобилось, чтобы прицелиться и спустить курок — один из солдат вскрикнул, схватился за лицо и упал. Брустер снова спрятался, задыхаясь от порохового дыма. Когда он рассеялся, ему в глаза бросился край бордового сюртука, торчащего из-за бочек.

— Клошар! — взревел Кейн. — Клошар Дутрун!

Из-за бочек высунулась голова капитана.

— Клошар, во имя бездны, чего ты так возишься?! Заставь своё корыто двигаться!

— Да знаете, мэссэр командор, что-то я в сомнениях, как поступить правильно — остаться в порту или же покинуть его? — прокричал в ответ Дутрун.

— Проклятье! Под трибунал захотел?! Я командор "Аэгис Материум", подтверждающие документы у меня с собой! И я приказываю тебе отплывать! Так что исходи из того, что ты, мать твою, выполняешь приказ!

— Есть, мэссэр! — он вскочил и бросился к капитанскому мостику, крича на бегу: — Отплываем! Шевелитесь, сучьи дети! Отплываем!

Кейн услышал топот по сходне. В отчаянии он посмотрел на перезаряжающего пистолет изгоя, а потом на разряженный мушкет в своих руках. Выругавшись, он перехватил его за дуло и поднялся на ноги, замахиваясь. Эгидовец как раз добрался до борта, уже готовясь перепрыгнуть на палубу. И в этот момент Кейн со всей силы ударил его мушкетом, словно дубиной. Раздался ужасный хруст и приклад разлетелся в щепки от удара об голову несчастного. Перевалившись через леерное ограждение сходни, он рухнул в воду.

В этот момент Костоправ наконец перезарядил мушкетон.

— Пригнись! — взревел он, вскакивая и хватая Брустера за плечо.

Кейн наклонился, прижавшись к фальшборту. Бэн положил мушкетон ему на спину и выстрелил. Бежавших по сходне солдат накрыло картечью. Пули вспороли живую плоть и люди с воплями повалились за борт. Брустер с Костоправом вновь нырнули в укрытие.

В этот момент фрегат наконец набрал ходу и они начали отплывать.

Пули продолжали бессильно разбиваться об обшивку корабля, но серьёзного ущерба причинить не могли. Им чертовски повезло, что порт Веноваля не был снаряжен пушками, а не то далеко бы они не уплыли. Люди на причале продолжали что-то кричать, но из-за царившего вокруг грохота разобрать что-либо было невозможно. Впрочем, вскоре выстрелы прекратились.

— Покарай меня Ренир! — Костоправ хлопнул Брустера по плечу. — Мы сделали это! Мы прорвались!

"Да. Прорвались, — устало подумал Кейн, вытянув ноги и привалившись спиной к фальшборту. Тяжело дыша, он закрыл глаза и расслабил дрожащие руки, всё ещё сжимающие остатки мушкета. — Всё. Мы спасены. Спасены..."

С этой мыслью он наконец позволил себе провалиться в беспамятство.

Глава 4. Феладияры

Глава 4.
Феладияры.

1. Глубины прошлого.

Мутную пелену сна разорвали картины давно ушедших событий, плотно врезавшихся в память.

Моя молодость...

После перевода в герцогский разведывательный корпус меня посылали на самые разные задания. Мой послужной список был безупречен. Я гордился своей репутацией профессионального разведчика.

Дурак.

Я прижимаю к дереву Рудольфа Трона, выбиваю из него информацию...

Когда же это было? Неважно. Помню лишь, что это было моё первое серьёзное задание.

Были подозрения, что в этой деревне скрывается Винцент Гласго — рецидивист, государственный преступник, нежелательное лицо номер один.

Я вытащил нож и приставил его к шее Рудольфа.

Да, Винцент был там...

Шаги за моей спиной, шорох.

Дети.

Мальчик и девочка двенадцати-четырнадцати лет. Большие, испуганные глаза.

Они увидели нас и стали убегать.

Я растерялся.

Они были свидетелями.

Они были... опасны.

Они могут рассказать. Сорвать всю операцию. И тогда Гласго уйдёт и моя репутация будет подпорчена.

А я дорожу своей репутацией.

Рудольф остался где-то позади, захлебываясь кровью.

Дети.

Медленные. Хрупкие.

Слишком медленные. Слишком хрупкие.

Мальчик хватает палку, защищая отступление девочки.

Я не могу удержать свою руку, сжимающую окровавленный нож, и лезвие аккуратно и точно входит ему между третьим и четвёртым ребром.

Я тогда ещё не знал, что больше никогда не смогу забыть его глаза...

Выйдя из оцепенения, я вижу девочку — она карабкается вверх, цепляясь маленькими ручками за рыхлую землю, пачкая своё новое платье в грязи.

Там, за оврагом, находится деревня. Ей почти удалось спастись...

Она забралась на склон и замерла: русые волосы, красивое, цветное платье, маленькая фигурка...

И нож, рукоять которого торчит в спинке.

Она неестественно долго падает, раскинув руки, и желтые листья путаются в русых волосах...

Командор. Карлос Флайн. Отдает приказ выдвигаться в деревню.

Позже туда отправляюсь и я...

Операция успешно завершена.

Деревня горит, её улицы залиты кровью и завалены телами женщин, стариков и детей. Группа солдат держит вырывающегося окровавленного мужчину. Он кричит. Пытается освободиться, чтобы вбежать в горящий дом, а сквозь пламя пылающей хибары слышится младенческий плач.

А потом дом рухнул.

Командор хлопает меня по плечу, говорит что-то о моём повышении и блестяще выполненном задании.

На форме остаётся след от его окровавленной ладони.

Холодные, голубые, все-ненавидящие глаза Винцента Гласго смотрят на меня.

Разбитые в кровь губы шепчут: "Ненавижу"...

Крик младенца, обречённого сгореть заживо в родном доме.

Матильда, прижавшая его руку к своему животу.

Младенец плачет...

Холодные, голубые глаза, горящие ненавистью.

Мы будем ждать тебя, Кейн...

Чёрная зловещая башня из серого камня.

Магический луч разрывает небеса, уносясь вдаль.

Окровавленные губы шепчут...

Мы будем ждать тебя...

Маги, стоящие в кольце. В центре очень знакомая фигура...

Горящие ненавистью и яростью глаза.

Плач младенца в погребальном пламени.

Его рука на её животе.

Мы будем ждать...

НЕНАВИЖУ!

2.

Кейну удалось вырваться из водоворота бреда, разыгравшегося в его сознании, и придти к себе. Перед глазами всё плыло и теряло свои очертания. Его знобило и трясло, горло словно заменили наждачной бумагой, а кровь расплавленным свинцом. Воздух со свистом проникал в лёгкие и с хрипом покидал их, а брюхо, казалось, пожирает само себя — такая дикая боль.

Он поднял горящую огнём левую руку к лицу и с ненавистью уставился на перебинтованные пальцы, едва сдерживаясь, чтобы не вгрызться в них — обрубок мизинца болел и, что было самым невыносимым, зудел.

Кейн вновь откинулся на кровати. Лихорадка не отпускала его уже около суток, если не больше. У него было сломано несколько рёбер, почти всё правое бедро почернело, но кость была цела. Костоправ с помощью своей магии подлечил его, так что всё могло бы быть не

так уж плохо, если бы не чёртов мизинец — заражение всё-таки проникло в кровь.

Дико хотелось пить. Перевернувшись набок он свесился с кровати и попытался нашарить рукой бутылку. Послышался звон пустой тары, повалившейся на пол. Схватив за горлышко какую-то бутылку, он приложился к ней, но в рот не упало ни капли.

Пусто. Всё пусто. Бездна. Кейн отшвырнул бутылку.

Усилием воли ему удалось сесть на кровати. Переборов слабость и собравшись с силами, одной рукой держась за перебинтованную грудь, он встал и, покачиваясь, зашагал к столу своей тесной каморки. Навалившись на него руками, он задел стоящие на нём склянки и ковш с окровавленной водой, в котором промывал рану. Почти всё это полетело на пол, но ему было наплевать. Выдвинув ящик и нашарив в его глубинах лекарство и бутылку виски, он влил в себя и то и другое.

Как ни странно, ему полегчало. По крайней мере видел и соображал он теперь получше. Повалившись на стул, он приложился к полупустой бутылке и тут увидел сваленную на тумбе кипу бумаг. Оторвавшись от пойла, Кейн взял несколько коряво исписанных листов и безразлично устался на них.

В какой-то момент, обезумев от лихорадки, он потребовал бумагу, чтобы в перерывах между бредом и явью записывать обрывки воспоминаний, сводивших с ума. Они вспыхивали у него в голове, обжигая своим светом, а потом вновь утекали в бездну сознания, растворяясь во мраке.

Кейн разжал пальцы и листы посыпались на пол.

Многое из этого было полной галиматьёй, но и среди неё нашлись крупницы истины, которых хватило с лихвой.

Брустер отхлебнул виски и закрыл глаза, прислушиваясь к размеренному плеску волн снаружи.

Он действительно многое забыл. Последствия это войны или пятнадцати лет беспробудного пьянства уже не имеет значения. Важно лишь то, что он забыл: забыл свою родину, забыл свой дом, забыл свою мать и забыл свою жену.

Кейн открыл глаза.

Матильда. Матильда Брустер.

А ведь до этого он даже не помнил, был ли женат вообще!

Как он мог забыть всё это? Как он мог забыть её?

Бездна! Где она? Что с ней? Жива ли она в конце-концов???

Кейн устался на бутылку в своей руке.

А может, она выжила. Может, она перебралась с Милады в тихий городок под названием Винтра и спокойно жила там, пока Фальфард не отдал приказ перебить всех.

Он в ярости швырнул бутылку в стену и она разлетелась вдребезги.

Теперь Винтры нет. Там все мертвы. Убиты наёмниками Аэгис Материум. Свыше пяти тысяч убитых и каждый из них на его совести. Бездна!

Задыхаясь от ярости, Кейн вскочил и, схватив валяющийся на стуле плащ, вышел из каюты. Качаясь из стороны в сторону он брёл по коридору, пока не вышел к двери, которую смог открыть лишь с третьего раза. Выбив её плечом, он вырвался на свежий воздух и с жадностью вдохнул его полной грудью, несмотря на то, что расплатой за это была ноющая боль в сломанных рёбрах. Пройдя по ярко освещённой фонарями палубе, Кейн схватился за фальшборт и перегнулся через него, всматриваясь в тёмные воды.

Мальфит. Вот кто ещё не шел у него из головы. В том, что именно он дёргал за ниточки,

Кейн почти не сомневался. Хотя он ведь так распаялся, требуя мирного разрешения возникшей проблемы... Что же заставило его в течение буквально пары дней так кардинально изменить своё мнение? Или он изначально не верил в их с Костоправом успех и с самого начала планировал устроить бойню? Если так, то они были лишь болванкой для отвода глаз, а это не могло не злить.

Это при условии, что Мальфит действительно обо всём знал.

Брустер допускал, что Сиплый мог действовать самостоятельно. Ведь Кастор большой старик, который наверняка скоро отдаст концы. Вполне естественно, что на его столь уютное место будет метить чья-нибудь задница.

И журналисты — как они узнали о них? Ведь Кромберг наверняка принял меры предосторожности. Хотя — Кейн усмехнулся — недооценивать Эгиду будет только глупец. В любом случае, гильдия разыграла свою карту. Интересно только, какая роль во всем этом спектакле будет отведена им? О них забудут? Дадут уйти? Это вряд ли. Скорее уж начнут травлю.

Впору задаться вопросом — что же делать дальше? Залечь на дно, а после, когда всё затихнет, добраться до Мальфита и Сиплого? Связаться с Шэмитом и попробовать играть по правилам? Или плюнуть на всё и забыть также, как он забыл всё остальное?

Утопить воспоминания в бутылке виски — что может быть проще?

Погруженный в мрачные размышления, Кейн не сразу заметил, как рядом с ним кто-то встал. Достав из внутреннего кармана короткой куртки портсигар, незнакомец извлек папиросу и сунул её в рот. Головку спички он приложил к дереву борта и, скосив взгляд на Кейна, произнёс:

— Хорошая ночь сегодня, не правда ли? — чиркнув спичкой, он медленно раскурил сигарету.

— Чего? — Кейн наконец-то обратил внимание на незнакомца: лысый, на пол головы выше самого Кейна и с серьгой в ухе. Он хоть и был прилично одет, но смотря на его хищное лицо, Кейн особого восторга не испытывал. — Ты что-то сказал?

Незнакомец не спешил с ответом. Он выкинул спичку за борт и сделал несколько затягов, прежде чем выдохнуть дым и ответить.

— Хотя, какая разница. Ночь есть ночь. Она была бы намного прекраснее, если бы на небе сияли звезды. — Он обернулся к Кейну. — Мэссэр Брустер, я советую вам приготовиться.

— К чему? — не понял Кейн, но тут же напрягся.

— А вы осмотритесь и сразу всё поймёте. А когда поймёте, прошу вас, постарайтесь выжить.

Незнакомец развернулся и быстро скрылся за дверью в каюты, оставив недоумевающего Кейна стоять у борта.

"Что за чёрт? — голова Кейна отказывалась работать. — Что нёс этот тип? Осмотреться? Что это значит, бездна меня поглотит?".

Ничего не понимая, Кейн огляделся: он стоял на палубе и вокруг не было ни души. Но он не придавал этому большого внимания, ведь ночью на корабле всегда было мало народу. К тому же, местные воды были весьма спокойными и чистыми, не предвещающими неприятностей. А то, что корабль принадлежал гильдии, уже само по себе было определённым гарантом спокойствия.

Дул лёгкий ветер, слегка развевая паруса, фрегат тихонько скользил по воде, слышался

далёкий плеск вёсел, везде горели лампы, ярко освещая весь корабль, а на капитанском мостике крутился штурвал. Всё было тихо и спокойно.

Слишком тихо и спокойно.

Сначала вспыхнувшее непонимание сменилось сомнением. И чем дольше он смотрел, тем больше в нём крепло подозрение и стали появляться вопросы: почему никого нет? Почему он не видит смотровых в "вороньем гнезде"? Почему судно освещено едва ли не всеми лампами, если море от Винтады до Эг-Вигади чище слезы?

Кейн перевёл взгляд на капитанский мостик.

И почему за штурвалом никого нет?

Было еще что-то, колотившееся на самом краю сознания. Что-то он упустил, но и всего остального ему вполне хватило, чтобы опустить руку в карман плаща и сжать холодную сталь. Кейн скользнул во тьму между мачтами и затаился, напряженно прислушиваясь.

Скрипел корабль, покачиваясь на волнах, шумело море, в такт качке клонились лампы, медленно крутилось колесо штурвала. Немного выждав, Кейн, стараясь держаться тени, стал красться к капитанскому мостику. Добравшись до ведущей на него лестницы, он осторожно поднялся и замер, когда увидел неподвижно лежащее в луже крови тело недалеко от штурвала. Быстро оглядев палубу, Кейн вытащил руку с зажатым в ней кусочком стали и, пригнувшись, добрался до мертвеца — он не тешил себя иллюзиями того, что тот может быть жив. Стараясь не наступить в кровь, всмотрелся в убитого — судя по всему, это был рулевой. Его шея была аккуратно разрезана, тело бережно уложено. Судя по кровавому шлейфу, тянущемуся от штурвала, убийца оттащил его в сторону, чтобы труп не было видно с палубы. Работал явно профессионал, о чем говорило и отсутствие вокруг окровавленных следов.

"Так-так-так, уже интереснее, — подумал Брустер, оскалившись. — Уж не недавний ли мой знакомец с тобой поработал, а, приятель? Но тогда в чём смысл его предупреждения? Оригинальный способ завязать знакомство, ничего не скажешь".

Свет фонарей бил ему в спину, поэтому когда слева от него внезапно выросла тень, Кейн не раздумывая рванулся вперед. Затылком он почувствовал мимолётное прикосновение холодного металла. Кувыркнувшись и едва не запутавшись в плаще, он вскрикнул от пронзившей его лёгкие и бедро боли. Но, пересилив себя, резко встал на ноги и занял боевую стойку, выставив перед собой левую руку для защиты, а правую оттянув назад для удара.

Перед ним стоял длинный, худощавый человек, на вытянутое лицо которого падал неровный свет корабельных ламп. Он без труда узнал это лицо.

— Тощий, ты ли это?! Не ожидал тебя здесь увидеть.

Тощий Джек обнажил чернеющие зубы и, поигрывая стилетом с пламевидным лезвием в жилистых руках, ответил:

— А вот такой вот сюрприз, секурила. — Джек стал медленно, двигаясь полукругом и постепенно сокращая расстояние, обходить Кейна. — Ничего особенного, тебя заказали. Обещали щедрый барыш.

— Кто? — Кейн напряженно следил за каждым его движением и старался не упускать из вида палубу корабля на случай, если Джек был не один.

— Это не имеет значения, секурила, — наёмник покачал головой и ткнул в его сторону стилетом. — Давай не будем всё усложнять, мы же оба знаем, что у тебя нет шансов. Кастет лезвию не ровня, да и ты еле живой. Сдавайся, и я обещаю, всё будет бы...

Кейн не стал дожидаться окончания и резко бросился на противника. Стремительно

подпрыгнув, он с силой ударил ногами в грудь не ожидавшего от него такой прыти Джека. Они оба повалились на палубу. Несмотря на то, что Тощему перехватило дыхание, он попытался быстро подняться. Кейн же не стал тратить на это силы и, перевернувшись и подтянув под себя ноги, вновь прыгнул на ещё не опомнившегося убийцу. Он понимал, что если даст ему придти в себя, то его шансы выжить существенно снизятся. Обхватив в полете туловище приподнявшегося противника и врезавшись в него плечом, снова повалил его. С отчаянием утопающего он вцепился в руку, сжимавшую стилет, и навалился всем телом. Джек брыкался под ним, пытаясь вырваться из хватки и, улучив момент, вытянул свою тощую шею и впился зубами ему в плечо. Взревев, Брустер выгнулся и со всей силы ударил коленом в промежность наёмнику, который, задохнувшись, разжал челюсть. Не теряя времени даром, он придавил его ногой и нанёс несколько быстрых ударов кастетом, метя в лицо и шею. Послышался хруст сломанной челюсти и вмятого носа. Захлёбываясь кровью с крошечком собственных зубов, Джек сделал очередную попытку высвободиться, но Кейн нанёс сокрушительный удар ему в горло, ломая шейные позвонки.

Тяжело дыша, Брустер поднялся и, держась за ноющие рёбра, с ненавистью наблюдал за корчащемся в крови наёмником. Отдышавшись, он придавил каблуком всё ещё сжимавшую стилет руку и забрал клинок из ослабевших пальцев. Затем, склонившись над поверженным, Кейн схватил его за волосы и, всматриваясь в налитые кровью глаза, прохрипел:

— Кто? Кто заказал меня Джек? — ответом ему было бульканье и нечленораздельные звуки. В бешенстве Кейн встряхнул его за волосы. — Говори! Кто это был? Мальфит? Или Сиплый?

Но, даже если бы и захотел, Тощий Джек не мог произнести ни слова. Кейн несколько секунд всматривался в него, а потом резко вогнал стилет ему в сердце. Забившись в предсмертных судорогах и ломая ногти о палубные доски, Джек вскоре затих, обмякнув и выпустив из лёгких скопившийся воздух.

Вытащив клинок, Кейн, слегка покачиваясь, встал и осмотрелся — вокруг было также тихо, если не считать шума моря. Но всё-таки его не покидало ощущение, что он что-то проглядел, не учел. Его взгляд вновь скользнул по телу Тощего. Бездна, откуда он здесь вообще взялся? Был на корабле с самого начала? Или...

Глаза Кейна широко распахнулись. И когда Брустер посмотрел в сторону моря, волосы на его затылке зашевелились и он понял, что именно не давало ему покоя.

Вёсла.

Кейн смотрел, как тёмный массивный силуэт скользит по воде в сторону корабля, постепенно увеличиваясь в размерах.

Он слышал плеск вёсел, но их гребцы ночью спят.

Из тьмы вынырнул огромный корабль и протаранил их судно.

3.

Бэну не спалось. Он ворочался с боку на бок, но как бы не старался, сон не шел. Всё что ему оставалось, это лежать на спине и смотреть в потолок маленькой каюты да слушать раздражающий храп Дэйка на соседней койке. И зачем вообще он продолжал возиться с этим изгоем? Он планировал убить его сразу же, как представится возможность, но почему-то медлил.

И Брустер. Почему он сохранил ему жизнь? Ведь всё, что от него требовалось, это дать ему спокойно умереть от заражения крови. Дымок точно бы не пожалел его, если бы узнал о том, кому на самом деле принадлежала идея нападения на Винтру. Но нельзя не признать, что без Брустера выбраться с Винтады было бы весьма... затруднительно. Всё-таки они неплохо сработались, это факт. К тому же, у бывшего разведчика наверняка остались связи, которые могли потребоваться, чтобы залечь на дно. Нет, Кейн ещё полезен, его рано отправлять к Теламару.

Но было и ещё кое-что, не дававшее Бэну покоя.

Фальфард.

Этот сильный ублюдок решил обвести его вокруг пальца и вывести из игры. А ведь если бы не он, то гильдия так просто не избавилась бы от Кромберга и город не достался им столь малой кровью. А его после этого решили просто убрать! Вот и делай после этого добро людям.

Понимая, что заснуть вряд ли удастся, Бэн сел на койке и нашарил под ней сапоги. Ему нужно подышать свежим воздухом, прочистить мозги. А может быть, раздобыть бутылочку виски в качестве снотворного. Да, виски было бы в самый раз.

Бэн потянул на себя дверь и замер — ему в грудь смотрело дуло пистоля. Подняв взгляд, он встретился глазами ни с кем иным, как с Язвой, который стоял в дверном проёме и пялился на него.

Секундное замешательство.

Бэн резко ударил по пистолету. Раздался хлопок выстрела. Пуля раскрошила дверной косяк, лишь слегка оцарапав плечо Костоправа. Не давая противнику времени сориентироваться, Бэн схватился обеими руками за шевелюру Язвы и стал бить его рожей об колено.

Дэйк проснулся от выстрела и рывком сел на кровати. Ничего не понимая, он наблюдал, как Бэн повалил кого-то на пол и, устроившись сверху, обхватил его голову.

Костоправ вдавил большие пальцы рук в глаза Язве, выдавливая их. Раздался душераздирающий крик боли. Он забился под ним и засучил ногами, пытаясь отодрать его руки от собственного лица, но Бэн лишь сильнее навалился, глубже вдавливая пальцы в горячую плоть.

Наконец Язва дрыгнулся в последний раз и замер.

Немного выждав, Бэн ослабил хватку. Убедившись в том, что его противник мёртв, он вытер руки об одежду мертвеца и поднялся. Дэйк, продолжая ошарашенно пялиться на труп, встал рядом.

— Кто это, раскатай меня рельсы?!

— Язва, — коротко ответил Костоправ, продолжая осматривать убитого. — Он с Ямы.

— И? Какого демона ему было надо?

— Ваши души, разумеется, — ответил за Бэна спокойный голос за их спинами.

Стремительно обернувшись, они увидели опершегося о дверной косяк лысого мужчину с сигаретой в зубах, одетого в короткий жилет поверх шелковой рубашки, затолкавшего большие пальцы рук за ремень. Он хладнокровно разглядывал кровавое месиво, оставшееся вместо лица Язвы, и задумчиво жевал папиросу.

— Даю тебе возможность всё объяснить, лысый, иначе в этой комнате станет на одного мертвеца больше. — Бэн шагнул к нему, сокращая расстояние.

Незнакомец даже не пошевелился. Наоборот — он весело улыбнулся и смерил Бэна взглядом с головы до ног.

— А ты хорош. Очень хорош. Ты мне определенно нравишься. — Услышав постепенно нарастающие возгласы пассажиров корабля в коридоре, разбуженных криками, лысый подмигнул ему и улыбнулся ещё шире. — У нас гости. Но перейдём к делу — скоро начнётся знатная заварушка. Я помогу вам выбраться: тебе, Брустеру и изгою.

— А где гарантии, что ты не из этих? — Бэн кивнул себе за спину, указывая на труп.

— Потому что я бы нажал на курок сразу, как только ты открыл дверь.

Костоправ несколько секунд смотрел в холодные глаза незнакомца, затем кивнул. Соображал он быстро.

— Что надо делать?

— Прежде всего мы поднимемся наверх, — распорядился незнакомец, — а затем...

Но оглушительный толчок и брызги воды, заполнившие каюту, не дали ему договорить.

4.

Корабль накренился от удара и Кейн не удержался на ногах. Заскользив к перилам капитанского мостика, он перевалился через них и упал на палубу. От дальнейшего падения его остановил стилет, лезвие которого он вогнал в доски. Несколько ламп выскочили из гнезд и разбились, разметав повсюду горящее масло.

Когда фрегат вернулся в прежнее положение, Кейн услышал пушечные выстрелы, свист ядер и треск проломленного дерева. Один из снарядов угодил прямо в капитанский мостик и снёс штурвал, другой повалил бизань мачту и она упала вдоль палубы, а раздувающаяся парусина угодила прямо в огонь, практически мгновенно вспыхнув и отделив один борт от другого.

Повезло, — подумал Кейн, вскакивая на ноги и бросаясь под лестницу. — Если бы меня не выкинуло с мостика...

Раздались крики нападающих, которые по тарану перебирались на палубу. Сжимая вспотевшей ладонью рукоять стилета, Кейн наблюдал, как они разделились на несколько групп — одни бросились пробиваться в трюм, другие, вооруженные клевцами и топорами, кинулись к шлюпкам.

Они испортят все шлюпки, чтобы никто не ушел. — Рот Кейна перекосило и он зарычал. — Бездна! Надо спасти хоть одну!

Выждав удобный момент он выскочил из своего укрытия. Поднырнув под поваленную мачту, добрался до груды ящиков и упал за ними. Наглотавшись дыма, его так и порывало зайти в кашле, но вцепившись зубами в рукав собственного плаща, ему удалось сдержаться. Он осторожно выглянул и попытался разглядеть шлюпки несмотря на бьющий прямо в лицо дым — на таком фрегате было четыре шлюпки, по две с каждого борта.

Из-за слезящихся глаз всё вокруг расплывалось и Кейн пропустил момент, когда к ближайшей к нему шлюпке подскочил наёмник с клевцом и принялся рубить её. Перехватив стилет лезвием к себе, он бросился к нему и, схватив за волосы, несколько раз вогнал лезвие в незащищённое горло. Не обращая внимания на забившегося в конвульсиях наёмника, Кейн быстро осмотрел шлюпку и зарычал от досады — с такой дырой далеко не уплывёшь.

Он отбросил стилет и перекинул кастет в левую руку. Затем склонился над убитым и снял у него с пояса шпагу. Что ж, теперь у него по крайней мере есть нормальное оружие. Перевернув тело, он обнаружил выпавший пистоль, но, к сожалению, весь пропитанный кровью. Вряд ли из него теперь можно стрелять. Кейн ещё раз осмотрел тело и только сейчас обратил внимание на его мундир.

Синий мундир с латунными пуговицами.

Что ж, по крайней мере теперь он уверен, что нападающие — люди гильдии. Видимо, Тощий (скорее всего с подельниками) либо был на корабле, либо приплыл на шлюпке, зачистил палубу и зажег лампы, чтобы обозначить фрегат для абордажа. Но какой смысл нападать на собственный корабль и убивать своих же людей? Не проще было бы схватить их (а Кейн не сомневался, что пришли они именно за ними) спящими? Ведь у них наверняка есть их проекция, и слова Тощего Джека тому подтверждение.

С левого борта послышался оглушающий взрыв и треск. Вздвогнув, Кейн обернулся и увидел выскочившего к первой носовой шлюпке ещё одного наёмника с топором наперевес. Заметив Брустера, он резко поменял цель и с криком кинулся на него. Кейн увернулся от размашистого удара топором и молниеносно ударил кастетом в лицо, а затем распорол брюхо атакующего. Несмотря на рану, тот ещё пытался встать, но он пресёк его попытки точным ударом в сердце.

Кейн злобно взмахнул шпагой, стряхивая кровь, и обернулся, приготовившись продать свою жизнь подороже.

От удара головой Бэна оглушило, но он быстро пришел в себя. Достав из под койки свой топор, он встал и, хрустнув шеей, направился к выходу. Остановившись перед поднявшимся на ноги незнакомцем, коротко поинтересовался:

— Куда? — Бэн покосился на Армастро, вставшего рядом с ним с мечом в руках.

Лысый поправил заткнутый за пояс пистоль и вытащил из ножен короткий меч, после чего достал из кармана небольшой камень. Приложив его к губам, он быстро что-то прошептал и камень тут же запульсировал. Снаружи послышался грохот выстрелов.

— Будем прорываться наружу, — ответил он. — Наша цель — добраться до правого борта, там нас будет ждать готовая к отплытию шлюпка. Остаётся только спустить её на воду. Задача ясна? — они кивнули. — Вот и ладненько. Стойте здесь, нам надо немного подождать.

Он встал у двери, сжимая в руках свой странный камень, выглядывая в коридор и прислушиваясь к крикам пробравшихся внутрь наёмников. Слышались хлопки мушкетов и редкий звон стали. Вскоре топот стал ближе и Лысый что-то быстро сказал в камень и кинул его в коридор. Спустя мгновение раздался мощный взрыв, от которого у них заложило уши, но чувство глухоты быстро прошло. Из-за двери раздавались стоны и крики раненных, в шоке пытающихся не дать собственным кишкам вывалиться из живота.

Бэн уже было хотел броситься в атаку, но незнакомец удержал его.

— Сначала мясо.

— Чего? — непонимающе переспросил Дэйк, но когда увидел бегущих с криком выживших членов экипажа и пассажиров, то всё понял.

Как только стало ясно, что основной бой перетёк наружу, Лысый резко скомандовал:

— Всё, вперёд!

Как только они выбежали в коридор в нос им ударила вонь палёной плоти, от которой Дэйка сразу замутило. Костоправ же лишь усмехнулся и поудобнее перехватил топориче. Выскочив наружу, он сразу же кинулся в самую гущу схватки и с воплем крутанул топором, не заботясь о том, что может задеть своих.

Подняв над собой окровавленное лезвие, Бэн улыбнулся безумной, счастливой улыбкой и рассмеялся.

Пришло время хорошенько повеселиться.

Кейн отбил очередной выпад и отступил, тяжело дыша. Он раздраженно смотрел на ухмыляющегося юнца, уверенного в своей победе.

— Ну что, папаша, выдохся? — презрительно хохотнул малец. — Может, тебе дать время отдохнуть, а? Ты только попроси, не стесняйся!

Их шпаги вновь сошлись. Паренёк фехтовал умело, этого у него не отнять. А умение,

помноженное на молодость и ярость, делали его вдвойне опасным. Они кружили друг против друга, обмениваясь звонкими ударами и выкручивая обманные финты в попытках пробить оборону противника. Но пока что все их успехи сводились лишь к паре незначительных царапин.

— Я вот никак не могу понять, — юнец разорвал дистанцию и облизнул пересохшие губы, — как такой старикан, который и шпагу-то в руках держать не умеет, умудрился положить аж двоих наших? Не поделишься секретом, а, дедуля?

Парень вновь кинулся в атаку, а Кейн, наблюдая за ним, лишь печально усмехнулся — ему бы бывшего учителя, и лет эдак через пять из него вышел бы толк. А так...

Он отбил удар и шагнул вплотную к мальцу, скрестив клинки и навязывая ему силовое противостояние. Парень не стал отступать, посчитав, что раз он моложе и сильнее, то с лёгкостью откинет запыхавшегося старика и уже без проблем добьёт. Но Кейн и не собирался мериться с ним силами. Он крепко схватил юнца за локтевой сгиб правой руки и резко вывернул его, после чего нанес несколько быстрых ударов гардой по открывшемуся лицу соперника. Сделав перезахват с локтя за кисть, Кейн сделал полшага назад и вогнал клинок в грудь ошеломлённому парню.

...а так парнишка дерётся слишком честно.

— Делюсь секретом, — прошептал он на ухо умирающему, продолжавшему отчаянно цепляться за его плащ. — Вот так я умудрился положить четверых ваших.

Кейн оттолкнул его и рывком выдернул шпагу из падающего тела. Переводя дух, он напряженно прислушивался к хлопкам выстрелов и звону стали, что раздавались на той стороне борта, от которого его отрезала горящая мачта — проход оставался только возле носа, куда ещё не добралось пламя. Судя по всему, там шла знатная поножовщина, в которую он вовсе не горел желанием вмешиваться. Брустер покосился на истекающий кровью труп. Ему хватало и того, что временами к нему заглядывали гости. Не считая этого сопляка, он видел и пассажиров фрегата — некоторые сразу же бросились в море, надеясь выжить за пределами корабля, другие же кинулись к уцелевшей шлюпке, но, увидев её неисправность, либо возвращались к битве, либо следовали вслед за первыми.

Прогремел нестройный залп пушек и Кейн невольно пригнулся. Носовую шлюпку снесло ядром вместе с куском борта и вышвырнуло в море. Пожирающий корму и палубу огонь взметнулся, подобно вырвавшемуся из бездны демону, в оскалившейся пасти которого полыхает древнее пламя. Всё вокруг заволочло едким дымом. Было невозможно дышать. Глаза слезились. Услышав топот, Кейн, кашляя и прикрывая рот и нос рукавом, поднял шпагу, собираясь встретить нового соперника, но первый из нападающих остановился напротив него и закричал:

— А, мэссэр Брустер! Я смотрю, вы тут без нас не скучали!

Перед ним стоял его недавний знакомец с коротким мечом в руках. Он весело улыбался несмотря на то, что был весь в крови, из чего Кейн сделал вывод, что она принадлежала не ему. Рядом с ним затормозил запыхавшийся Армастро, наспех перевязывающий тряпкой распоротую ладонь. А вот третьего человека Кейн узнал без труда — с ног до головы покрытый кровью, в разорванной одежде, с многочисленными порезами по всему телу, он судорожно стискивал в руках сломанное топорище и с обжигающей яростью смотрел на него одним глазом, потому что второй весь распух и был покрыт алой запёкшейся коркой. Кровавый Костоправ из Антригора, так сказать, во плоти.

Бэна всего трясло. Он рвался в бой и был недоволен тем, что им пришлось покинуть

поле брани. Он был в своей стихии и только разошелся, рубя уже каждого, кто подвернется под свирепый удар его топора, как эти ублюдки зарядили по ним из пушек. У него до сих пор перед глазами стояло летящее в него ядро. Костоправ всё ещё не верил в то, что остался не только в живых, но и при всех конечностях. Видимо, пушку так хреново зарядили, что ядро едва вылетело. А как ещё можно объяснить то, что он смог отбить топором летящий в него снаряд??

Он во всех подробностях запомнил этот момент: бьющий по перепонкам пушечный выстрел, сливающийся в единую канонаду с криками сражающихся, обжигающая гортань пороховая гарь, ядро, появившееся из окутавшей борт дымовой завесы и летящее ему прямо в грудь. Время замедлило ход. Воздух загустел, а сердце словно остановилось и кровь мгновенно прекратила свой бег. Из его груди вырвался бешеный вопль, который, он был готов в этом поклясться, больше напоминал вопль старика. Тогда он не успел осознать, почему всё это показалось ему до боли знакомым, но сейчас понял — подобные ощущения всегда сопровождали его в использовании колдовства. В любом случае, ядро это не остановило. Костоправ со всевозрастающим отчаянием понимал, что не успеет отпрыгнуть. Тогда он просто взмахнул топором, вложив в этот замах всю свою силу. Время вернулось в привычный ритм. Бэн попал точно по ядру. Мышцы свело от напряжения, топорище в его руках треснуло, а лезвие разлетелось на десятки осколков, один из которых угодил ему прямо в лицо, рассёк бровь и едва не лишил левого глаза. Но это меньшее из того, что он мог потерять.

Во всяком случае его усилия не пропали даром и он смог сбить ядро с прежнего курса. Снаряд попал в группу сражающихся, превратив их в кровавое месиво. Бэна обдало их горячей кровью и отбросило в сторону. Оглушенный, он пытался подняться, рыча и размахивая перед собой обломком топорища. Потом появился Лысый и утащил его за собой. И сейчас, оклемавшись, он жаждал вновь ринуться в битву.

— Так, коли все в сборе, пора отсюда уматывать. Вы так не считаете? — Незнакомец посмотрел себе за спину. — Да поживее, пока до нас не добрались.

— Как? Все шлюпки испорчены, — раздраженно прохрипел Кейн, всё ещё откашливаясь. — Или ты предлагаешь уйти вплавь?

— Мэссэр Брустер, вы что-то путаете, моя лодка в полном порядке.

Он побежал вдоль палубы к корме, перепрыгивая через обломки капитанского мостика. Они последовали за ним. Остановившись у фальшборта, рядом с длинным, массивным ящиком, полуприкрытым парусиной, Лысый оглянулся на них, и, усмехнувшись, сдёрнул ткань, открыл зажимы и откинул крышку — их взглядам предстала новенькая лодка, полностью готовая к спуску на воду.

— Никогда не плаваю на корабле без заднего хода, — пояснил он и быстро оглядел содержимое шлюпки, проверяя всё ли на месте.

— Сзади! — закричал Армастро, отталкивая Кейна плечом и скреживая клинки с выскочившим из дыма наёмником, меч которого чуть было не проткнул Брустеру хребет.

Зарывав, подобно зверю, Костоправ подпрыгнул к эгидовцу, молниеносно перехватил руку с мечом и воткнул обломок топорища, который всё ещё сжимал в кулаке, ему под подбородок. Отшвырнув захлёбывающегося кровью убийцу в огонь, Бэн повернулся к ним.

— Я помогу с лодкой, а вы прикройте!

Вместе с Лысым Костоправ схватился за канаты, концы которого были заранее привязаны к шлюпке, и с натугой поднял лодку. Перевалив её через край фальшборта, они

принялись спускать её на воду, травя канаты так быстро, как только могли.

Перегородив путь к шлюпке, Кейн и Дэйк вступили в яростную схватку как с наёмниками, так и с обезумевшими членами экипажа и пассажирами, пытающимися прорваться к лодке — в горячке боя они абсолютно не задумывались над тем, что эти люди просто хотят выжить.

Кейн отбросил очередного соперника, распоров ему брюхо, когда вновь загремели пушечные выстрелы. Услышав треск, он обернулся и расширившимися от ужаса глазами увидел ядро, которое от удара о грот-мачту сменило траекторию и полетело прямо на них.

Снаряд упал на палубу, во все стороны брызнула щепка.

Кейн зажмурился и закрыл лицо локтем. Взрывная волна ударила ему в грудь и его ноги оторвались от пола.

Ядро, продолжая движение, отскочило от палубы и пролетело менее чем в полуметре от Брустера.

Дэйк, смотря на летящий в него снаряд, не успел ничего предпринять. Мгновение — и его опшметки разнесло по всему борту.

Кейн летел вперёд спиной. Недолгий полёт вниз прервался мощным ударом о воду, вытолкнувшим из лёгких практически весь воздух. Захлёбываясь солёной водой, он стал погружаться на дно.

Вот и всё. Конец.

Сейчас он утонет и его долгий, бессмысленный путь прекратится и наступит долгожданный покой. Разве он не этого хотел? Разве не для этого он забыл своё прошлое? Ведь у него нет ничего, ради чего стоило бы жить: ни семьи, ни друзей, ни родины. Так зачем же пытаться выжить?

Кейн перестал барахтаться и замер, позволяя своему телу медленно опускаться на дно. Над ним десятки людей пытались удержаться на плаву, выжить среди огня и воды, цеплялись за своё жалкое существование. Зачем? Ведь рано или поздно они всё равно умрут. Весь мир умрёт.

Он закрыл глаза.

У людей нет будущего. Мир умирает. Мы сами убили его. И мы до сих пор, так ничему и не научившись, ничего не осознав, продолжаем безрассудно добивать его, наслаждаясь его агонией, приближая собственный конец.

Нет ада.

Нет рая.

Нет богов.

Если мы не изменимся, то просто исчезнем и никто, никогда о нас не вспомнит.

Второго шанса не будет. Мир не даст его нам.

Такова наша судьба — исчезнуть в безвременье.

Бэн запрыгнул в шлюпку и ударом ноги столкнул обратно в воду почти забравшуюся в неё женщину. Схватив весло, он отогнал ещё нескольких желающих. Дождавшись Лысого, спрыгнувшего следом за ним, вставил вёсла в металлические уключины и, налегая со всей силы, с каждым мгновением стал отплывать всё дальше от корабля.

— Где остальные? — оглядываясь, спросил Лысый.

— Мертвы, — коротко ответил Бэн. — Разорвало ядром.

Нахмурившись, незнакомец посмотрел в сторону удаляющегося корабля, объётого

пламенем.

— Что ж, очень жаль.

5.

Винтада. Его родной дом. Винтада — место, где жила его мечта.

Кейн наклонился и набрал горсть родной земли. Пыль вперемешку с пеплом сочилась сквозь пальцы, ветер подхватывал её и уносил в море. Свинцовые тучи нависли над ним. Прозвучали первые раскаты грома.

Ливень беспощадно хлестал его тело, струи воды текли по лицу, смешиваясь со слезами. Ветвящаяся молния вспыхнула и погасла, осветив одинокую фигуру, которая карабкалась к вершине. Ноги вязли в грязи, он падал на острые камни и раны сочились кровью. Но Кейн не останавливался. Мышцы рвались от напряжения, но он лишь крепче сжимал истёртыми ладонями ремни и тащил каменные надгробья к вершине.

У него нет права останавливаться.

Нет.

Его крик сливался с раскатами грома и он делал ещё один шаг.

Тонред Байлетс стоял у подножия горной тропы. Пнув пустую бутылку, лежащую на его пути, он начал подъём.

Небольшое плато с ковром из пожелтевшей травы, со всех сторон окруженное кусками нависших скал. Три камня — два больших и один маленький — стояли в середине. У этих валунов, спиной к нему, сидел человек в грязном, со следами засохшей крови, разорванном мундире колониального разведчика, а у его ног стояла наполовину пустая бутылка. Тонред тихо подошел к нему.

— Она мечтала жить на берегу моря, каждый день любоваться закатами и рассветами. — Пустой, безжизненный голос Кейна заставил его сердце болезненно сжаться. — Говорила, что морской воздух полезен... — он шумно сглотнул подступивший комок — ...для ребенка. Я обещал, что когда война закончится, я вернусь и построю нам дом на берегу моря. А к маме хотел перебраться дядя Олмас, — горькая усмешка. — Старый прохвост был в неё влюблен. Любви все возрасты покорны! — Брустер потянулся за бутылкой и надолго приложился к ней, а потом махнул на сероватый могильный камень. — Этот камень должен был стать фундаментом нашего дома. — Кейн встал, его жутко качало, но он опёрся на валун и повернулся к Тонреду. — Должен был, но, как видишь, не стал.

Его было трудно узнать: небритое лицо осунулось, в волосах путались комки грязи, под глубоко впавшими глазами чернели мешки.

— Кейн...

Брустер проковылял к краю плато. Море бушевало, каждый порыв ветра заставлял его качаться, точно сухой лист на гнилой ветке.

— Кейн... Кейн, послушай меня. Война закончилась, нас ждёт новая жизнь.

Он хрипло засмеялся, чуть не захлебнувшись алкоголем.

— О дааа!!! Война закончилась! Война, которой никогда не было! Урааааа!!! — он перестал смеяться и посмотрел на замолчавшего Байлетса. — Да, Тон, война закончилась. А кто победил? М? Старый мир ушел на дно. Пуф! — он развёл руки в стороны. — И всё... А

теперь, оказывается, он таким и был! Не было никогда войн! Все жили в радости, счастье и единстве! Давайте возьмемся за руки и поведем хоровод, йииихооо!!!

— Кейн, зачем ты так...

— А как надо? Принять новую, слащавую историю об идеальном прошлом, которую придумали эти мудаки из Акмеи? И кому я её буду рассказывать? — он замолчал. — Тебя дома ждёт семья, Тон. Жена, сын. А меня вот никто не ждет. Я никому не нужен. У меня нет будущего. Я один. Совсем один... Я выжил на этой войне и вернулся в пустой дом... Хотя, — он горько усмехнулся, в глазах заблестели слёзы, — у меня даже дома-то не осталось. Мама умерла. А Матильда, — он запрокинул голову к тёмным небесам, по щеке заскользила слеза, — Матильда тоже умерла... А ребёнок? Мой ребёнок, Тон? Моя девочка... Я никогда не услышу её голоса. Не возьму её на руки. Не поцелую на ночь. — Кейна затрясло. — Она никогда не пойдет на первое свидание... Никогда не скажет — ты скоро станешь дедушкой... НИКОГДА!

Он в ярости швырнул бутылку в равнодушное море, и, не устояв, упал на землю. Острый камень рассёк ему лоб. Кровь, смешиваясь со слезами, стала заливать лицо. Не замечая этого, Кейн подполз к маленькому надгробному камню и обнял его.

Это моя вина, Тон... Если бы я не приказал ждать ночи... Если бы мы атаковали сразу, они были бы живы... Моя вина... только моя...

Он до крови царапал свои пальцы о камень. Об имя своей нерождённой дочери.

Она никогда не скажет мне папа Тон... Никогда.

Тонред сделал шаг назад. Ему было больно видеть это, больно слышать. Он перевёл взгляд на один из камней и прочёл имя — Матильда Брустер.

Тон закрыл глаза.

Да, Кейн, так будет лучше.

Он развернулся и уже собрался уходить, но остановился у края плато. В последний раз Тонред обернулся и посмотрел на человека, лежащего ничком, бормотавшего что-то бессвязное, обхватив руками могильный камень и водя пальцами по выдолбленному на нём имени.

Да, так будет лучше для всех.

Лучше для неё.

Прощай, Кейн.

6.

Рывком Кейн вернулся в сознание. Его мозг готов был взорваться от напряжения, из носа и ушей шла кровь, лёгкие горели, а перед глазами мелькали давно забытые образы, вспыхивали лица, звучали имена. Пересилив нахлынувшее безумие, Брустер заставил уже было одеревеневшие мышцы работать. Но он ушел слишком глубоко под воду и до сих пор продолжал погружаться. Несмотря на отчаяние ему всё же удалось засунуть руку в карман и вытащить ещё один кастет, который он вместе со вторым затолкал в рот и крепко стиснул зубами. После этого с огромным усилием стянул с себя плащ. Почувствовав облегчение, он рванул к поверхности, напрягая последние силы и почти теряя сознание от нехватки воздуха.

"Я не смогу" — с ужасом подумал Кейн. Его сознание медленно гасло, сердце замедляло свой бег. Но Брустер пересилил себя и устремился вверх, к свободе, к жизни.

Вода над ним расступилась и он вырвался из смертельных объятий. Прежде, чем вновь рухнуть под воду, ему удалось жадно втянуть носом немного воздуха. Последней разумной мыслью он вытащил изо рта кастеты и крепко зажал их в руке. Вынырнув, Кейн стал дышать. Отхаркивал воду, смеялся как сумасшедший, хрипел, плакал, но он был жив и он дышал!

"Надо выбираться отсюда, — подумал он, когда приступ безумия стал сходить на нет и к нему вернулась способность связно мыслить. — Надо выбираться... Ухватиться за что-нибудь, иначе я вновь начну тонуть."

Повсюду слышались вопли пассажиров тонущего корабля, крики о спасении, проклятья, бессмысленные угрозы. Над его головой всё ещё слышались хлопки выстрелов и звон стали тех, кто отчаянно продолжал сражаться. Благодаря горящему судну было отчётливо видно, что вся поверхность воды усеяна обломками фрегата и телами как живых, так и мёртвых.

Стараясь прилагать минимум усилий и беречь силы, ему удалось удержаться на поверхности и очень медленно начать плыть. Он опасался, что тело сведёт судорогой и старуха смерть вновь потащит его к себе, но ему наконец удалось доплыть до какой-то коряги и ухватиться за неё. Стуча зубами, Кейн затолкал кастеты в карман штанов и стал понемногу работать ногами, стремясь отплыть как можно дальше от освещённой зоны. Он понимал, что как только нападающие закончат с кораблём, они переключатся на выживших. А то, что они захотят выловить их даже ради того, чтобы продать в неволю, Кейн сильно сомневался. Сейчас, ночью, хотя бы есть шанс, хоть и мизерный, что удастся спастись, а вот с наступлением утра все трупы утонут и найти уцелевших будет проще простого.

Ему уже удалось достаточно далеко отплыть, как вдруг совсем рядом он услышал хныканье и детский плач, который иногда смолкал, сменяясь на бульканье и хлопки по воде. Всматриваясь в темноту впереди, Кейн стал осторожно плыть в их сторону, пока не увидел уходящие под воду тонкие руки. Не понимая толком зачем он это делает, Брустер поддался импульсу и нырнул. Крепко схватил тонущего за волосы, со всей силы потянул вверх.

— Да не барахтайся ты! — взревел он, прижимая к себе кричащего мальчугана, который стал колотить его и отчаянно пытаться вырваться. — Оба же потонем!

Либо мальчика оставили силы, либо он прислушался к его словам, но дрыгаться и сопротивляться перестал. Доплыв до коряги, Кейн распорядился:

— Хватайся покрепче! Вот так! Молодец.

Некоторое время они просто дрейфовали, давая себе время немного отдохнуть. Кейн хмуро рассматривал черноволосого мальчишку лет двенадцати — видимо, капитан фрегата по благу перевозил целые семьи. Тогда нет ничего удивительного в том, что Клошар стремился как можно быстрее покинуть порт Веноваля и содействовал побегу Брустера — начальство Эгиды вряд ли было бы в восторге от подобной "инициативы" одного из своих капитанов.

Кейн осторожно заговорил:

— Так, отдышались и хватит. Сможешь грести? Нам нужно отплыть как можно дальше.

Парнишка ничего не ответил, но всё же весьма отчётливо кивнул, стуча зубами.

— Вот и хорошо. Тогда насчет три. Раз... два... взяли!

Поддерживая друг друга они медленно поплыли вперед.

Кейн пока старался не думать о том, что они будут делать, если выживут. Но мысли о том, что без воды и еды они долго не протянут, всё равно проникали в его голову.

Хотя холод наверняка прикончит их намного раньше.

Вздрагивая от взрывов, они каждый раз оборачивались, ожидая увидеть погоню, и каждый раз вздыхали с облегчением. Иногда Кейну слышались удары вёсел о водную гладь и он думал, что уж теперь-то им точно пришел конец, но никаких лодок поблизости не было.

Возможно, им всё-таки удастся уйти незамеченными.

— Рад видеть вас живым, мэссэр Брустер! — вдруг раздался над ними радостный крик. — А то мы уж было хотели причислить вас к усопшим!

Кейн вертел головой и ничего не понимал. Он слышал голос, но не видел говорившего. И тут прямо перед ними, словно вынырнув из пустоты, появилась лодка. Сидевший в ней незнакомец с усмешкой держал в одной руке подзорную трубу, а в другой вертел магифактную завесу — небольшую пластину из тёмного металла, благодаря которой их шлюпку удалось сделать невидимой.

— Вам несказанно повезло, что я решил немного осмотреться и не забыл захватить с собой трубу с ночными стёклами. — Лысый потряс подзорной трубой. — Не будь её, мы бы вас точно не нашли. Правда, мэссэр Уилторс?

Только сейчас Кейн заметил сидевшего на другом конце шлюпки Костоправа, который с недовольным лицом стискивал древко вёсел и смотрел в сторону, словно бы не замечая барахтающихся в воде.

Ещё-бы немного и они отплыли достаточно далеко, чтобы этот Лысый точно не заметил выжившего Брустера! Бэн даже задумывался, не ударить ли веслом по этой гладкой черепушке, но в последний момент передумал — всё-таки сначала стоит узнать, кто он и почему их спас.

— В любом случае, давайте поспешим, — продолжал тем временем незнакомец. — Попрошу на борт, господа.

Кейн отцепился от спасшего их обломка и подплыл к мальчугану.

— Держись за меня.

Тот, весь трясясь и стуча зубами, обхватил его за шею.

— Эээ, нет-нет-нет, мэссэр Брустер! У нас место только на одного пассажира, — тут же запротестовал Лысый.

Кейн схватился за борт лодки и запрокинул голову, крепко прижимая к себе паренька.

— Он плывет с нами. Это не обсуждается.

— Мэссэр Брустер, вы должны меня понять. — Незнакомец сокрушенно покачал головой. — Лодка рассчитана только на троих, а никак не на четверых. Один пассажир лишний.

Бэн очень внимательно на него посмотрел. На троих? Интересно, и кто бы оказался "лишним", выживи Армастро?

Кейн же лишь мрачно усмехнулся. Конечно, можно было бы "согласиться", а после попытаться вырубить Лысого, но, учитывая что Брустер был не в самой лучшей форме, это было плохой идеей. Да и аргумент в виде двух пистолей, заткнутых за пояс незнакомца, уверенности не прибавлял. Да даже с поддержкой Костоправа (в которой он сомневался) риск был слишком велик.

— Тогда забирайте парня. Я уж как-нибудь сам выберусь. Не в первой.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Улыбка на лице незнакомца угасла. Он побарабанил пальцами о борт и, вздохнув, развёл руками.

— Ну что ж, это ваш выбор. — Достав из-за пояса пистоль, он направил его дуло в лицо Кейну. — Очень жаль, что в вас так не вовремя проснулось благородство.

Хлопнул выстрел и Кейн невольно зажмурился, приготовившись к дробящему удару и боли. Пороховая гарь ударила в нос, смешавшись с запахом крови, окатившей его лицо. Он почувствовал, как что-то мягкое и горячее уткнулось ему в шею. Кейн разлепил окровавленные веки и посмотрел на обмякшего на руках мальчика, лицо которого заливала кровь из раздробленного лба.

— Теперь ваша совесть чиста, мэссэр Брустер. — Незнакомец убрал пистоль за пояс и достал второй. — И у нас освободилось одно место. Так что настоятельно рекомендую, пожалуйста, залезайте в шлюпку.

Кейну с трудом удалось сбросить с себя оцепенение и разжать объятая, позволив мальчику соскользнуть с его плеча. С ненавистью он посмотрел на убийцу и подтянулся, забираясь в лодку.

— Только без глупостей, мэссэр Кейн. — Лысый угрожающе навёл на него пистоль. — В наших общих интересах, чтобы вы побыстрее остыли. В противном случае всё может закончиться плачевно. Мы поняли друг друга?

Кейн уселся с краю лодки и, буравя взглядом незнакомца, едва смог подавить в себе желание кинуться на него. Усилием воли он заставил себя кивнуть.

— Вот и славно. — Он тоже присел, но так, чтобы видеть их обоих. — Сейчас вы на меня злитесь, это нормально. Но вы должны понять меня — для того, чтобы выжить, нам необходимы три вещи: хорошая погода, рабочая сила и контроль над потреблением припасов. И если первый пункт от нас не зависит, то оставшиеся два подлежат контролю. — Лысый качнул дулом в сторону моря. — Мальчик был слишком слаб, чтобы сидеть на вёслах. К тому же он бы бессмысленно тратил наши припасы. Он был лишней единицей, обузой, и чем быстрее вы это поймёте, тем лучше. А вот друг другу мы нужны — мне необходима ваша рабочая сила, а вам нужен я, потому что в отличии от вас, я знаю, куда плыть. Поэтому, для более продуктивного сотрудничества, нам лучше подружиться. Вы так не считаете?

Дёрнув щекой, Брустер вновь кивнул.

— Отлично. — Он опустил пистолет, но убирать за пояс не стал. — Мэссэр Уилторс, нам пора отчаливать. Я установлю завесу.

Кейн посмотрел на то место, где совсем недавно плавало тело спасённого и погубленного им же парнишки, но его уже не было. Морская пучина поглотила его. Подняв

взгляд, он ещё долго наблюдал за горящими остатками корабля и прислушивался к далёким отзвукам взрывов.

"Все погибшие сегодня ночью на нашей совести. — Кейн сжал сквозь промокшую ткань штанов свои кастеты. — Если бы нас не было на этом корабле, они были бы живы. Ну ничего. Кастору и Фальфарду это с рук не сойдёт. Время расплаты ещё наступит."

В этом он не сомневался.

7.

Они гребли уже без малого несколько часов, попеременно сменяясь на вёслах и не делая остановок. За всё время никто не проронил ни слова — каждый был погружен в собственные мысли и не желал делиться ими с остальными. Но когда чёрное небо сменилось серым, Бэн кинул вёсла на дно лодки и, разминая затёкшие плечи и шею, громко объявил:

— Всё, я пас!

Незнакомец встал и, достав подзорную трубу, осмотрелся.

— Думаю, мы оторвались. — Со щелчком собрав трубу, он вернулся на место с довольной улыбкой. — Поздравляю вас, мы спасены.

Бэн фыркнул, а Кейн лишь передёрнул плечами.

— Это нужно отметить, — продолжил Лысый и, пошарив в мешках, достал кусок вяленого мяса, колбасу, хлеб и бутылку виски. — Налетайте, но не советую слишком усердствовать — припасов не много, а впереди у нас ещё долгий путь. Как я и говорил — необходим контроль и экономия.

Бэн с жадностью умял свою порцию, а Кейн к своей даже не притронулся. Он предпочёл приложиться к бутылке и теперь жалел об этом — после солёной воды, которой он изрядно наглотался, виски был явно лишним. К тому же давали о себе знать сломанные рёбра и последствия оторванного мизинца. Да и купание в холодной воде на пользу не пошло — хорошо ещё, что у Лысого нашлась лишняя рубаха. Он чувствовал, что разваливается. Всё тело ныло, требуя отдыха, но Кейн заставлял себя не спать. Передав Костоправу бутылку, он встал и справил нужду в море. Немного полегчало.

— А куда мы держим путь можно узнать? — Кейн сел обратно и пристально посмотрел на незнакомца. — Или нам не положено?

— Отчего же нельзя, — тот пожал плечами, — можно. Мы плывём в Ригаду.

— Зачем? — Бэн оторвался от бутылки.

— Там мы сядем на корабль до Накруша.

— А потом? — спросил Кейн.

— А потом всё. Накруш наша конечная остановка.

— Допустим. А кто ты сам такой, не просветишь?

— Я? Я всего лишь добрый швец, которому взбрело в голову спасти вас, вот и всё.

Кейн усмехнулся:

— Ну, раз всё так просто, то я, пожалуй, сойду в Ригаде. А ты, Костоправ? Надо тебе и Накруш?

Бэн поправил повязку на глазу.

— Да как-то не особо.

— Вот и отлично. — Брустер не сводил взгляда с незнакомца, который некоторое время молчал, задумчиво сведя ладони вместе и барабанил пальцами.

— Хорошо. Давайте начистоту. — Он сложил руки в замок и опустил на колени. — Меня зовут Грэйз. Я работаю на одно щедрое и очень влиятельное лицо в Накруше, которое иногда помогает добрым людям. Когда стало известно, что Эгида набирает таких старичков,

как вы, меня послали в Яму разведать что к чему. И там не происходило ничего сверхинтересного до тех пор, пока я не сел на корабль и не появились вы. — Он растопырил пальцы и указал на них. — Признаюсь честно, я был впечатлён — мало кто может устроить такую бучу. Но, будучи хорошо знаком с характером Сиплого, я знал, что так просто он вас не отпустит. Поэтому, уверенный в том, что вы вскоре будете кормить рыб, я решил организовать своё, а заодно и ваше спасение. И вот, — он развел руками, — мы здесь. Всё просто.

Кейн нахмурился.

Значит, всё-таки Сиплый.

Он недооценил лейтенанта. Ещё по бойне в Винтре должно было стать понятно, что ему плевать на сопутствующие потери. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он пожертвовал собственным кораблём ради того, чтобы в историю канули все "лишние" люди. К тому же обставить всё произошедшее как нападение пиратов или внезапный шторм не составит труда — в наше время да при нынешней погоде корабли нередко пропадают. Так что тут они сработали чисто, не подкопаешься.

Кейн окинул мрачным взглядом море и невольно оглянулся назад, туда, откуда они прибыли и где на морское дно погрузилось перевозившее их судно. Он опустил голову и стал рассматривать свои руки. Не успел он смыть кровь Винтры, как вновь окунул их по локоть. Война никогда не закончится. Она у людей в головах. Она впиталась в их сердца и отравила души. Жестокость сроднилась с природой человека и стала образом жизни. Брустер закрыл глаза и сжал кулаки. И если ты хочешь, чтобы справедливость восторжествовала, придётся стать таким же ублюдком, как и все остальные.

"Ну что ж, Фальфард, посмотрим, как ты запоешь, когда я представлю общественности материалы журналистов и припру Эгиду к стенке,"- подумал он и ошарашенно распахнул глаза.

Магифакты! Документы! Все доказательства, которые собрали журналисты! Всё осталось на корабле! Бездна!!!

Он сдавленно зарычал. Была потеряна даже табула, переданная ему Гарном! Прекрасно! Просто прекрасно! Лучше и быть не может!

Его плечи поникли. Кейн почувствовал, что жар лихорадки вновь возвращается, и снова закрыл глаза, борясь со слабостью и тошнотой.

Пусть у него теперь ничего нет на гильдию, но зато он остался в живых. А это значит, что он найдёт выход.

Обязательно найдёт.

— Ты сказал, что работаешь на какую-то шишку в Накруше. Кто он? — Бэн заинтересованно подался вперёд.

— О, он очень важная особа. Ему принадлежит практически весь город. Местные много имён ему напридумывали, но лично мне нравится, когда его именуют Владыкой. Чувствуется вес работодателя, знаете ли. Он очень влиятелен, поэтому с ним предпочитают не ссориться.

— Значит, он один из членов магистрата? — спросил Кейн, едва разлепив веки и посмотрев на него покрасневшими глазами.

Грэйз в ответ громко рассмеялся.

— Рассмешили, мэссэр Кейн! Скажите, как давно вы не были в Накруше?

— Лет пятнадцать.

— Ну, тогда всё понятно. Знаете, за пятнадцать лет многое изменилось. Хотя там до сих пор правит магистрат, но он давно уже не имеет реальной власти. Вся эта чушь про народных избранников нужна лишь для отвода глаз, чтобы простые жители верили в справедливость системы и не бунтовали. А в реальности всех руководителей и политиков крепко держат в кулаке те, кто действительно правит городом, и использует их для продвижения собственных интересов.

— Например, как Владыка? — спросил Бэн.

— Например, как Владыка, — подтвердил Грэйз.

— Дай угадаю, — Кейн дёрнул щекой, — у тебя появилось желание представить нас своему владыке, верно?

— Именно так. Я просто по достоинству оценил ваш профессионализм в порту Веноваля. К тому же вы, как я понял, теперь безработные, а в наше время ценятся люди, способные действовать решительно несмотря ни на что. Жаль было бы терять такие кадры, верно?

Бэн скривился и откинулся назад, вольготно развалившись на своей половине лодки.

— Значит, ты хочешь нанять нас?

— Я бы сказал, что хочу пригласить вас на службу при очень выгодных условиях.

— А насколько хороши эти "выгодные условия"? — поинтересовался Костоправ.

— Скажем так, если выполнять свою работу правильно, то Владыка не будет скупиться, — ответил Грэйз с растекающейся по лицу улыбкой.

Бэн был удовлетворен ответом.

— Это всё, конечно, интересно, но как мы доберёмся до Ригады? — раздраженно спросил Кейн. — Звёзд, как вы уже успели заметить, над нашими головами нет, равно как и солнца. Как мы узнаем в какую сторону плыть? Или у тебя где-то завалился компас, а?

— Нет, что вы. Из-за всего этого магического дерьма, — Лысый ткнул пальцем в небо, — компасы давно стали бесполезным хламом, и их заменили вот этим.

Склонившись над мешком, он с трудом извлек небольшой сундук из тёмного железа и откинул крышку, давая им возможность разглядеть точный дубликат карты Колоний. На ней было отображено всё, начиная от Рубежных Башен и заканчивая мелкими островками. Грэйз взялся за края карты, нащупал пальцами зажимы и, надавив на них, потянул вверх. Механизм пришел в движение и карта приподнялась на стойках, открыв им вид на мешанину трубок и стеклянных ёмкостей под собой, сходящихся на куске арканита. Бэну это устройство напомнило уже виденную им бомбу и он невольно поёжился.

— Это негатор, — пояснил Лысый, — чертовски полезный магифакт в море. Вот только три проблемы — дорогой, массивный и жрёт много арканита. Одного куска хватает лишь на несколько пусков. Но нам и этого вполне хватит.

— И как эта штука работает? — спросил Костоправ, внимательно рассматривая магифакт.

— Всё просто — включаем и смотрим на карту — негатор высвечивает сетку координат и обозначает на ней наше местоположение. Он привязан к опорным точкам — Рубежным Башням. Так что их магический импульс и послужит нам путеводной звездой.

— А ты хорошо подготовился, — буркнул Кейн.

— Конечно. Грех халтурить, когда есть время и деньги.

С этими словами Грэйз активировал магифакт.

8.

Спустя несколько дней они прибыли в Ригаду.

Им повезло — по пути не попадалось ни кораблей, ни штормов. Так что в относительном спокойствии они добрались до Терра Секунды и причалили к берегу. Выгрузив всё, что могло им пригодиться (в том числе негатор, который их проводник велел нести Бэну), они пробили дно лодки и, потопив её, отправились в город.

По дороге Кейн всё ещё сомневался в правильности своих действий. С одной стороны, если бы не этот мужик, то они почти наверняка были бы сейчас мертвы, но с другой — стоит ли за ним идти? Что их ждёт в Накруше? Может, Костоправу и понравится быть шестеркой у какого-то там владыки, но вот Кейна не устраивало быть в должниках у бандитов. А то, что им предьявят счёт за спасение, он не сомневался.

Ригада была крупным портовым городом, четвёртым по объёму в Колониях. Попасть сюда значило многое. Ведь если ты был жителем какого-либо из городов Терра Секунды, будь то Ригада, Санат, Новый Дзорт или иных колониальных полисов-государств, вступивших на права автономии в Акмеанский Альянс, то ты считался лексиатом — осознанным гражданином, который был частью общества, живущего по принципам закона и права, выполняющий свои функции и обязанности, и обладающий ввиду этого широким набором привилегий. И по истечении так называемого испытательного срока и после доказательства своей лояльности ты мог претендовать на переселение в Акмею, где мог трудиться и дальше, чтобы в итоге получить возможность войти в высший лексиат, к которому относились только граждане, совершающие для общества неизмеримо больше остальных и поэтому имеющие полное право влиять на дальнейшую политическую судьбу общества и государства. Только обладающие этим, с недавних пор юридическим, статусом, могли состоять в политических партиях и принимать решения. А если у тебя более завышенные амбиции, то можно продвинуться до истинного лексиата — таковым мог считать себя гражданин, все свои устремления направивший на службу обществу, большую часть доходов отдающий или публично жертвующий государству, делавший даже свою личную жизнь общественным достоянием, трибуной, с которой и с помощью которой он выражает свои общественно-политические идеи. Такая столь важная персона делает себя отражением интересов и чаяний своих друзей, соседей — всех, выразивших ему публичное Доверие, и выражением чьего общественно-политического убеждения может являться любая его деятельность: трудовая, культурная, и даже спортивная. Кейн знал только одного такого истинного, да и то только потому, что его имя было знакомо почти всем в Колониях — Нигидл Йемер, держатель контрольного пакета ценных бумаг грандгильдии Аэгис Материум, который входит в пятёрку самых богатых людей архипелага по версии газеты «Голос Велюсы» и при этом жертвует почти половину своих доходов государству и разной благотворительности. Сейчас, в свете последних событий с участием Эгиды, Кейн с иронией относился к тому, что Йемер разделяет воззрения либералов. По его мнению, он был обычным циничным лицемером и никем более.

Во всяком случае, очень многие стремились сменить свой статус делексиата (так

граждане акмеанских республик и полисов называли всех жителей остального архипелага, не входящих в Акмеанский Альянс, считая их варварами без сформированных понятий общественной пользы) на лексиата. Что до Кейна и Бэна, то они уже примерили на себя это почётное звание и возвращаться к нему желания не имели. Велика честь, работать половину дня на себя, а другую бесплатно на государство. Хотя у лексиатов не было преступности, было тепло, были гарантии соблюдения их прав государством. Но, по мнению Кейна, жизнь там остановилась — это было болото, затягивающее тебя всё глубже в инерцию, где ты медленно гнил и, в конечном итоге, умирал.

Шестерёнки системы, не терпящей инакомыслия.

До города они добрались по береговой линии, зайдя со стороны порта. Людей здесь было достаточно, так что их появление осталось без должного внимания и лишних расспросов, что было им только на руку. К тому же, даже их выдавшая виды одежда не выбивалась из общей картины и не привлекала внимания, так что они с лёгкостью сошли за своих.

Они остановились, осматривая множество кораблей на приколе, над которыми в тёмном небе кружили чайки. Грэйз с улыбкой обернулся к ним.

— Ну вот мы и тут, а вы сомневались. В общем, — он достал из куртки пачку марок и отсчитал несколько купюр, — вот вам сто марок, погуляйте пока. Тут много забегаловок, где можно промочить горло. Негатор поставь, я заберу. Как только утрясу свои дела и найду нам корабль, мы отбудем отсюда. Так что времени у вас будет немного.

— Сколько примерно? — спросил Кейн, забирая деньги.

— И где встретимся? — Бэн сплюнул себе под ноги.

— Думаю, к вечеру всё будет готово. А встречаемся на постоянном дворе Торв, он здесь недалеко, найдёте без проблем.

— А если мы не вернёмся?

Грэйз удивлённо посмотрел на Брустера, словно бы говоря: А у вас что, есть альтернатива?

— Ну, по сути свою задачу вы выполнили — помогли мне выжить и добраться до Ригады. Так что если не явитесь, то упустите свой шанс и я уплыву без вас.

Больше не сказав ни слова, Кейн развернулся и отправился в город. По дороге его нагнал Костоправ и дальше они уже шли бок о бок. Углубляться в переплетение улочек они не стали, решив пройти вдоль портовой линии.

— Куда пойдём? — спросил Костоправ, лениво осматривая местные забегаловки.

Немного помолчав, Кейн ответил:

— А знаешь, есть тут одно местечко.

Костоправу в принципе было всё равно куда идти, поэтому он целиком доверился выбору Брустера. Узнав у прохожих дорогу к таверне Амулет, они вскоре нашли его на вершине утёса. Они выбрали вполне приличный столик, с которого просматривался весь порт и открывался неплохой вид на море. Хотя на воду они насмотрелись до конца своей жизни и скорее выбрали именно это место с практической точки зрения — до причала недалеко, да и места были свободны.

Как только они сели, к ним тут же подбежала девушка и, улыбаясь, поприветствовала их и спросила, чего они желают.

— Воды, виски и пачку папирос, — сказал Кейн.

— И жареного мяса, — добавил Бэн.

— Мяса нет, — пискнула девица, — только рыба.

— Тогда нам рыбу и какой-нибудь колбасы что ли.

— Хорошо. С вас тридцать марок.

Забрав деньги, она собралась было уйти, но Кейн остановил её.

— Подожди. — Девушка обернулась. Слегка поколебавшись, он всё же сказал: —

Передай хозяину, что я ищущу Свинцового Капитана. Поняла?

Официантка кивнула и ушла. Брустер перехватил внимательный взгляд Костоправа.

— Свинцовый Капитан, да? — он усмехнулся. — Это что, один из твоих?

— Не совсем, — уклончиво ответил Кейн.

Вскоре принесли еду: жаркое с рыбной колбасой, бутылку виски и два стакана воды. В молчании они жадно набросились на еду и воду, наслаждаясь ими в полной мере. Бэн, рыгнув, разлил по стаканам мутный виски, а Кейн с наслаждением раскурил папиросу.

— Ну что, Брустер, за то, что мы выжили.

— И пусть бездна позаботится об усопших.

— Эээ... Ну да, пусть Теламар по справедливости рассудит их души.

Брустер опрокинул в себя бодрянное пойло.

Когда они опустошили половину бутылки, Бэн попытался начать разговор, над которым думал последние дни.

— Слушай, Дым, хоть я и считаю тебя отменной задницей, но мы с тобой всё-таки как-никак повязаны. Поэтому мне интересно, что ты думаешь о нашем новом друге?

Кейн некоторое время помолчал, помешивая содержимое стакана и раздумывая, а стоит ли посвящать Костоправа в свои мысли. Но потом всё же решил, что поговорить лишним не будет. Коли уж на то пошло, то вместе вляпались, вместе и расхлёбывать.

— Мутный он.

— Во-во, я от него тоже не в восторге. — Бэн вспомнил, как Грэйз сказал про то, что места в лодке были только для троих. И его совсем не радовала мысль, что у него не было гарантий оказаться в пассажирах, если бы Дэйк не разлетелся по палубе. — Да и имечко у него, знаешь ли. Созвучно с грэйвр — водились в Империи такие малоприятные твари. — Он сплюнул. — Ну и что мы будем делать?

— Так-то вариантов не густо — либо идти за ним, — он кивнул в сторону кораблей, — либо затесаться среди толпы и начать всё заново. Эгида скорее всего сочтёт нас мёртвыми, поэтому преследования можно не опасаться. Проблема в том, что при мысли куда бы податься, на ум приходит только Накруш.

Два варианта, — с сарказмом подумал Костоправ. — Как же, как же. Есть и третий — воспользоваться своими связями. Разве не твоего ли связного мы сейчас ждём, а, Дымок?

— Это да. Голяк.

Кейн кивнул. Сложив руки на груди, он сжал ладонью нагрудный карман, рассеянно поглаживая большим пальцем лежавшие там кастеты. Было весьма странно знать о том, что это именно кастеты. Всё это время они лежали в карманах его старого плаща и он не знал, что они там находятся. Словно на них висело отводящее взгляд заклятье. Пока Тощий не сказал ему, что кастет стилету не ровня, он не осознавал, что именно держит в руках. Возможно, это имеет какое-то значение. Хотя в данный момент это вряд ли может ему чем-то помочь — сейчас важно решить более насущные проблемы и определиться с тем, что делать дальше. У него были мысли вернуться в Акмею и сдать Шэмиту подноготную на Эгиду, хотя без доказательств толку от этого будет немного. Но Тайл мог помочь навести

справки об одном человеке, о существовании которого он вспомнил, погружаясь на дно.

Тонред Байлетс.

Глаза Кейна затуманились, а в висках противно застучало. Трясущейся рукой он поднёс стакан ко рту и сделал глоток. Он не помнил об этом человеке ничего, кроме имени и его участия в той сцене, которая вспыхнула у него голове. Но Кейн чувствовал, что этот человек очень хорошо знал его, а значит, если он жив, то сможет заполнить пробелы в его памяти. По крайней мере, Брустер на это надеялся.

Потому что...

Перед его глазами вспыхнула картина трёх потрескавшихся камней с выбитыми на них именами.

Потому что ему просто необходимо было всё вспомнить.

— К вам можно присесть?

Кейн рассеянно посмотрел на полноватого мужчину с выпирающим круглым животом, одетого в пыльник поверх костюма из зелёного сукна, пиджак которого был распахнут и давал возможность разглядеть тонкую золотую цепочку, тянущуюся почти через весь жилет и исчезающую в маленьком кармашке на нём же. Он стоял, внимательно переводя взгляд из под широкой шляпы с Бэна на Кейна и обратно, терпеливо ожидая ответа.

— А здесь что, больше присесть негде? — с вызовом спросил Костоправ.

Брустер осмотрелся — присесть действительно было где — два столика были абсолютно пусты.

— Да, вы, несомненно, правы и мне действительно есть куда примостится, — его полные губы тронула лёгкая улыбка. — Но мне бы хотелось присесть именно за этот столик и поговорить именно с вами. Ведь это вы искали Свинцового Капитана, не так ли?

Бэн бросил на Брустера вопросительный взгляд. Кейн в ответ слегка кивнул. Покосившись на толстяка, Костоправ скрестил на груди руки и откинулся на спинку стула, всем своим видом показывая — давай, валяй!

Кейн поднял голову и, осторожно подбирая слова, спросил:

— А вы что же, и есть тот самый капитан?

— Можно сказать и так. — Когда пузач, бережно положив на стол шляпу, сел на стул и сцепил руки на животе, Кейн обратил внимание на перстень в виде жабы на его правой руке. — Можно узнать ваши имена?

— Кейн Брустер. А это Элдор Бэнталиор Уилторс.

— Герильд Рид. Будем знакомы. — Он добродушно улыбнулся. — Господа, давайте не будем тратить время понапрасну и сразу перейдём к делу. Меня интересует кто вас послал и откуда вы знаете про капитана?

— Чтобы ответить на ваши вопросы, вы сначала должны ответить на мой, мэссэр Рид, — медленно произнёс Кейн, пробуя это имя на вкус.

— Какой же?

— Вам знаком человек по имени Гарн?

— Да, знавал я когда-то старика с таким именем.

— Ну, тогда мы с вами говорим о разных людях — Гарн которого я знал, был молодым мужчиной.

— С таким пятном на лице?

— Если вы про родимое пятно, то оно было на шее.

Рид усмехнулся.

— Ну хорошо. Допустим, я знаю Гарна. Где он сейчас?

— Мёртв.

Толстяк перестал улыбаться.

— Как?

— Погиб от рук людей в зеркальных масках. А перед своей смертью успел рассказать нам об Амулете и кодовой фразе, — ответил Кейн, внимательно наблюдая за реакцией собеседника. И она его не разочаровала — Герильд удивлённо вскинул брови.

— Вы видели зеркальщиков?

— Не просто видели, — вмешался Костоправ, — мы сражались с ними.

— Неужели? Хм. Интересно. Не расскажете подробнее?

— Может, и расскажем. — Кейн сел вполоборота, положив левую руку на стол и, как бы невзначай, осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил. — Но, может, сначала вы нам расскажете, кто вы такой и на кого работаете? А после поговорим и о материальной составляющей.

Рид поморщился.

— Господа, давайте проясним некоторые детали. Ваш рассказ, без сомнения, был бы интересен и даже в какой-то степени полезен, но не услышав его я не могу судить о ценности информации. Вдруг окажется, что она не стоит и выеденного яйца? И уж тем более она может не стоить того, чтобы я перед вами откровенничал. Давайте так — вы говорите мне всё, что знаете, а я уже решаю, как вас за это отблагодарить. — Криво улыбнувшись, он махнул ладонью на стол с объедками и недопитым виски: — Как минимум я могу оплатить ваш счёт за еду и накинуть пару сотен марок сверху. Идёт?

Кейн с Бэном переглянулись.

— Ну хорошо, — сказал Брустер, — пока что сойдёмся на этом.

Он вкратце рассказал ему о сопровождении рабочих, о передаче их зеркальщикам и последовавшей после этого перестрелке. При этом он сделал упор на описании псионического импульса и особенностях вооружения. Рид слушал очень внимательно, не перебивая, и лишь когда речь зашла о переданной Гарном табуле, он вмешался.

— Магифакт при вас?

— К сожалению нет, — нехотя ответил Кейн. — По пути в Ригаду у нас возникли некоторые... непредвиденные сложности, в результате которых мы потеряли табулу. — Видя разочарование на лице Герильда, он тут же добавил: — Но я изучил имеющуюся на ней информацию и могу частично воспроизвести её.

— Вы смогли вскрыть алгоритм? — недоверчиво спросил Рид.

— Не совсем. Просто большая часть была не зашифрована.

— О, Гарн. — Толстяк закатил глаза. — Хотя, в данном случае его рассеянность может быть полезна — обрывки информации всё же лучше, чем ничего.

— А если мы скажем, что у нас есть кое-что получше потерянной табулы? — как бы невзначай обронил Бэн, смотря на мутный стакан виски в руке.

— Что, например? — Герильд с интересом посмотрел на него.

— Тело одного из зеркальщиков и образцы снаряжения. — Костоправ опрокинул в себя выпивку.

— Вы шутите?! — Он аж подпрыгнул. — У вас есть нетронутое тело одного из них?!

— Ну, не совсем нетронутое. Скорее, частично сохранившееся. — Кейн виновато пожал плечами.

— Да это уже что-то! — Глаза Рида забегали из стороны в сторону, а пальцы больших рук стали кружиться друг с другом. — И где оно?

— Не торопитесь, мэссэр Рид. — Кейн усмехнулся. — Теперь наша очередь получить ответы на вопросы. Вы так не считаете?

Тот некоторое время молчал, закрыв глаза и сосредоточенно наморщив лоб. Потом, кивнув самому себе, он посмотрел на них и заговорил:

— Буду краток: я представляю одну организацию, о которой не имею права распространяться, поэтому прошу, не задавайте мне связанные с ней вопросы. Вам достаточно знать, что она тайная. Но вы можете узнать больше, если примите моё приглашение пройти со мной к моему начальству. Собственно, само это приглашение и будет являться вашей наградой за предоставленную информацию. Предупреждая ваши вопросы, сразу поясню — предложение делается только один раз, а согласие ни к чему не обязывает. В случае, если мы не придём к соглашению, вас в целостности и сохранности доставят туда же, откуда и взяли — в данном случае сюда, в Ригаду. И, естественно, не с пустыми карманами.

Бэн оскалился.

— Интересно получатся — организация тайная, а если мы с вами пройдем, то узнаем больше. И после этого вы нас так просто отпустите?

— Именно так. Разве что вы согласитесь в случае отказа подкорректировать ваши воспоминания.

Кейн усмехнулся. Ага, будут они спрашивать, как же. Но предложение его заинтересовало.

— Мэссэр Рид, не буду скрывать от вас, что параллельно с вашим, как вы его назвали, приглашением, нам поступило весьма щедрое предложение о работе в Накруше. Поэтому логично спросить — что такого может предложить ваша организация, чего нам не сможет дать накрушская группировка?

Герильд некоторое время просто смотрел то на него, то на Бэна, а потом всё-таки ответил:

— Накруш сделает вас своими псами, а мы можем дать вам намного больше, чем просто возможность стать бандитами.

— И что же это? — спросил Костоправ.

— Идея. — Рид улыбнулся. — Большинство людей всегда безропотно шли на смерть не ради денег или власти, но ради Идеи. Одна только идея способна собрать и сплотить под своими знаменами тысячи совершенно разных людей. Но для того, чтобы она обрела силу, её нужно облечь в Слова, а слова должны быть услышаны. Но и этого мало — слова должны быть вложены в уста правильного, харизматичного человека, чтобы их смогли подхватить и повести за собой, если сказавший их погибнет. Вспомните винтадцев — они не побоялись встать на защиту своих убеждений тогда, когда остальные готовы были сдаться. Они огласили идею — идею свободы и борьбы за эту свободу. И её услышали. Идея обрела силу, и даже после гибели Винтады она продолжала жить и вела за собой тех, кто в неё свято верил. Или возьмем в пример Империю — они тоже верили в идею уничтожения ереси, охватившей Колонии. Ведь как заставить людей убивать друг друга — дать им правильную идею, ради которой они будут умирать и, что важнее, убивать. Потому что идея почти бессмертна, её можно уничтожить только ещё более сильной идеей. И если вы разделите с нами общую идею, то сможете обрести смысл и в вашей, без сомнения, жалкой жизни. Я не

тот человек, который сможет сказать вам правильные слова, но я отведу вас к тому, кто сможет.

После этих слов Герильд Рид поднялся и надел шляпу.

— Через час я отплываю на корабле под названием Ниферия. На нём есть ещё два свободных места на случай, если вы решите принять моё предложение.

Коснувшись края шляпы, он развернулся и ушел, предоставив им право всё обдумать и сделать выбор.

9.

Засунув руки в карманы, Кейн шел в сторону порта и думал. Если то, что им наговорил этот толстяк, правда, то учитывая его планы, это помогло бы ему разжиться неплохими связями. Ведь помимо Эгиды Брустера крайне беспокоила собственная память. И, чтобы всем разобраться, ему были необходимы могущественные союзники. Но, опять же, всё рассказанное Ридом могло быть и просто красивыми словами, за которыми ничего не стоит. Как и в случае с накрушским прихвостнем нет никаких гарантий. Хотя нет, не совсем. Всё-таки Грэйз их спас, рискуя собственной шкурой, а это уже наводит на мысли о серьёзности его намерений. Но получит ли Кейн от сделки с неведомым Владыкой Накруша больше возможностей, чем от договора с Ридом? Накруш или неизвестность, вот в чём вопрос. И решать нужно было быстро.

Не доходя до причала, Кейн остановился и окинул задумчивым взглядом покачиваемые волнами корабли. Холодный ветер вгрызлся в лицо и трепал распушенную рубаху, которая облегала жилистое тело. Смотря на море, он невольно подумал о том, как наверное здесь красиво, когда светит солнце. Наверняка его сияние превратило бы эти корабли-призраки в добротные фрегаты, чёрная гладь воды окрасилась бы в голубые тона, под стать светлому небу с лёгкими облаками, и ветер бы не терзал кожу ледяными иглами, а приятно оведал тёплыми потоками. И эта картина так живо предстала перед его глазами, что он даже почувствовал яркие солнечные лучи, ослепившие его и заставившие зажмуриться. Но когда он открыл глаза, то вернулся в реальный мир, полный тьмы и холода.

И вернувшись, Кейн уже знал, какой выбор сделает.

Сплюнув под ноги, он решительно направился в припортовый район. Таверна "Торв" нашлась удивительно быстро, как и говорил Грэйз. Рассматривая окна трехэтажного здания, Кейн быстрым шагом поднялся по лестнице и зашел в таверну, окунувшись в шум пьяного дебоша, звона кружек и густого сигаретного дыма, который смешивался с привычным здесь запахом рыбы. Узнав у трактирщика, в какой комнате остановился их приятель, он поднялся на второй этаж и постучался в нужную дверь.

— А, это ты. — Грэйз окинул его взглядом и посторонился, давая пройти в комнату. — Что-то ты рановато. А где здоровяк?

Кейн встал посередине небольшой комнаты, всё убранство которой заключалось в стоящем у окна столе со стулом, кровати в углу и шкафа у стены.

— Мы с ним поели и разошлись. — Кейн пожал плечами. — Я ему в няньки не набивался, знаешь ли.

Грэйз усмехнулся и, проходя мимо, хлопнул по плечу.

— И то верно. Вы с ним не очень-то ладите, как я заметил.

— Скажем так, любить друг друга нам не за что. Я присяду?

— Валяй.

Кейн подтянул к себе стул и сел на него спинкой вперед, сложив на неё руки. Лысый стоял у стола и чистил пистолеты, тщательно протирая каждую доступную деталь, которых было не много — ведь основной механизм был надёжно запечатан и любая попытка взлома

мгновенно уничтожила его. Помимо пистолей и инструментов для чистки, он также заметил на столе короткий клинок и несколько пачек марок, стянутых бечёвкой.

— Как наши дела? — спросил Кейн, переведя взгляд от денег на спину Грэйза.

— Всё лучше не бывает. Через час выходим на борту "Делисии" и сойдем уже в Накруше. — Он продул ствол и, прищурившись, всмотрелся в него. — Всё как и планировали.

— Это хорошо. — Кейн вновь задумался, а стоит ли вообще начинать этот разговор. Но потом всё же решил, что стоит. — Кстати, я хотел тебе кое-что рассказать. Весьма полезная информация к размышлению, знаешь ли.

— Я весь внимание. — Грэйз отложил один пистоль и взялся за второй.

— Ну так вот, — Кейн рассеянно стал поглаживать спинку стула, — тебе стоило быть осмотрительнее и всё-таки взять на борт того паренька.

Схватив стул он с размаху ударил им не успевшего среагировать Грэйза. Во все стороны полетели щепки, а его противника откинуло на кровать. Кейн отшвырнул обломки стула и кинулся к нему, намереваясь подмять под себя. Но Грэйз быстро опомнился, подогнул ноги к груди и резко выпрямил их, ударив его в грудь и отшвырнув к стене. Рывком сев на кровати, он схватил выпавший из руки пистоль и, наведя его на Брустера, нажал на спусковой крючок. Но вместо хлопка выстрела тот извлёк из себя лишь пустой щелчок. Грэйз с опозданием понял, что заряженное оружие осталось на столе. Видя просчет соперника, Кейн сделал вид, будто кинулся к столу за оружием. Лысый купился на уловку и, перехватив пистолет за дуло, чтобы использовать рукоять как дубинку, вскочил и бросился ему на перерез. Брустер был готов к атаке и поэтому с лёгкостью поднырнул под его руку и со всей силы ударил кулаком в живот, а потом схватил за голову скрючившегося Грэйза и познакомил его лицо со своим коленом, но из-за лысины он не смог нормально ухватиться и удар получился только один, и не очень сильный. Грэйз, несмотря на нехватку воздуха, вывернулся из рук Брустера и сам произвёл захват, спеленав его ноги и повалив на пол. Кейн попытался подняться, но Лысый пресёк его попытки, наотмашь ударив пистолетом по лицу. Из сломанного носа тут же хлынула кровь. Оказавшись сверху, Грэйз попытался выбить ему глаза рукоятью пистоля, но Брустеру удалось перехватить его руку. Лысый сразу же поменял тактику и вдавил рукоять ему в горло, наваливаясь всем телом. Кейн стал чувствовать, что задыхается и вот-вот потеряет сознание. Собрав всю силу воли он изогнулся, протолкнул вперёд колено и, напрягшись, отодвинул его от себя. Грэйз ошибочно посчитал, что он хочет вывихнуть ему руку из плечевого сустава и навалился вновь, но Кейн вдруг резко ударил раскрытой ладонью по локтевому сгибу его правой руки, одновременно надавливая на её кисть другой. Раздался отвратительный хруст и Грэйз закричал от нестерпимой боли. Его локоть вывернулся, сломанная кость прорвала мышцы и обнажилась. Кейн откинул кричащего противника и тот повалился на пол.

Несмотря на болевой шок, Грэйз перевернулся на живот и попытался встать — теперь единственной надеждой оставалось добраться до второго пистоля или хотя бы до клинка. Но Брустер не позволил ему подняться, придавив коленом к полу. Давя ему между лопаток, он схватил Лысого за подбородок и со всей силы потянул на себя. Кейн почувствовал, как под его руками стали медленно щёлкать шейные позвонки, и усилил давление. Грэйз захрипел и задёргал ногами, тщетно пытаясь вырваться. Его глаза налились кровью, здоровой рукой он царапал деревянный пол, ломая ногти и оставляя глубокие окровавленные полосы. Он всё пытался вернуть кадык на место, чтобы попросить пощады, но Кейн, зарывчав, дёрнул на себя

его голову. Позвоночник пропорол Лысому горло и он задёргался, захлёбываясь собственной кровью.

Через минуту Грэйз наконец затих и Кейн обессиленно повалился рядом с ним. Отдышавшись, он встал и вытер с лица кровь из сломанного носа. Хотя это мало чем помогло — он, как и вся комната, был в крови. К тому же изрядно её наглотался и теперь его мутило. Сплюнув алым сгустком, проверил заперта ли дверь, а потом нашел фляжку с водой и как мог умылся, стараясь не прикасаться к распухшему носу. Скинув окровавленную одежду, он порылся в вещах убитого и нашел штаны и рубаху. Быстро переодевшись, Брустер скинул в сумку пистолы, клинок, деньги, завесу и подзорную трубу. Поколебавшись, он всё же решил достать из шкафа найденный им негатор и забрать с собой. Напоследок окинув взглядом комнату, он задержал его на убитом.

— Увидимся в бездне.

Закрыв дверь, он покинул таверну и ушел на поиски корабля "Ниферия".

Кейн Брустер сделал свой выбор.

10.

Бэн бесцельно бродил по городу, рассеянно скользя взглядом по однообразным серым улочкам, одинаково замусоренным и разбитым. Холодный ветер пронизывал до костей, но он не обращал на него внимания.

Бэн остановился. Невидящим взором он осматривал снующих вокруг плохо одетых людей, некоторые из которых лежали на рваном тряпье у стен, поджав под себя ноги, а другие, привалившись к потрескавшейся кирпичной кладке, раболепно просили милостыню: старик на костылях без ноги выше колена; женщина с кричащим ребёнком на руках, который иногда хрипло кашлял; девчушка лет тринадцати, с пустым взглядом, сжимающая в грязных руках выдавшую виды тряпичную куклу, и многие другие.

Обычно, когда он видел подобные картины, то всегда злорадствовал — только такой участи достойны все колониальные выродки — так он считал. Но сейчас, стоя среди них, Бэн вдруг осознал, что ему просто некуда идти — в этом он не отличается от всех этих ущербных и бездомных. Элдор вдруг подумал о том, что чтобы он в итоге не выбрал, вокруг была чужая страна, и работать он будет ради интересов тех, кто здесь живёт. И не было возможности покинуть Колонии, потому что за их пределами ничего нет — Старый мир уже давно затоплен океаном. А что остаётся ему? Только ненависть и отчаяние. Костоправ желал погрузить Колонии в хаос, затопить в крови, но на деле был бессилён это воплотить. Даже уничтожение Винтры было укусом комара. Всё равно, как бы он не старался, это сыграло на руку Эгиде и ещё больше укрепило их позиции в Яме. А теперь он собирается вместе с Брустером плыть Теламар знает куда, чтобы вновь подставить задницу очередному колониальному авторитету. У Бэна поникли плечи. Куда не кинься везде капканы.

Элдор вдруг почувствовал, что к его ноге что-то прикоснулось. Опустив взгляд, он увидел пёструю кошку, которая тёрлась об его штанину и мурчала. Она была худой и облезлой, с обмороженными ушами и больными глазами, но Бэн тепло улыбнулся и, присев на корточки, мягко погладил её по жесткой шерстке и кошка выгнулась навстречу его ласкам.

— Ну привет, красавица. — Костоправ осторожно взял её на руки и прижал к груди. — Тоже решила побродить в одиночестве, я прав?

Кошка в ответ хрипло мяукнула и "боднула" его в лицо. Поднявшись, Бэн отошел к стене и присел около неё. Пёстрая некоторое время ласкалась, а потом учуяла что-то в его сумке и облизнулась, вновь начав "бодать" его.

— А ты ненавязчивая дама, — усмехнулся Элдор и, достав из сумки недоеденную колбасу, отдал кошке. Наблюдая за тем, как та её с аппетитом поедает, он с улыбкой поглаживал пёструю между ушей. — Знаешь, ты слишком доверчивая. Это когда-нибудь доведёт тебя до беды и ты сама станешь чьим-нибудь обедом. Так что будь осторожнее, ладно?

— Эй, мужик. — Бэн поднял голову и увидел смуглого швеса, одетого в тряпье и переминающегося с ноги на ногу. Он указал на кошку в его руках и спросил: — Не угостишь и меня колбаской, а?

— Пшел отсюда. — Костоправ презрительно скривился.

— Не, ну тебе кусочка жалко что ли?

— Ты меня не расслышал? Я сказал катись.

— Сам катись! — Швес сплюнул ему под ноги. — Прямиком в бездну!

Смотря вслед уходящему бродяге, голову Бэна пронзила внезапная мысль: "А может, Колонии уже получили своё? И месть больше не имеет смысла? Ведь они потеряли практически всё. Да ты посмотри только, до чего они докатились. — Костоправ яростно затряс головой. — Нет! Этого мало! Если бы не эти грэйвры, миллионы людей были бы живы! Империя была бы цела! Они виновны и им нет прощения!"

Кошка вдруг вырвалась из его рук и зашипела, прижав уши к голове и выгнув спину. Элдор удивлённо посмотрел на неё и вновь протянул руку, чтобы погладить, но та резко ударила его лапой и убежала, скрывшись в подворотне. Ничего не понимающий Бэн хмуро посмотрел на располосованную ладонь и изумлённо увидел старческие пятна на сухой, дряблой коже, которые медленно исчезали.

Это плохо. Он слышал, что многие колдуны старых школ умерли в страшных муках, потому что их тела были разрушены вырвавшимися из под контроля колдовскими потоками. Проявлений было множество, и не все были лицеприятными и даровали лёгкую смерть: кто-то заживо сгнил, у кого-то медленно отказывал орган за органом, а кому-то повезло и он умер мгновенно, просто испепелившись — это зависело от принадлежности колдуна к определённой школе магии. Насколько знал Бэн, нельзя было предсказать заранее, кого именно затронет эта болезнь, прозванная "гнилодоной" — она косила и сильных, и слабых колдунов. Видимо, тут как Боги рассудят. Так что даже если гнилодона и добралась до него, то сделать он всё равно ничего не сможет и остается только надеяться на быструю смерть.

Дождавшись, когда его рука вернётся в нормальное состояние, Бэн поднялся на ноги и направился обратно в порт. Шагая по мостовой, он теперь размышлял о том, что на одной чаше весов была неприхотливая работа наёмника, а на другой та же работа наёмника, но с каким-то смыслом. А есть ли вообще разница в том, ради кого убивать? Безусловно, раньше эта разница была, но не теперь. Теперь имеет значение лишь то, кто больше заплатит.

И что-то ему подсказывало, что тайные организации скупиться не будут.

11.

Когда Кейн вышел к причалу, сгибаясь под тяжестью негатора, Бэн сразу всё понял. Как только он подошел к нему, Костоправ с кривой улыбкой поинтересовался, разглядывая его распухший нос:

— А если бы я выбрал лысого попутчика?

Опустив ящик, Кейн разогнул хрустнувшую поясницу и буркнул:

— Но не выбрал же.

Бэн перевёл задумчивый взгляд на корабль с выцветшим названием "Ниферия" на обшивке, на борту которого мельтешили матросы, готовясь к отплытию.

— А если "жаба" нас не устроит?

Кейн тоже посмотрел на фрегат.

— Ну, чтобы добраться до Накруша, нам проводник не нужен.

Так они и стояли на причале и каждый думал о своём: Кейн о том, что их дорожки с Костоправом всё ещё идут в одном направлении, но так ему было даже спокойнее — ведь старый враг лучше новых двух; а Бэн размышлял над тем, что было бы неплохо когда-нибудь прикупить себе маленькое судёнышко и уплыть за Предел. И если Боги будут милосердны, то морские пучины не поглотили Антригор и он сможет умереть в развалинах родного дома, на могилах семьи. Хотя он сильно сомневался, что его желание сбудется — но всё в руках Богов.

— Я рад вас видеть, господа! — они обернулись и увидели спешащего к ним Рида. — То, что вы здесь, говорит о том, что вы умеете делать правильный выбор.

Кейн сплюнул себе под ноги.

— Надеюсь, мы о нём не пожалеем.

— Я могу вам это гарантировать. — Герильд приглашающе повёл рукой. — Прошу на корабль. Я скажу капитану, что мы отчаливаем.

— И в какую сторону поплывём? — спросил Кейн.

— На Винтаду.

Бэн хмыкнул.

— Вечный круговорот, верно, Брустер? — не дожидаясь ответа, он направился вслед за Ридом.

Мрачно смотря им в спины, Кейн хорошенько выругался про себя и, подняв негатор, поднялся на борт.

12.

— Убрать паруса! Паруса мать вашу! — надрывался рулевой, налегая на штурвал, который то и дело грозил выскользнуть из его рук даже не смотря на крепкую хватку.

Кейн отвернул голову, защищаясь от хлещущей в лицо ледяной воды, и взревел, цепляясь за канат вместе с остальными и со всей силы натягивая его. Им удалось убрать парусину, но это мало чем помогло — их продолжало нести к берегу, грозя разбить о скалы в щепки.

Чтобы избежать этой незавидной участи, Кейн, как и многие из пассажиров "Ниферии", присоединился к гребной команде и, отчаянными совместными усилиями, им удалось уйти подальше от опасных мест в открытое море, захлестывавшее их высокими волнами. "Ниферия" то глубоко зарывалась носом в волну, то выныривала, и тогда вода обдавала их поток за потоком с ног до головы. В очередной из таких рывков, сгибаясь под тяжестью обрушившейся на них стихии, Кейн услышал треск и весло в его руках переломилось надвое. Захлёбываясь криком он попытался за что-нибудь зацепиться, но очередная волна сбила с ног и понесла по палубе к фальшборту. Ещё бы немного и Брустера, подобно большинству гребцов, смело бы в бушующее море. Но в самый последний момент он почувствовал, как что-то вцепилось в его руку и остановило падение, едва не вывернув плечо из сустава. Запрокинув голову, он увидел крепко держащего его одной рукой Костоправа, тогда как на другую руку был намотан корабельный канат. Подтянув Кейна к себе, он заорал ему в лицо, пытаясь перекрыть вой ветра:

— Куда ты собрался, Брустер?! Веселье только начинается!

Убедившись, что Кейн надёжно зацепился, Бэн поднялся и, шатаясь, вышел на середину палубы. Вскинув кулаки к сверкающим небесам, он безумно захохотал.

— И это всё, что вы можете?! Ну же, давайте! Вы можете намного лучше! Сильнее! Покажите нам всю свою мощь! — В ответ на его вопли ветвящаяся молния ударила прямо в грот-мачту и над их головами раздался оглушительный треск. Корабль качнуло и Костоправ едва смог удержаться на ногах. — Да! Именно так! Не жалейте нас! Выпустите всё, что у вас есть! А мы всё равно выживем! Хахахаха! Вёсла! — взревел он повернувшись к гребцам. — Все на вёсла! Покажем этим сукиным детям, что мы сильнее! Покажем...

Огромная волна ударила в левый борт и корабль накренился. Изо всех сил держась за канат, Кейн видел, как многие матросы повторили его недавнюю участь, потеряв равновесие и падая за фальшборт. Он увидел Герильда Рида, который держался за штормовые леера. Его промокшая белая рубаха облегла тучное тело, рукава были закатаны. Неожиданно он отпустил леер и на спине заскользил по палубе к правому борту. И когда Кейну показалось, что он вылетит с корабля, Рид каким-то чудом затормозил у самого края и схватился за фальшборт, при этом перегнувшись за него почти всем телом. Через мгновение Брустер увидел, как он, крепко держа за волосы, втаскивает на палубу одного из матросов. Что было дальше он не видел — его желудок скрутило рвотной судорогой. Не он один сейчас горько жалел, что намедни так плотно поел — теперь за это приходится расплачиваться, ибо килевая качка никого не жалела.

Кейн поднял голову и осмотрелся: выжившие валялись кучей и вповалку на палубе и вдоль бортов, попеременно молясь и матерясь, умученные непрерывной рвотой; на них продолжали низвергаться потоки воды и струи ливня, а вокруг была кромешная тьма, временами вспарываемая всполохами молний.

Кое-как ему удалось добраться до скамей с поредевшими гребцами, отказывавшимся поверить в неизбежность смерти и сдаться на милость стихии. Никто из них не хотел умирать и поэтому им оставалось только выгребать против ветра в надежде на спасение.

Кейн не знал, сколько всё это продолжалось. Время потеряло своё значение. Вслушиваться в крики гребцов, задающих ритм, самому кричать до хрипоты, навалиться на скользкое весло и молиться, чтобы оно не сломалось — только это сейчас имело смысл. И поэтому когда они, вымокшие до нитки, стуча зубами и ворочая вёслами из последних сил, смогли вырваться из шторма, Кейн рухнул на палубу и потерял сознание от слабости.

Очнувшись, он с трудом смог разлепить веки, покрытые засохшей солью. Глаза нестерпимо жгло и смотреть было больно, картинка расплывалась и не сразу обрела чёткость. Во рту было сухо, губы потрескались, язык распух и напоминал наждачную бумагу, а горло сжалось настолько, что едва пропускало в лёгкие воздух. Он лежал на боку, всё тело ныло и Кейн боялся даже пошевелиться, зная, какой болью в затёкших мышцах отзовется каждое движение. Словно во сне он видел ноги проходящих мимо людей, забитый нос не чувствовал никаких запахов, а звуки доносились будто издалека. Временами он вновь терял сознание и рывками возвращался в реальность, чтобы через некоторое время снова провалиться в забытие. На этот раз он очнулся от хлопков по щеке и тихого голоса. Когда его взяли за грудки и резко подняли, Брустер застонал от пронзившей всё тело боли и чуть было вновь не отключился, но потом его голову приподняли за волосы и на лицо полилась вода. После первого глотка Кейн едва не захлебнулся. Дождавшись, пока он прокашляется, поивший его вновь поднёс флягу.

— Пей, Брустер, — расслышал он слабое бормотание. — Пей, не то сдохнешь.

Напившись, Кейн отвернул лицо. Пытаясь восстановить дыхание, он тяжело дышал, опустив подбородок на грудь и привалившись спиной к корме. Было бы удобней запрокинуть голову, но шея так сильно затекла, что двигать ею лишний раз он желания не испытывал.

Бэн устало присел рядом с ним и стал наблюдать за тем, как выжившие моряки переворачивают тела и отделяют живых от мёртвых. Последних они стаскивали в кучу, чтобы впоследствии скинуть некоторых за борт, после того как отметят и прочтут заупокойную — пусть колонисты и не верят в Богов, но у моряков свои ритуалы. Оставшиеся трупы они заворачивали в парусину — видимо, у этих мертвецов были семьи и их тела отвезут им.

— Какая ирония — пережить шторм, чтобы часом позже сдохнуть от слабости и быть похороненным в воде, от которой ты и спасался. — Костоправ отхлебнул из фляжки и покосился на Брустера. — Тебя кстати тоже к мертвякам хотели определить, да я помешал. Знал ведь, что ты живучий и Теламару так просто душу не отдашь. Так что можешь сказать мне спасибо. — Выждав немного, он хмыкнул. — Да не за что, живи и страдай на здоровье.

К Кейну постепенно возвращались силы, он уже мог поднять руку и теперь медленно разрабатывал её, отстранённо наблюдая, как его пальцы разгибаются и сгибаются в кулак.

— Ощущ... — при попытке заговорить горло сжало и запершило. Он откашлялся и облизнул пересохшие губы. — Ощущение, будто надышался "сушилки".

— Точно. Наша знаменитая отравка в действии.

Кейн взял из рук Бэна флягу и стал пить маленькими глотками.

— Глянь. — Костоправ хлопнул его ладонью и указал на появившегося на палубе Рида. Выглядел он не важно, но кто в этот день мог похвастаться хорошим самочувствием. Герильд хмуро шел рядом с капитаном, который что-то нервно зачитывал ему с помятых бумаг. — Не так-то прост оказался наш толстячок. Не стал отсиживаться с прочими шишками, а наравне со всеми впрягался. И хоть и жирный, но ловкий. Достоин уважения. А вообще знаешь, этот шторм вернул меня к жизни, — голос Бэна дрогнул. — Когда смотришь в глаза смерти и слышишь звон её цепей, то уже было позабытый вкус к страху возвращается. Я так давно ничего не боялся, что уже и не помню, каково это, чувствовать наслаждение от того, что ходишь по самому краю. Когда один неверный шаг — и ты уже летишь в пропасть. Самое главное — ты ведь понимаешь, что стихия сильнее тебя, но всё равно не сдаёшься. Напрягаешь все свои силы и идёшь вперед, к победе, к выживанию. Это незабываемые

ощущения. Ради этого стоит жить.

Кейн не сводил с него глаз и слушал, не пропуская ни единого слова. И когда он закончил, задал мучивший его вопрос:

— Почему ты меня спас? Причём уже не в первый раз. Я сомневаюсь, что поступил бы также на твоём месте.

Бэн рассеянно обвёл взглядом палубу.

— Сам теряюсь в догадках. Наверное, ты единственный из всей этой кодлы, кого я здесь знаю. — Немного помолчав, он добавил: — Да и если что пойдёт не так, то и прорываться тоже будем вместе. От тебя живого больше пользы. К тому же, теперь ты мой должник и вряд ли кинешь меня.

Кейн кивнул и закрыл глаза. Всё правильно. Видимо, во время шторма Костоправу снесло крышу и поставило как надо. Главное, чтобы его мозги и дальше работали также хорошо, тогда проблем будет меньше. Ещё не совсем послушной рукой он вытащил из кармана истрёпанную пачку сигарет, но все папиросы были мокрыми и переломанными. Вяло сжав пачку в кулаке он отбросил её в сторону.

— Земля! Вижу землю!

Воодушевлённые матросы тут же принялись спускать паруса и садится за сохранившиеся вёсла. Герильд Рид подошел к ним и встал рядом, смотря в море.

— Советую вам подняться, такое зрелище лучше не пропускать.

Бэн помог Кейну встать и, поддерживая друг друга, они стали всматриваться в приближающуюся полосу берега.

— Где мы? — спросил Кейн.

— На месте. Нас не так сильно сбило с курса, как мы опасались. Это западный мыс Винтады, его еще называют "Мысом Уэствинга".

— И что в нём такого особенного? — спросил Бэн.

— Потерпите, и вы сами всё увидите.

Корабль медленно рассекал морскую гладь, приближаясь к острию скалистого мыса. Чем ближе они подплывали, тем больше огромный каменный выступ нависал над ними. Им приходилось быть очень осторожными из-за обилия торчащих из воды каменных глыб, но рулевой держался уверенно, ориентируясь по одному ему видимым знакам. Вокруг царило напряжение и никто на корабле не отваживался нарушить наступившую тишину. Никто не сказал ни слова и тогда, когда их фрегат направился прямо в скалистую стену. Кейн и Бэн переглянулись и подумали об одном и том же — им конец.

— Знаете, мэссэр Рид, вы могли бы нам сказать и в Ригеде, что вашей идеей было массовое самоубийство.

Рид лишь улыбнулся и ничего не ответил.

Бэн перегнулся через фальшборт и посмотрел вниз. Даже если спрыгнуть, шансы на то, что не напорешься на подводную скалу, крайне малы. Да и поздно метаться — нос "Ниферии" врезался в стену мыса.

Не было ни треска, ни криков — не было ничего. Их окутала темнота. Кейн почувствовал волну холода, окатившую его тело, волосы на руках встали дыбом, а по спине пробежала дрожь. Мгновение — и всё прошло. Они вынырнули из тьмы и оказались в поразительно огромном гроте, своды которого терялись над их головами. Всё было освещено соединёнными в цепь светарами, наполняющими пространство равномерным гудением и позволяющими рассмотреть выстроенные по обеим сторонам причалы со множеством

пришвартованных различных кораблей. За ними располагался каменный берег, который по мере их продвижения всё расширялся. На нём стояли — кто бы мог подумать — дома. Сотни домов. По всей видимости каменных, но Кейн не был в этом уверен. И везде сновали люди — на кораблях, на берегу, в домах. Можно было увидеть и вооруженных часовых с мушкетами наперевес, и выстроенные в ряд пушки, дуло которых смотрело на вход в грот. Обернувшись, Брустер увидел удаляющуюся расселину, через которую они заплыли, и догадка яркой вспышкой озарила его голову.

— Завеса. — Он обернулся к довольному их реакцией Риду. — Завеса таких размеров? Это впечатляет.

— Не просто завеса, мэссэр Кейн, — возразил Герильд, — а маскировочная завеса. Магифакт обычного типа отображал бы вход, а нам такое внимание было ни к чему.

— И что, неужели никто не знает про это место? — недоверчиво спросил Бэн, пытаясь скрыть, как сильно его поразило увиденное.

— Я бы сказал, что о мысе известно только тем, кому об этом положено знать, — многозначительно произнёс Рид. — Теперь вы понимаете, почему я не мог рассказать о подробностях моего предложения будучи в Ригаде?

Кейн кивнул. Такое действительно стоило увидеть собственными глазами. Сразу настраиваешься на то, что имеешь дело с серьёзными людьми.

— И как давно вы здесь? Я что-то не припомню, чтобы жители Винтады были в курсе того, что на самом деле представляет из себя мыс. Как-то не верится, что они были настолько слепы, что не увидели вход в огромную пещеру.

— На ваш вопрос легко ответить, мэссэр Кейн. Вы слышали что-нибудь о человеке по имени Нострадо?

— Да. Пират колониальных морей. Но какое отношение имеет байка про бессмертного Нострадо к моему вопросу?

— Самое прямое. Вы не зря упомянули про бессмертие, ведь долгое время считалось, что Нострадо бессмертен. Он был жесток, хитер и, что самое главное, неуловим. Морские маршалы с ног сбились, но так его и не нашли. Он грабил корабли не меньше трёхсот лет, практически со времен заселения архипелага первыми поселенцами, а потом внезапно исчез. Мы вспомнили легенду о нём, когда нашли его корабль. Здесь, в этом гроте.

— Шутите? Он был здесь?

— Именно, — Рид кивнул. — Насколько мы можем судить, раньше вход сюда был очень мал и незаметен. Во всяком случае небольшой корабль сюда протиснуться мог. Вероятно, его нашел Нострадо и сделал здесь своё убежище, вот его никто и не мог найти. А причина бессмертия может объясняться тем, что его дело продолжили потомки. Но, как говорится, в семье не без урода. Очередной потомок Нострадо оказался благороден и стал военно-морским офицером, с которым пятнадцать лет назад нас свела судьба. Он проникся нашими идеями и, так как нам нужно было место базирования, рассказал про этот тайник. Нам повезло, что после винтадской катастрофы своды не рухнули и грот уцелел. Хотя вход сюда обвалился и стал таким, каким вы его видели. Поэтому на первых порах пришлось сильно постараться, чтобы замаскировать всё как надо и укрепить потолок. А осколки на пути к мысу служат естественной преградой, так что никто в здравом уме даже не подумает здесь что-то искать. Внутри же было проще — несколько поколений семьи и банды Нострадо хорошо здесь обосновались, и после должного ремонта мы привели всё в порядок.

Бэн подался вперёд и, рассматривая приближающийся городок, спросил:

— Так кто же вы?

Рид с улыбкой посмотрел на него и ответил:

— Мы называем себя Феладиярами.

13.

— Феладиярами? — переспросил Бэн. — И что это значит?

— Об этом вы узнаете немного позже и не от меня. — Видя, что Костоправ хочет сказать что-то ещё, Рид протестующе поднял руку. — Прошу вас, наберитесь терпения. Как только мы причалим и вы отдохнёте, я отведу вас к одному из наших лидеров и вы сможете спросить у него обо всём, что вас интересует.

Они вошли в хорошо обустроенную бухту, где каменный берег возвышался над водой на несколько метров и был хорошо оборудован деревянными помостами и лестницами. Здесь было пришвартовано всего несколько кораблей, в отличие от той флотилии, которую они оставили позади. На причале их уже ждала пара десятков человек с мушкетами, и по их лицам было видно, что шутить в случае чего они не намерены.

— Рид! — по лестнице на причал спустился старик со спутанными волосами до плеч. Прихрамывая на правую ногу, он шел за кораблём и яростно кричал: — Рид, пожри тебя бездна! Что ты сделал с малышкой Ниферией?! На ней же живого места нет!

— Я жив и здоров, Рипл! — прокричал в ответ Герильд. — Спасибо, что так заботишься обо мне!

Рипл разразился отборной руганью, обещая обидевшим его Ниферию самые изощрённые муки. В это время они пристали к помосту и скинули швартовы. Когда подали сходню, они наконец сошли на берег и их тотчас окружили солдаты. Рид повернулся к Кейну и Бэну.

— Сейчас вас сопровождают туда, где вы перекусите и переоденетесь. А потом я отведу вас на встречу. Вас устраивает?

— Вполне, — ответил Кейн и переглянулся с Костоправом.

— Вот и чудно. Офицер, — Герильд обратился к молодому парню, одетому, как и вся охрана, в обычную одежду без опознавательных знаков, — проводите наших гостей.

Офицер кивнул и велел им идти за ним. Уже уходя, они слышали за своими спинами возмущенные вопли Рипла и пытающегося его успокоить Рида.

— Бездна! Здесь работы на несколько недель, а Ниферия уже завтра должна была отправиться к Пределу!

— Да будет тебе, Валео! Мы попали в шторм и у нас весомые потери в команде. Людей в отличии от корабля не починишь...

К удивлению Кейна, жители мыса отнеслись к их конвою буднично, лишь провожали заинтересованными взглядами. Помимо взрослых мужчин и женщин они видели и беззаботно играющих детей. Никто ничем особенным не выделялся, и если бы Кейн не знал, что это скрытый город феладияров, то подумал бы, что наткнулся на одно из колониальных поселений.

— Сюда. — Сопровождающий их офицер остановился перед одним из домов и распахнул для них дверь. — Если что-нибудь понадобится, мы будем снаружи.

Внутри было весьма уютно: маленькая гостиная, в левом углу расположен шкаф, а в правом зелёный диванчик; в центре стоял столик с двумя креслами и соблазнял их

аппетитными ароматами разнообразной еды, от одного вида которой урчало в животе и текли слюнки. Была ещё одна дверь, ведущая в комнату напротив, к ней и направился Кейн, а Костоправ подошел к окну и осторожно выглянул наружу. Вторая комната оказалась спальней с двумя аккуратно заправленными кроватями и чистой одеждой на каждой.

— Что скажешь? — спросил Бэн.

Кейн закрыл дверь и подошел к столику. Налив себе воды из кувшина и утолив жажду, он взял кусок сыра и устало сел в мягкое кресло, вытянув ноги.

— Ну что я думаю — ребята тут хорошо обосновались. Не думаю, что в случае чего у нас есть шанс на побег.

Бэн раздражённо опустил занавеску и сел напротив, по пути взяв со стола копчёный окорок.

— И что будем делать? — откусив кусок сочного мяса, он потянулся за кувшином и отпил прямо из горла.

— Ничего. — Кейн хмуро смотрел на своё подрагивающее отражение в кружке с водой. — Выслушаем, что они нам скажут и всё. Понравится — останемся, не понравится — свалим.

— А как же воспоминания?

Кейн невольно дотронулся до нагрудного кармана и неуверенно ответил:

— Уж лучше потерять часть воспоминаний, чем лишиться жизни.

Бэн был с ним явно не согласен, но решил промолчать и переключил своё внимание на еду. Брустер же ещё не очень хорошо себя чувствовал и потому ограничился сыром и маленьким кусочком мяса. Покончив с едой, он пошел в спальню, осмотрел приготовленную для них одежду и остался удовлетворён: штаны с ремнём, тёплая рубашка и ботинки — ничего лишнего. Скинув свои лохмотья он переоделся и завалился на кровать, с наслаждением вытянувшись и полностью расслабившись. После ночи проведённой на палубе, мягкая постель была для него величайшей из наград.

Шевелиться не было никакого желания, но он всё же поднял с пола старую рубаху и вытащил кастеты, чтобы переложить их в карманы новой. Вот теперь всё. Судя по всему их решили не торопить и Кейн не преминул этим воспользоваться — когда ещё выдастся возможность хорошо отдохнуть.

С этими мыслями он провалился в глубокий сон.

Кейн проснулся и некоторое время лежал с открытыми глазами, не понимая где находится и почему на потолке нет привычных желтых разводов. А когда воспоминания вернулись, он с трудом смог поверить в их реальность — всё-таки он никогда не думал, что окажется в тайнике Нострадо и свяжется с несуществующими феладиярами. Услышав шум, он повернул голову и увидел Бэна, храпевшего на соседней койке, отвернувшись к стенке. Зевнув, Кейн сел на кровати и с удивлением обнаружил, что чувствует себя в отличной форме. Сон явно пошел ему на пользу. Обувшись и стараясь сильно не шуметь, он вышел из комнаты. Увидев накрытые крышками блюда на столике, у него сразу же заурчало в животе. Под крышкой оказалась запечённая красная рыба с овощами. Не тратя времени даром, Кейн воздал ей должное, отметив про себя, что её, по всей видимости, принесли не так давно — она была ещё тёплой.

Очевидно звон посуды разбудил Бэна, потому что не прошло и двух минут, как он, сонный, вышел из комнаты и присоединился к трапезе. Едва они съели последний кусок, как

раздался стук в дверь и к ним бодрым шагом вошел Герильд, облачённый в уже виденный ими зелёный костюм.

— О! Я вижу вы оказываете дань уважения нашему повару. — Рид похлопал себя по выпирающему животу. — Сам не так давно наслаждался его изысками. Жаль прерывать, но нам пора — вас ждут.

Бэн хотел было съязвить, но сдержался. Облизав пальцы и ополоснув руки в тазике, они покинули дом. Обратив внимание на отключенные местами светары и отсутствие людей, Кейн поинтересовался:

— Видимо, снаружи уже ночь?

— Да, уже далеко за полночь, — подтвердил Рид.

Их провели по переулкам этого диковинного городка и вывели к тоннелю, который вгрызлся в стену грота и уходил в его глубины. Только сейчас они заметили, что вдоль стен тянулись подобные ходы и занимали несколько ярусов выше — к ним вели вырубленные в скале лестницы. Бэну на ум сразу пришел пчелиный улей. Вдоль стены тоннеля были вмонтированы специальные трубы из плаза, прочнейшего прозрачного материала, внутри которых "трудилась" элементали — эфирные сгустки магической энергии, подпитываемые арканитом и наполняющие своим светом освещающие магифакты. Но они работали только по той ветке, по которой они шли, хотя Кейн видел и другие ответвления. Наконец они вышли к стальной двери и Рид сразу подобрался, застегнул пуговицы пиджака, бросил на них оценивающий взгляд и кивнул конвоирам.

Когда открылись двери, Кейн ожидал увидеть богато обставленные апартаменты и какого-нибудь сцепившего руки важного старика, сидящего за отполированным столом, но его ожидания не оправдались. Помещение, в котором они оказались, больше напоминало склад, чем кабинет одного из феладарских лидеров: множество непонятных установок, подключенных к арканитным генераторам, соединяющая аппаратура от которых тянулась к центру, где в зажимах располагался прямоугольник дымчатого стекла терсека, занимавший чуть ли не половину комнаты и бывший, вдобавок ко всему, очень холодным. Кейн также заметил несколько человек — очевидно обслуживающий эти механизмы персонал.

Дверь за их спинами захлопнулась и Кейн нервно обернулся.

Путь назад отрезан.

— Прошу. — Рид указал на стоявшие напротив терсека кресла.

Переглянувшись с Бэном, Кейн первым решил принять приглашение. Костоправ ещё немного постоял, словно бы в раздумьях, прежде чем сесть рядом. Брустер поднял взгляд на терсек и невольно сглотнул подступивший к горлу комок. Всё-таки было жутко смотреть в это стекло, в котором вечно клубится таинственный туман.

— Расслабьтесь, вам ничего не угрожает, — успокоил их Рид и, встав позади них, подал сигнал стоявшим у машин людям. — Начинаем.

Рабочие тут же принялись приводить в действие генераторы, отчего в комнате замигали фонари. Заметно потеплело и запахло горелым. Туман в глубине тёмного стекла пришел в движение и Кейн от напряжения крепче сжал подлокотники кресла. В терсеке начала проявляться мутная картинка, которая через некоторое время приобрела чёткость. Они с удивлением смотрели на открывшийся им вид кабинета, в углу которого находился небольшой стол, на котором стояли графин с янтарной жидкостью, стакан и пепельница с лежащей рядом сигарой; кресло с высокой спинкой у стола пустовало, но не это привлекло их внимание, а окна — высокие, они занимали практически всю видимую им стену, а за

ними открывался прекрасный вид на бухту с покачивающимся на лёгких волнах различными кораблями и яхтами, за которыми угадывались возведённые на берегу многочисленные разнокалиберные постройки. Сама по себе эта картина не вызвала бы у них никакого отклика, если бы не одна деталь — там было солнце! Кейн, затаив дыхание, не мог оторвать взгляд от того, как его, без сомнения, тёплые лучи играли в чистой воде, отражались от неё, падали на корабли и рассеивались в воздухе. Он даже мог поклясться, что чувствует, как они припекают ему лицо. Как давно он не видел солнце? Месяц? Два? Нет, больше — целую вечность. Вот так можно оценить время, прошедшее с последнего проблеска света. Оторвавшись от этой чарующей картины, он посмотрел на Бэна и по его лицу понял, что Уилторс испытывает тоже, что и он сам.

— Прошу прощения за опоздание, — внезапно прозвучал немного растягивающий слова голос, а через минуту появился и его обладатель. Мужчина в элегантном, но в тоже время простом, костюме прошел к столу и сел за него. Ему можно было бы дать лет тридцать, если бы в тёмных коротких волосах не было проседи. В его внешности ничего отталкивающего, даже наоборот. Было видно, что в молодости он был красив, а прошедшие годы даже пошли ему на пользу. Выцветшие синие глаза не утратили своей глубины и словно бы очаровывали — встретив этот взгляд вы уже не могли оторваться от него, словно одурманенные. Сцепив руки в замок и облокотившись о кресло, он оглядел всех присутствующих. — Герильд, рад видеть тебя в здравии.

— Благодарю.

— А вот и наши дорогие гости — мэссэры Кейн Брустер и Элдор Бэнталиор Уилторс. Мне очень приятно познакомиться с вами.

Кейн хотел было ответить, но Бэн опередил его.

— Нам бы тоже было приятно, знай мы с кем говорим.

— Это легко исправить. Если вы не возражаете, я закурю. — Он взял со стола сигару со спичками и не спеша раскурил, после чего откинулся на спинку кресла. — Так вот, меня называют Меценатом, и я бы предпочел, чтобы и вы так же ко мне обращались.

— Меценат? — Бэн фыркнул. — А своё настоящее имя говорить нынче больше не в почёте?

— Понимаете, мэссэр Уилторс, ведь "меценат" — это человек, жертвующий свои средства на высокие цели, которые в свою очередь служат благому делу. Это определение очень точно меня характеризует.

— Да ну? Если вы такой хороший, то тогда может объясните, что здесь делаем мы?

— Вы? Вы здесь потому что сами сюда пришли. — Меценат перевёл взгляд на Кейна. — Мэссэр Брустер, вы до сих пор не произнесли ни слова. Что-то не так?

— Н-нет... хм... просто, — Кейн прочистил горло, — просто я не знал, что стёкла терсека можно использовать для прямой связи.

— Что ж, понимаю ваш интерес. Раньше это действительно было невозможно, но в этом нет ничего удивительного. Результаты не заставляют себя ждать, если вложить деньги в любой проект, у которого есть потенциал. У стёкол терсека он был. То, что вы сейчас видите перед собой, мы называем "Окном". Оно пока не идеально, потребляет слишком много энергии. Но мы работаем над ним и со временем устраним все слабости "окна".

— Невообразимо интересно! — вмешался Бэн. — Мы здесь для того, чтобы обсуждать окна со стёклышками? Если да, то я сваливаю. — Он указал себе за спину.

— А с чего бы вы хотели начать, мэссэр Уилторс? — губы мецената тронула лёгкая

ухмылка.

— Например с того, почему вы называете себя феладиярами? Что это значит?

— Ну, в этом нет никакого таинственного смысла, если вы об этом. Мы называем себя так в честь нашего учителя, философа Феладия Эньона, который во времена колонизации отправился на Терра Секунду вместе со своим учителем, Айем Велюсом. Ай являлся основателем Акмеи, Феладий же был его другом и сподвижником.

— Ух-тыж какая шишка. А чего ж вы тогда тут прячетесь как крысы, а не проседаете в Акмее?

— Всё просто, мэссэр Уилторс. — Меценат неторопливо сбил пепел с сигары. — Наши идеи не все разделяют, поэтому мы предпочитаем не быть у всех на виду.

— Вот мы и подошли к самому главному. — Видя вопросительный взгляд мецената, Кейн пояснил: — Мэссэр Рид говорил, что вы предложите нам идею, которая способна изменить нашу жизнь.

— И ради которой мы с радостью сдохнем, — вставил Костоправ.

— Вот оно что. — Он улыбнулся. — Идея. Действительно, если вы не будете разделять наших воззрений, то вам будет сложно найти себе место среди нас.

— И в чём же они заключаются? — спросил Кейн.

— Перед тем, как я отвечу на ваш вопрос, ответьте сначала на мой. — Меценат потянулся к графину, наполнил свой стакан и сделал маленький глоток. — В последний раз вы были в Ригаде. Я хочу попросить вас вспомнить и рассказать мне, что вы там видели.

— Ну, если не учитывать одного жирдяя, — начал Бэн, не раздумывая и не интересуясь, зачем Меценату вообще понадобилась подобная информация, — то там была куча колониальной швали, голодная кошка и воняло рыбой.

За их спинами Герильд шумно переступил с ноги на ногу и Кейн усмехнулся.

— Мне почти нечего добавить к словам Костоправа. Разве что когда пришел мэссэр Рид мы ели жареную рыбу. Моряки пили за соседним столиком... — Кейн нахмурился и задумчиво потёр лоб. — Ещё помню нищего старика, он сидел у дверей забегаловки и курил самопал. Несколько кораблей было у причала. Грузчики там же. Ну и тёмное море, естественно.

— И небо. — Брустер удивлённо посмотрел на Бэна, который всматривался в чистое, голубое небо без единого облачка за спиной Мецената. — Затянутые тьмой небеса от которых меня уже воротит.

— Всё правильно, — Меценат серьёзно кивнул. — Подведём итог — вокруг голод, нищета, упадок. Только рыбный промысел ещё позволяет держаться на плаву. Вы знали, что портовые города вне Акмеанского Альянса на пятьдесят процентов зависят от него? Голод всё чаще кажется лицом, — Бэн хмыкнул, покосившись на толстый живот стоявшего рядом Рида, — ведь ничего толком не растёт при отсутствии солнца и таком холоде. И, строго говоря, солнце-то продолжает всходить и заходить, но смог и неизвестная, повторюсь, неизвестная тьма скрывает его от нас. До сих пор ни маги ни ученые не пришли к единому мнению о том, чем же в действительности она является. И это всё в совокупности ведёт нас к различным климатическим изменениям: внезапным штормам — силу и свирепость которых вы уже успели почувствовать на себе — землетрясениям, холоду. Конечно же маги Акмеи пытаются смягчить природные условия, но это не всегда и не везде получается, потому что магические течения пребывают в хаосе и многие маги традиционной школы потеряли свой дар. Всё это приводит к тому, что люди из деревень бегут в города, где есть

еда и тепло. Именно поэтому многие так стремятся попасть в полисы Акмеанского Альянса — там легче жить. — Меценат прервался, чтобы сделать ещё один глоток из стакана, и продолжил: — В свете всего этого повсеместно, даже в самой Акмее, начали набирать популярность различные секты и группировки, которые скандируют о приближающемся конце света. Даже вычислили определённую дату. Некоторые из них просто пророчат конец всему, другие же, как например поборники Катарсиса, верят, что это начало новой эпохи.

— Я состоял в ней, — вдруг сказал Бэн и Меценат с интересом посмотрел на него. — Ну в той, что за катарсис. В Телионе. В основном они пороли всякую чушь, но мне нравилась идея того, что всё будет разрушено и возродится вновь.

Кейн был удивлён. Он не знал, что Костоправ был, кроме всего прочего, ещё и мрачным романтиком.

— Всё верно, мэссэр Уилторс. И на фоне всего перечисленного мной, становится всё труднее, несмотря на старания Акмеи, не верить в их пророчества. Не говоря уже о том, что только Рубежные Маги защищают нас от хаоса, творящегося за Пределом.

— Мэссэр Меценат, к чему вы нам всё это рассказываете?

— К тому, мэссэр Брустер, что люди не зря боятся — конец света реален. И это известно не только нам, но и многим влиятельным лицам в Акмее.

— Вы хотите сказать, что все эти байки правдивы?

— Именно, — кивнул Меценат. — Последствия войны оказались более разрушающими, чем считалось ранее. Мир погибает. Согласно нашим прогнозам, со временем количество дней без солнца будет только увеличиваться, а погодные условия становиться хуже. Уже сейчас партия милитаристов в Акмее поднимает вопрос о сужении периметра рубежных башен — благо, подобный опыт уже был. И если они победят на выборах правящей партии, это будет делом решённым.

— Но зачем сужать рубеж? — Бэн непонимающе нахмурился и почесал висок.

— На поддержание рубежа идёт огромное количество ресурсов: вечный ремонт башен в тяжелых условиях, обеспечение безопасности, бесперебойная поставка гомункулов, забота о рубежных магах и многое другое требует немалых усилий и огромных вложений. А ресурсы, увы, отныне не бесконечны.

— Поэтому проще перенести рубеж и сэкономить их, — Костоправ усмехнулся.

— Но тогда что будет включать в себя новый рубеж? Какие территории? — внезапно охрипшим голосом спросил Кейн.

— Хм, этот вопрос пока деликатно обходится стороной. — Меценат задумчиво затыкнулся и выпустил к потолку облачко густого дыма, которое постепенно растеклось по нему. — Но есть предположения, что будут выброшены все, кто не входит в Акмеанский Альянс. А это, считай, весь Гес-Вигади, включая Винтаду и Рулоф. Спасутся лишь верные Акмее, всех остальных бросят на произвол стихии. Всё-таки отношение к делексиатам уже давно является спорной точкой в акмеанском обществе. — Видя их сомнения он улыбнулся. — Конечно, вы можете не верить мне на слово, но всему сказанному мной есть подтверждение. Достаточно только изучить доклады и отчеты наших и акмеанских ученых.

Кейн недоверчиво покачал головой. Нет, не сказать, что он был так уж сильно удивлён — давно уже задумывался о том, что всё катится в пекло. Просто раньше его не ставили перед фактом, что так оно и есть.

— Спасибо за информацию конечно, — Бэн подался вперёд. — Но я пока не улавливаю в чём суть. Если вас послушать, то тогда надо быстро собирать вещи и рвать когти в

какой-нибудь городишко Альянса. Верно?

— Если рассуждать логически, то да, — согласился Меценат. — Вот только боюсь вам двоим туда путь заказан.

— Это ещё почему?

Ему ответил Кейн, внимательно смотря в лицо Меценату.

— Потому что если мы не устроим мэссэра Мецената, то нам подотрут память и мы не вспомним этого разговора, — он повернулся к Бэну. — А значит, и не узнаем, что впереди нас ждёт большой бадабум.

— Это только одна из причин, — возразил Меценат. — Вторая заключается в том, что вы объявлены вне закона, считаетесь делексиатами и нежелательными лицами в Акмеанском Альянсе. Вас спасает только то, что вы считаетесь мёртвыми.

— А можно поподробнее, — попросил Кейн, уже предчувствуя что-то очень неприятное.

— Отчего же. Я знал, что вам это будет интересно, — он посмотрел им за спины. — Герильд.

Рид вышел вперёд и протянул каждому по экземпляру газеты "Голос Велюсы", на обложке которой красовались проекции их лиц и кричащий заголовок гласил: "Скатившиеся на кровавое дно".

"Представляем вашему вниманию подробности недавней бойни, произошедшей на Яме-Винтаде и шокировавшей своей жестокостью всех без исключения жителей Колоний. Стало известно, что Кейн Брустер, бывший гражданин Акмеи, вместе с Элдором Уилторсом по кличке Костоправ, разыскиваемом в Новом Телионе за убийство престарелой женщины, сколотили преступную группировку, которая полмесяца назад захватила корабль, принадлежащий гильдии "Аэгис Материум", перебила экипаж, и с тех пор пиратствовала в море, выдавая себя за судно гильдии. К несчастью, на данном корабле перевозилась форма Эгиды, чем банда не преминула воспользоваться. Высадившись на Яме-Винтаде они, под видом уполномоченных гильдией лиц, проникли в тихий городок Винтру, где во время празднования Дня Тнилка взорвали весь городской совет вместе с десятками невинных. После этого они грабили, насиловали и убивали несчастных жителей города, а потом попытались скрыться в море. К счастью, "Аэгис Материум" вычислила предателей и отправилась в погоню. Нагнав банду, они вступили в бой и одержали победу. Выживших нет, что и не удивительно, учитывая праведный гнев солдат Эгиды, чьим именем прикрывались эти кровожадные — по другому и не скажешь — твари. Но, по счастливому (и одновременно печальному) стечению обстоятельств, накануне ужасного события в Винтру, в связи с празднованием Дня Тнилка, прибыли журналисты из Акмеи — Норэл Кринфорн и его супруга Даниэлла. Оба были зверски убиты. Их записи, к сожалению, обнаружить не удалось, но с ними был рабочий-гомункул, и именно благодаря извлеченным из него Ноктариумом воспоминаний, удалось чётко разглядеть лица людей, убивших журналистов и совершивших нападение на Винтру. И пусть убийцы не предстали перед справедливым судом, знайте — все погибшие были отомщены."

Дополнение:

Буквально перед отправкой статьи в печать стало известно, что хирурги, работающие с телами, подтвердили, что Даниэлла Кринфорн ждала ребёнка. Почтите, дорогие читатели, вместе с нами память наших павших коллег."

С каждым словом Кейн сжимал кулаки всё сильнее и сильнее, позволяя ногтям всё

глубже впиваться в ладони. Выходит, Эгида не просто попыталась их убрать — она ещё и подставила их! Сделала козлом отпущения! Твари! Подонки! Когда-нибудь Кастор Мальфит и Сиплый Фальфард поплатится за это с лихвой!

Он заставил себя посмотреть на проекцию убитой журналистки.

Даниэлла Кринфорн.

Теперь он знал её имя.

— Ну, что я могу сказать, — проговорил Бэн, закончив чтение. — Слава злодея вновь вернулась ко мне.

— Мёртвого злодея, — поправил его Герильд. — Кстати, было бы любопытно узнать, как вы выжили и добрались до Ригады?

— Это ничего не меняет. — Кейн скомкал газету и отшвырнул в сторону. Игнорируя Рида, он смотрел на Мецената. — Когда всё утрясётся, никто даже не вспомнит об этом, и мы без проблем сможем вернуться. А если мы считаемся мёртвыми, то разыскивать нас не станут.

— Особенно, если мы раздобудем поддельные документы, — добавил Бэн.

— Благодарю, Герильд. — Дождавшись, когда Рид вновь займёт своё место позади них, Меценат продолжил: — Правильно мыслите, мэссэры. И, как заинтересованное лицо, я готов предоставить вам убежище, документы и материальную поддержку.

— С чего бы это? — Кейн нахмурился. — И в обмен на что? На тело того зеркальщика?

— В том числе, — согласился Меценат. — Но в основном, в обмен на вашу преданность нашему общему делу. К тому же, для нас выгодно, что вас считают мёртвыми. Отчасти из-за этой детали мы и решили предложить вам сотрудничество.

— Тогда может быть вы объясните наконец, что это у вас за дело такое, а? Сгораю от любопытства!

— Я в этом не сомневаюсь, мэссэр Уилторс. — Даже если Меценат и был раздражен наглым тоном Костоправа, то он этого не выдал. — Айем Велюса считал, что человек и порождаемое им общество должны развиваться исключительно в ладу с окружающим миром и выработать такой строй жизни, чтобы человеку приходилось производить минимум, в идеале — нуль, воздействий на среду обитания, чтобы выжить. Суть человека, как части Природы — войти с ней в гармонию. Сохранение среды обитания в Первозданном виде — высший приоритет. В этом и кроется вся суть наших философских разногласий с акмеанцами, потому что Феладий считал, что общество не должно приспосабливаться к любым условиям внешней среды, а изменять оную посредством интеллекта и творчества — в этом суть человека, данная ему Природой. Сохранение жизни общества и его эволюция — вот настоящий высший приоритет. Ибо, как показывает наша жизнь — приспособиться к Хаосу — это безумие.

Голос мецената стал более жестким, улыбка больше не появлялась на его лице. Слегка сдвинув брови и сжав губы, он стал больше походить на старика, чем раньше.

— И поэтому все попытки Акмеи сейчас сформировать своё утопическое общество, используя установки Новой Истории и лозунги типа: "Лишь вместе мы сможем восстановить мир", ни к чему не приведут. Зная, что мир стоит на грани, они пытаются спасти всех. Конечно, их попытки достойны похвалы, но они не продуктивны и не помогут им пережить коллапс, что в итоге приведёт лишь к уничтожению людского общества как такового. А мы не можем этого допустить. — Меценат вдавил остатки сигары в пепельницу. — Именно поэтому мы все здесь, на мысе, потому что нашей общей целью является спасение общества.

Мы переживём коллапс.

— Но разве Акмея хочет не того же? — заметил с сомнением Кейн.

— Нет. Акмея хочет найти компромисс, чтобы спасти если не всех, то многих. Но горькая правда в том, что потери неизбежны. Даже если они сузят рубеж и выкинут из него Гес-Вигади, этого будет недостаточно. Мы же понимаем, что компромисса нет и большинству людей не выжить. Поэтому мы соберём лучшие умы и технологии, отберём лучших из лучших, тех, кто достоин выжить и способен возродить общество.

— Эмм... Это всё, конечно, мило, но как вы собираетесь всё это проверить, если находитесь в немилости у Акмеи? — спросил Бэн. — Судя по всему они не собираются помогать вам, верно? И если я всё правильно понял, то для того, чтобы пережить конец света, надо оказаться среди счастливиц, которые окажутся под защитой Рубежных Башен, разве не так?

Меценат улыбнулся.

— Господа, этот мыс является не просто нашим перевалочным пунктом — это наш дом, наш ковчег. Он укреплен и укрепляется до сих пор, чтобы в итоге быть защищенным от губительного влияния надвигающегося коллапса. В глубине мыса созданы искусственные фермы, благодаря которым мы не будем нуждаться в воде, пище и одежде. Именно здесь мы и переждём так называемый конец света. Согласно нашим прогнозам, через несколько десятилетий пик климатических изменений сойдёт на нет и мы сможем выйти наружу, чтобы, используя наши знания, изменить природу и подстроить её под наши потребности, дабы постепенно восстановить мир. — Он поставил опустевший стакан на стол. — И для того, чтобы всё произошло именно так, как я вам рассказал, мы вербуем людей: ученых, магов, исследователей, врачей, профессионалов в разных областях. Очень многие уже живут и работают здесь, на мысе, тогда как другие заняты выполнением своих задач в иных ячейках нашей организации. Конечно же, не обходится и без людей с военным прошлым вроде вас. Кстати, спасибо, что поделились с Герильдом деталями вашей биографии. Хм. Если помните, в самом начале нашего разговора я упомянул про имеющиеся потенциал проекты — мы стараемся быть в курсе последних разработок в технических, магифактных и прочих областях, чтобы по возможности скупать их. К слову, желающих пережить коллапс у нас достаточно, именно поэтому у нас нет недостатка в финансировании и ресурсах. Ну а если купить или завербовать обычным способом нужного человека не удаётся, или, скажем, требуется выполнить какое-либо особое поручение, то в дело вступают наши специальные группы. Собственно, возглавить одну из них я и хочу вам предложить. — Меценат сделал паузу, внимательно рассматривая их исподлобья. — Мы с вами говорили про идею, она такова — мы предлагаем вам вступить в наши ряды, спасти общество и получить возможность пережить коллапс вместе с нами.

В помещении повисло гнетущее молчание. Предложение сделано, и теперь все ждали их ответа. Только от них зависело, останутся ли они здесь или очнутся в Ригаде с провалом в памяти длиной в несколько дней.

Первым тишину нарушил Бэн.

— Я согласен. Меня всё устраивает.

Меценат кивнул и перевёл взгляд на Кейна.

— Но почему, — в горле у него пересохло и он сглотнул вязкую слюну. — Почему вы нам это предлагаете? Неужели то тело зеркальщика настолько ценно? Ведь вы могли просто заплатить нам и всё. Почему решили посвятить нас в свои планы?

— Потому что вы пережили войну, — ответил Меценат. — Хорошо зарекомендовали себя в битве с зеркальщиками. А выжить после встречи с ними непростая задача, можете мне поверить. И, как я уже говорил, вас считают мёртвыми и списали со счетов. Это нам на руку. К тому же, о вас тепло отозвался мэссэр Рид, а его чутью я доверяю. Но самое главное — вы решились придти сюда, хотя могли принять приглашение Накруша. Вместо этого вы пошли за идеей, потому что в глубине души вы всё ещё солдат, мэссэр Брустер, старый солдат борющийся за свои идеалы. Нам нужны такие люди. В вас есть потенциал.

Кейн с каждой минутой всё отчетливее понимал, как хорошо Меценат подготовился к их разговору. Он знал о них достаточно — они о нём абсолютно ничего. Но даже не это главное. Суть в том, что им только и требовалось заманить их на мыс, показать свою власть, накормить хорошей едой и дать понять, что здесь они могут обрести дом.

"Нет, есть кое-что ещё. — Кейн поднял взгляд на окно терсека. — Солнце. Мало того, что они предложили нам выжить, они ещё показали нам солнце. Они знали, что любой, кто в таких условиях увидит солнечный свет, пойдёт за феладиярами до конца".

— Хорошо, — прошептал он и, посмотрев в глаза Меценату, уже громче повторил: — Хорошо! Я тоже согласен. — Он обвёл взглядом присутствующих. — И что теперь?

Меценат поставил пустой стакан и извлёк из ящика стола новую сигару. Раскурив её, он закрыл глаза и выпустил дым из носа.

— А теперь я попрошу мэссэра Рида взять по капле вашей крови.

— Крови? — подозрительно переспросил Бэн. — Почему именно крови? Зачем?

— Потому что кровь есть кровь, мэссэр Уилторс. — Меценат открыл глаза. — Она всегда надёжнее любой подписи на бумаге или самой страшной клятвы. К тому же в случае чего по ней мы всегда сможем вас найти. Приступайте, Герильд.

Пока Рид делал им надрез на пальце и брал образцы крови в колбы, Меценат продолжал говорить.

— На нас работают специальные разведывательно-поисковые отряды — "ИСКИ" — Исследовательские Команды. Они выполняют задачи различного уровня сложности по всем Колониям. Сейчас у нас их насчитывается три, вы же станете четвёртым иском, создание которого я планировал начать уже давно. В вашем распоряжении будет всё необходимое, включая доступ к досье различных людей, из которых вы сможете подобрать себе подходящую команду. Кроме инженера-техника — его вам предоставим мы. В остальном выбор зависит от вас. Время на комплектацию и подготовку у вас будет. Что же касается командования... — он перевёл взгляд с одного на другого. — То я назначу командиром четвёртого иска Кейна Брустера. Всё-таки у него уже есть опыт командования.

Бэн смерил Брустера недовольным взглядом. Снова этого недомерка поставили во главе. Но возражать всё же не стоит — мало ли какие обязанности возлагаются на командира у феладияров. Так что пусть Дымок покомандует, а там посмотрим.

Кейн же на своё назначение никак не отреагировал.

— На этом всё. — Подвёл итог Меценат. — По всем вопросам обращайтесь к Герильду, он главный на мысе.

— Последний вопрос, мэссэр Меценат. — Как Кейн не старался, его взгляд всё равно скользнул за его спину. — Вы говорили, что Колонии погружены во мрак. Тогда почему за вашими окнами сияет солнце?

Меценат повернулся в сторону окна и несколько секунд рассматривал красивый пейзаж. — Потому что его нет, мэссэр Брустер. Этот вид не более реален, чем я сам. Врачи

рекомендовали мне мягкий климат и побольше морского воздуха — с этим проблем не возникло. Что же касается солнца... — он улыбнулся. — То говорят, деньги открывают если не все двери, то многие.

"Значит, солнце всего-лишь иллюзия" — скрыв своё разочарование, Кейн кивнул и, встав, повернулся к выходу.

— И последнее, господа. — Они обернулись. — Добро пожаловать в ряды Феладаров. Окно терсека погасло.

Глава 5.

Декста Квинта.

1.

Он тяжело привалился к скалистой стене, зажимая рукой кровоточащее плечо. Холодные струи ливня стекали по волосам, по лицу, затекали под воротник, смешивались с кровью и орошали землю. Его лихорадило, тело била крупная дрожь, зубы беспрестанно стучали, а легкие невыносимо горели от долгого бега. Увязая в грязи, он начал сползать по стене, но маленькие женские руки подхватили его, не давая упасть. Звук рвущейся ткани, боль в стянутом плече и тихий, едва слышный шепот:

— Ничего-ничего... потерпи... недолго осталось... скоро выберемся...

Он поднял взгляд, чтобы разглядеть говорившего, но несмотря на все попытки видел только размытый образ. Постепенно в голове нарастал гул, который взорвался в его голове нестерпимой болью и всё потонуло в зелено-синем сиянии...

2.

Схватившись за раскальвающуюся голову, Кейн пришел в себя. Из глаз текли слёзы, воздуха не хватало, а сердце готово было проломить грудную клетку. Перед внутренним взором мелькали какие-то образы, звучали обрывки слов, но попытка ухватиться за них тут же прерывалась очередной волной сильной боли, от которой создавалось ощущение, будто его череп наживую вскрыли и сжали мозг ледяными пальцами. Лишь когда образы погасли, боль отступила и приступ прекратился. Едва дыша, он смог перевернуться на спину. Смотря в потолок слезящимися глазами, он почувствовал солоноватый привкус и, вытерев лицо ладонью, посмотрел на неё.

Так и есть. Кровь.

Его нос был забит ею, также как и уши. Хороша картина — новоявленный командир валяется на полу своей комнаты весь в кровище. Просто великолепно.

Готовый к новым приступам головокружения, Брустер медленно поднялся на ноги. Его опасения оказались напрасны и он без происшествий добрался до стола и сел на скрипнувший стул. Переведя дух, взял со стола тряпку и вытер с лица кровь, при этом старался не смотреть на раскиданные по столешнице бумаги и табулы.

За те пять дней, что они находились на мысе, это был уже третий приступ. Посмотрев на окровавленную тряпицу в руках, он поморщился. Пока что ему удавалось держать всё в тайне, но если это произойдёт на людях, кто знает, чем всё обернётся. Кому нужен припадочный разведчик?

Он бросил тряпицу на пол. Лекари тут хорошие, наверное, они могли бы сказать, что с ним не так. Но этот вариант отпадает — не хватало ещё, чтобы о его слабости узнали. К тому же, ему было точно известно, что вызывает эти припадки.

Кейн взял один из листов и пробежался по нему глазами.

Во всем виноваты они, эти бумаги. Они будоражат его воспоминания, которых нет. Почему-то его мозг пытается сопротивляться, не давая возможности заполнить белые пятна. И когда Кейн становится слишком настойчив, это приводит к приступу. Но хоть одно радует — пока что он не расшиб себе голову и не откусил язык, падая в конвульсиях. Да и теперь он быстрее приходит в себя и помнит хоть что-то: обрывки образов, слов, звуков, прикосновений. Пока что он не может связать их воедино, но это дело времени.

Склонившись над бумагами, он ещё раз перечитал то, что ввергло его в новый припадок: "... Тонред Байлетс, член четвёртой бригады диверсионного отдела колониальной контрразведки под командованием командира Кейна Брустера, был представлен к высшим воинским наградам, которые были тайно вручены ему и другим отличившимся участникам Колониальной войны..."

Кейн усмехнулся, потирая переносицу. Вручили награды, как же! Их символично дали подержать в руках и снова забрали у тех, кто выразил желание остаться в Акмее. Всё, что имело отношение к старому миру и расходилось с установками новой истории, не имело права на существование. А это вручение наград было инициативой ещё существовавшего на то время Объединённого Коалиционного Командования Колоний — ОККК. Кейн помнил что за своими наградами он так и не явился. Хотя, может быть, он получил их (как и многие другие) прямо на фронте, а затем благополучно потерял, или, что более вероятно, пропил. Не велика потеря — не получить награду за убийства, даже если ты совершил их, защищая Родину. Хотя раньше, очевидно, до гибели семьи, он дорожил своей репутацией и стремился к наградам. Что-то заставило его изменить свои взгляды и Брустер сомневался, что дело тут только в том, что он потерял семью. Было что-то ещё. Нахмурившись, Кейн вернулся к чтению:

"...был особо отмечен за свой неоценимый вклад в кампании при Рулофе. В силу прошлых заслуг мэссэру Байлетсу было предложено войти в состав Акмеанской Военной Разведки (АВР), но..."

На этом запись заканчивалась и Кейн взял новый лист протокола.

"...после вручения наград Тонред Байлетс покинул Акмею и более в городах Акмеанского Альянса замечен не был."

Вот и всё. Здесь было лишь окончание предложения и перечень наград за подписями командования. Кейн вытер тыльной стороной ладони вытекшую из носа струйку крови. Прочитав протокол можно было успокоиться и начать искать Байлетса где-нибудь в Накруше, вот только последний лист был липой. Кейн взял предыдущую бумагу и внимательно посмотрел сначала на один, потом на другой документ. К самой бумаге было не подкопаться, она был идентична другим документам того времени и на ней не было следов искусственного старения. А вот чернила явно были свежее бумаги. Но даже не это привлекло его внимание, а другая деталь.

Имя. Имя и фамилия.

Карнантон Максайт.

Кейн задумчиво провел по имени пальцами. Один из руководителей ОККК, раньше был главой Винтадской разведки. Но когда Кейн пацаном попал в корпус на обучение, он был одним из учителей. А если быть точнее, то он был его непосредственным наставником. Он выбил из Кейна много дури и, по большей степени, именно благодаря ему он не только стал разведчиком, но и вообще получил такую возможность — ему было шестнадцать и он уже год как служил в винтадской армии, трудясь в поте лица. Его рвение заметил и оценил

Максайт, после чего рискнул, взял под своё крыло и лично тренировал. И когда Карнантона повысили до главы разведки, он рискнул ещё раз, сделав Кейна командиром четвёртой бригады. И всё бы ничего, да вот только старик не мог поставить свою подпись, потому что был к тому времени мёртв — захлебнулся блевотиной, когда напился в честь окончания войны по дороге домой. Какая нелепость — пережить войну, чтобы так глупо умереть. Скорее всего Максайт написал список тех, кого следует представить к награде, поэтому кто-то и решил, что он присутствовал на вручении. Маленький недочёт. Видимо, не смертельный, раз его оставили.

Кейн откинулся на спинку стула и спрятал лицо в ладонях.

Выходит, Байлетс мог согласиться на работу в АВР. Да скорее всего не мог, а согласился, если вспомнить тот разговор, который всплыл в его памяти когда он тонул. У Тонреда была семья, к тому же он разделял стремления Акмеи, так что причин не принять приглашения Кейн не видел. А это значит, что Байлетс скорее всего в АВР и найти его будет сложновато.

Брустер убрал руки от лица и окинул оценивающим взглядом кипу просмотренных бумаг и подумал, что всё не так уж и плохо — ведь имея доступ к ресурсам феладаров, есть возможность найти что угодно. Например, ему уже известно, что когда он натывается на информацию по Байлетсу, Рулофскому блицу или любым событиям, связанным с четвёртой бригадой диверсионного отдела колонистов, которым он когда-то командовал, то тут же обнаруживается провал в памяти и это приводит к приступу. Первый припадок случился с ним в первый же день, когда он стал изучать информацию по Рулофу. По нему вообще сплошное белое пятно. Хотя нет, не белое — зелено-синее, если это имеет какое-то значение. Второй припадок произошел, когда он рылся в списке входящих в четвёртую бригаду. Причём не один даже, а два. И в первом числился Тонред Байлетс.

— Кто же ты такой, — пробормотал себе под нос Кейн, сцепив руки на животе и покачиваясь на стуле.

Именно когда он нашёл протокол по вручению наград Тону, его свалил очередной приступ. Вернее, когда он прочёл про Максайта — до этого Брустер о нём не помнил, также как и вообще о службе непосредственно герцогу Винтадскому. Можно сказать, что он забыл обо всём, чему его учили, и в памяти остались лишь жалкие обрывки, по которым его вряд ли можно было вообще назвать "разведчиком". Но память постепенно восстанавливается, и это радует. Остаётся только надеется, что эти приступы сами по себе не опасны и не убивают его каждый раз, когда происходят. Во всяком случае, теперь у него есть зацепка и, что не менее важно, есть ресурсы феладаров — без них он бы не раздобыл все эти документы. Кстати о ресурсах.

Кейн взял отложенные на угол стола папки.

Из тех досье, что ему предоставили для формирования членов четвёртого ИСКа, большая часть либо мертва, либо убога до безобразия. Но несколько персон он всё же отобрал. К счастью, свою четвёртую бригаду он формировал сам, поэтому знал, кто нужен для эффективной команды.

Кейн замер.

А вот и новая деталь, доставшаяся ему без припадка — он сам собирал свою команду. И скорее всего речь идёт о первом списке. Но почему тогда появился второй? Что случилось с членами первого? К сожалению, данных ни о ком, кроме Байлетса, он найти так и не смог. Ладно, возьмём на заметку.

Вернув папки на место, он собрал все остальные документы и табулы, которые тут же

оттянули ему руки своей тяжестью. Выпрямившись, поморщился от ноющей боли в груди — всё-таки сломанные ребра ещё дают о себе знать. Но, в основном, местные лекари и хороший отдых сделали своё дело, так что даже несмотря на приступы он чувствовал себя вполне сносно. Поправив кипу бумаг, Брустер покинул комнату.

Вернее, не совсем обычную "комнату".

Их, как и большинство жителей мыса, поселили в вырубленные в скале помещения. Внутри было весьма уютно: всё обшили досками, провели свет, поставили немного мебели. Как узнал Кейн, таких одиночек как он и Бэн селили в однокомнатные, а тем, кто был с семьями, выдавали "жильё" попросторнее. В самом же городке в основном жили особо незаменимые люди, которые всегда должны были быть под рукой — так называемые основатели мыса, наподобие Рида.

Кейн остановился у перил второго сектора и бросил взгляд вниз. Жители мыса уже вовсю бегали по своим делам, почти на каждом шагу здороваясь со знакомыми и обмениваясь парой-тройкой слов. Смотря на них Кейн не переставал удивляться — неужели ещё осталось место, где люди могут вот так вот, спокойно и дружелюбно, жить друг с другом? Но феладии действительно жили и работали душа в душу. Этакая маленькая деревня, где все всё друг о друге знают и готовы прийти на помощь в любой момент. За это время Брустер понял, что дело тут не только в том, что они вынуждены уживаться друг с другом, как в Акмее. Нет, просто, как и говорил Меценат, их всех объединяет единая идея, цель, к которой они все стремятся. Действительно, мыс был домом для многих. Одна большая дружная семья, в которую их приняли.

— Брустер! Чего замер, как истукан?! — Кейн поискал глазами кричавшего и увидел отделившегося от толпы плотников старика Рипла. Они уже который день приводили в порядок новый корабль, которым Рипл не переставал бахваляться, когда они сидели за кружкой горячего. — Тащи свою задницу сюда! Разговор есть.

Кейн приподнял над перилами свою ношу и прокричал в ответ:

— Я сейчас в хранилище! Давай позже?

— Якорем тебе по лбу, а не позже! После хранилища хватай пойло и дуй сюда!

— Ну как скажешь. — Более не задерживаясь, Брустер отправился в хранилище.

Хранилищем тут называли склад в глубине мыса, в котором не было ничего кроме книг и документов. Этакая библиотека. Когда Кейн впервые увидел массивные ряды стеллажей, плотно заставленных книгами и тянувшихся покуда хватало глаз, то невольно подумал, что Хельмуту Кромбергу тут бы понравилось.

Как только он переступил порог хранилища, его тут же приветливо окликнули:

— Здравия желаю, командир!

Кейн бросил взгляд на вытянувшегося по стойке смирно пацана лет шестнадцати, с явно большой для него фуражкой с коротким козырьком на голове.

— И тебе не хворать, Джет. — Он прошел к его столу и поставил на него принесённые бумаги. — Вот, с этим закончил, так что можешь вернуть на место.

— Ну вы прям умник, — уважительно произнёс Джетри. — Другие командиры так долго в бумагах сроду не копались.

— У каждого свой подход. Кстати, у тебя случаем нет списка этих самых командиров?

Джет в ответ извиняюще покачал головой.

— Извините конечно, кэп, но вы не у того о таких вещах спрашиваете. К секретным данным нам путь закрыт. Да что там, если нам вообще не положено говорить с кем-то о

других командирах. Это типа эта, как его. — Он пощёлкал пальцами. — А, точно, конспирация!

— Ну да, нам Рид тоже говорил что-то в том же духе. — Только сейчас Кейн заметил, что поглаживает обрубок мизинца на левой руке. Чёрт, это уже становится привычкой. — По Рулофу-то больше ничего не нашёл?

— Неа, пока глухо. А вам это вообще зачем? Там же вроде всё просто — побили имперцев и все дела.

— Военная тайна. — Кейн схватился за козырёк его фуражки и натянул ему на глаза. — Тебе фуражка-то не большая? Может, новая нужна?

— Не. — Джет аккуратно поправил козырёк. — Это отцовская, мне её мама передала.

— Аа. — Кейн вновь потёр мизинец. — Ну ладно, пойду я. И это, — он кивнул в сторону принесённых бумаг и табул, — спасибо за эту макулатуру. Если что ещё нароешь, дай знать.

— Само собой, кэп. — Джет отдал ему честь.

Улыбнувшись в ответ и коснувшись двумя пальцами виска, Кейн вышел из хранилища и направился к столовым. Было непривычно, что по дороге с ним здороваются те, кто его уже знает. Создавалось впечатление, что все они старые добрые друзья. А ведь он проработал в Акмее пятнадцать лет и за всё это время не обзавёлся даже друзьями, если конечно не считать Дрэмма. Хотя можно ли было назвать его другом? Кейн сильно в этом сомневался.

Столовые находились на окраине городка и занимали здание человек на триста. Кормили там в основном рыбой, но за все пять дней повара умудрились ни разу не повториться в её приготовлении. Кроме рыбы подавали овощи, каши и супы, редко мясо, ещё реже фрукты. Но тем не менее рацион здесь был побогаче, чем в Акмее или Ригаде. Многие в колониях не видят даже такой пищи, так что тут, можно сказать, кормили на убой. Особенно радовало наличие сладостей, ставших редким гостем на столе у рядовой семьи.

Зайдя внутрь, на него обрушился нестройный шум множества голосов, перемешанный с аппетитными ароматами. Сглотнув слюну, Кейн направился к третьему окну выдачи и опёрся о него.

— Талиточка, крошка, я по тебе уже соскучился! — он улыбнулся молодой рыжеволосой девушке, которая до его прихода скучающе обводила взглядом столовую, положив на руки подбородок. Обернувшись к нему, она тут же оживилась.

— Командир Брустер, какой сюрприз! — Талита кокетливо склонила голову набок. — Специально подгадываете время моего дежурства?

— А ты догадливая, — Кейн усмехнулся и подмигнул. — Тебе бы вместо меня в разведке работать. Что сегодня наготовили твои золотые ручки? Порадуй старичка.

— Будет вам! Вы мужчина в самом расцвете лет. — На мгновение отведя глаза, она поправила причёску. — Сегодня у нас гречка с подливкой и мясом, салат из квашенной капусты, — она сделала паузу и посмотрела на него, — и сладкие булочки с изюмом.

— От булочек я бы не отказался. — Он невольно облизнул губы и опустил взгляд на её упругую грудь, черты которой не могли скрыть платье с накинутым фартуком. Вновь посмотрев ей в глаза, он добавил: — Но предпочитаю есть сладкое на ночь, так намного приятнее. Оставишь для меня парочку?

Улыбнувшись, девушка чуть прикусила нижнюю губку.

— Приберегу конечно! Могу даже занести их вам сегодня вечером в комнату, если хотите...

Кейн слегка вскинул брови. Надо же, сегодня Талита прям в отличном настроении. Грех этим не воспользоваться. Улыбнувшись самой милой улыбкой, на которую только был способен, Кейн ответил:

— О, это было бы просто замечательно! Буду с нетерпением ждать вечера. — Тут же состроив грустное лицо, он печально вздохнул. — К сожалению, придётся тебя покинуть и даже не взять еды — Риплу что-то край как от меня понадобилось. Не выделишь мне две бутылочки винтажки? Ты же знаешь, его лучше задобрить, а то будет ворчать как бабулька на выданье.

Девушка хихикнула в кулачѐк.

— О да, он может! Я сейчас. — Сбегав в кладовые, она вскоре вернулась с двумя бутылками и передала их Кейну. — Вот. И ещё кусочек шоколада.

— Огромнейшее спасибо! Талита, ты просто прелесть! — засунув бутылки в карман и взяв шоколадку, он с благодарностью добавил: — Я у тебя в долгу.

— Вечером рассчитаетесь, командир, — ответила девушка, едва заметно подмигнув ему.

— Тогда до вечера, красавица.

Развернув шоколадку и засунув её за щеку, Кейн в приподнятом настроении направился к выходу. Помнится, именно Тонред научил его в первую очередь наводить мосты с кухней — так и порция в тарелке будет побольше, и будет чем промочить горло при надобности. Так и повелось от самой службы у Герцога Винтадского.

Голова вдруг вновь начала болеть и перед глазами всё поплыло. Резко остановившись, Кейн опёрся о рядом стоящий стол и принялся массировать глаза, пытаясь снять напряжение и побороть головокружение. Из носа снова пошла кровь. Зажав его, он запрокинул голову. Так выходит, они с Байлетсом были знакомы аж со службы у герцога? Может быть даже Максайт был наставником у них обоих. Интересно, а не сохранились ли списки его учеников? Нужно будет узнать у Рида, сможет ли он предоставить эту информацию.

Когда головокружение прошло, Кейн покинул столовые.

3.

— Ба! Брустер, кто тебе хлебало-то расквасил? — Рипл взял протянутые ему Кейном бутылки с винтажкой и посторонился, пропуская к воде.

— Никто. — Кейн зачерпнул холодной воды и смыл с лица кровь. — Сама пошла. Но за заботу спасибо.

Валео хмыкнул и вернул одну из бутылок. Открыв её, Кейн сел рядом с ним на скамью и сделал глоток. Что ни говори, а было приятно вот так вот сесть и расслабиться, потягивая винтажку и смотря на дрейфующие в бухте корабли. Особенно притягивал взгляд новый трехмачтовый фрегат, на который сегодня закончили крепить паруса и прочие снасти, в которых Кейн мало разбирался. А спрашивать у Рипла желания не было — недавно он сделал такую глупость и повёрнутый на кораблях Валео во всех деталях и на наглядном примере объяснял ему особенности чуть ли не каждого стоящего у причала судна. Заткнуть его смогло только изрядное количество спиртного. Но с тех пор Рипл относился к нему по дружески, даже устроил экскурсию по мысу, показав большой госпиталь, оружейную, библиотеку, научный отдел и многое другое. Надо отметить, что в какой-бы коллектив они не приходили — будь то лекари, инженеры или плотники — везде царила дружеская атмосфера.

— Как ты можешь пить эту кислятину? — Валео скривился. — Лучше бы эля притащил или браги какой.

— Ты и с винтажки в прошлый раз отлично нализался.

— Ну, это да. — Корабельщик ткнул его локтем и спросил, указывая горлышком бутылки на фрегат: — Как тебе эта красotka?

Кейн вновь посмотрел на корабль оценивающим взглядом.

— Хорош, ничего не скажешь. Как новенький.

— А так и есть, сожри меня черви! Несколько дней как с верфи! Потом на мыс подтянули и уже здесь заканчивали. Считай, ни разу не "ходившая" малютка!

Кейн с сомнением покосился на фрегат — уж на что, а на малютку он точно не тянул. Но спорить со стариком, любовно сравнивающим корабли с женщинами, не стал, лишь кивнув в ответ.

— Красавец. — Кейн отхлебнул из бутылки. — И для кого его приготовили?

Рипл усмехнулся и закинул ему руку на плечо.

— Эта малышка прибыла сюда специально для тебя, Брустер. Этот корабль будет служить четвёртому ИСКУ, а так как ты командир, то он фактически считается твоим.

Валео не без удовольствия наблюдал за его реакцией. Сначала Кейн непонимающе смотрел на него, а потом, переведя взгляд на фрегат, начал постепенно понимать смысл сказанного.

— Да ты брешешь! — вырвалось у него и Рипл довольно рассмеялся. — Бездна! Да я даже не думал, что нам выделяют целый корабль! Да ещё и с иголочки!

— Ты ж теперь тоже феладиярец, а для своих ничего не жалко.

— Во бездна, — Кейн хмуро потёр лоб. — А с командой-то что? Это мне заново личные

дела перебирать?

— Расслабься, команда поставляется в комплекте с кораблём. А вот капитана лучше подобрать своего, тёртого. А то я знаю того, которого вам выделили. Не дорос он ещё до штурвала, вот тебе моё мнение.

Кейн задумчиво покрутил в руках полупустую бутылку. Похоже, планы у Мецената на них самые что ни на есть серьёзные. Новенький корабль стоит немалых денег, также как и команда. Помнится, феладарский лидер что-то говорил про то, что желающих пережить коллапс у них много и поэтому с финансированием проблем нет. Видимо, одному из таких желающих принадлежит как минимум судостроительная верфь. Хотя, в принципе, ему нет дела до того, что, от кого и откуда поставляет — главное теперь качественно выполнять свою работу, чтобы не потерять доверие феладаров. Как только что сказал Рипл, он теперь один из них. К тому же это в его собственных интересах.

Валео, делая очередной глоток, вспомнил что-то ещё.

— М, кстати, сходи-ка ты к выходу с мыса, а я тебя тут подожду. — Кейн вопросительно посмотрел на него и он с усмешкой кивнул ему за спину. — Чего глазеешь? Иди, иди давай!

Кейн нахмурился, но всё же встал и пошел. Сначала он подумал, что надо всего лишь пройти до конца пристани, но оказалось, что дорога вела дальше и выводила на специальную дорожку, тянувшуюся вдоль стены. Пройдя по ней, можно было пройти до самого выхода с мыса. Этот путь не был освещён, поэтому, когда они приплыли, он его и не заметил. Скорее всего такая же дорога есть и с другой стороны. А когда Брустер увидел замаскированные пушки, то сразу же всё понял — те, кто попадает на мыс, не могут заметить охрану до тех пор, пока глаза не привыкнут к полумраку, а за это время пушки успеют потопить незваных гостей. К тому же, когда впервые проходишь через завесу, то взгляд сразу же привлекает освещённый город впереди, а никак не тёмные стены.

Миновав посты охраны, Кейн приблизился к выходу с мыса и с удивлением отметил, что дорога не обрывается, а идёт дальше, наружу. Из-за завесы казалось, что за ней сейчас властвует ночь, хотя уже было давно за полдень. Перед тем, как пройти сквозь завесу, он невольно сделал глубокий вдох и задержал дыхание, как перед нырком в воду.

От внезапно ударившего в глаза яркого света Кейн зажмурился и прикрыл лицо рукой. Часто моргая, словно крот выбравшийся из своей норы, он наконец привык к окружающим его ослепительным краскам и смог увидеть...

Солнце!

Его сердце забилось быстрее.

Солнце сияло в небесах, заливая всё вокруг своим светом. Море искрилось под его лучами, а рыба всплывала на поверхность, чтобы сверкнуть чешуёй. И небо! Небо было таким ярко голубым и девственно чистым, без единого облачка, что Кейн закрыл слезящиеся глаза и подставил тёплым ласковым лучам своё лицо, жадно наслаждаясь каждым мгновением и боясь, что всё это исчезнет, подобно миражу. До этого он и не предполагал, что так сильно соскучился по солнечному свету. Увидеть солнце через окно терсека это одно, но сейчас, стоя под ним и видя его, хотелось закричать от переполнявших сознание эмоций. Наверное он бы так и сделал — заорал что есть силы, но не мог этого сделать, потому что воздуха катастрофически не хватало.

Нет ничего удивительного, что поглощённый открывшейся ему картиной, он не заметил одинокую фигуру сидящего на площадке человека, привалившегося спиной к скале.

— Божественное великолепие, не правда ли?

Кейн вздрогнул и обернулся, но из-за бликов в глазах не сразу смог разглядеть говорившего. Когда он понял, что перед ним Костоправ, то подошел к нему и присел рядом. Достав из кармана пачку папирос, извлёк одну и с удовольствием закурил, а бутылку винтажки отдал Бэну.

— Ты прав, действительно великолепно, — ответил Кейн, одновременно выдыхая сигаретный дым. — Давно ты тут?

— С самого утра. Внутри-то мне делать нечего, вот и прихожу сюда. Тут красиво. — Бэн отхлебнул из бутылки и указал рукой на небо. — Особенно сегодня.

Брустер согласно кивнул и сделал новую затяжку.

— А в общем тебе здесь как?

— Не очень. Все чо-то лыбятся, болтают, довольные до усрачки. А имперцы, которые тут живут, ручкаются с колонистами как будто с роднёй. До того отвратительно, что аж блевать тянет. А так, конечно, кормят тут неплохо, да и выпивку раздобыть можно.

— Понятно. Уже видел наш корабль?

— А как же. — Бэн поднял рядом лежащий камешек и швырнул его в море. — Я уже дня три как в курсе, что они нам корабль пригнали. Это ты всё в бумажках роешься и ничего не знаешь, — он покосился на него. — Видок кстати у тебя замогильный: мешки под красными глазами, кашляешь, в ушах кровь запёкшаяся, — Кейн тут же поковырял пальцем в ухе и выскреб кровяную корочку, — да и сосуды у носа сеткой пошли. Ты, конечно, живучий ублюдок, документы тебя не убьют, но вот тебе мой совет как лекаря — проверился бы ты тщательней, а то сдохнешь бесславно. То-то будет умора.

— Умеешь ты поднять настроение, ничего не скажешь. — Кейн отбросил окурочек. — Кстати, давно хотел спросить, ты участвовал в Рулофском блице?

Костоправ разом подобрался и насторожился.

— Ну, было дело. И что?

— Ничего особенного, просто мне важно узнать, что ты помнишь. Ну из того, что там произошло.

— Да ничего особенного я тебе не расскажу, — буркнул Бэн и зашвырнул опустевшую бутылку как можно дальше в море. — Высадились, попали в вашу засаду, схватились. Ну а потом вы своим заклом пальнули и всех вырубил. — Костоправ передёрнул плечами. — Я когда проснулся после этого, равнодушие такое было, что уже ни драться, ни защищаться, да и вообще ничего не хотелось. Дня два в таком состоянии был, не меньше. Поэтому меня и скрутили, а потом в плену на Эг-Вигади сидел, пока меня не реабилитировали. Вот и всё, больше рассказывать нечего.

— Погоди, ты что-то путаешь, — Кейн нахмурился. — Я читал, что это ваши имперские маги своё заклинание с поводка спустили, а ты говоришь, что это мы были?

— Да мне плевать кто его спустил, — огрызнулся Бэн. — Сути это не меняет — мы проиграли, вы выиграли. На этом всё.

Кейн не стал спорить и замолчал. Выходит, у каждого своя трактовка этих событий. Но неужели никто не посвятил этому должного внимания? Хотя в этом нет ничего удивительного, если учитывать политику новой истории, проводимую Акмеей.

— Какое фантастическое зрелище! — вдруг раздался восторженный восклик и они повернулись к вышедшему на площадку Герильду, который, уперев руки в бока и выпятив живот, любовался ярким солнцем. — Вы не находите?

— Находим, — ответил за них обоих Кейн. — Вот только странно, что им наслаждаемся

только мы. Создаётся ощущение, что остальным не надоело жить впотьмах.

— О, насчёт этого не волнуйтесь! Просто это не единственная площадка, с которой можно лицезреть здешние красоты.

— Тоже мне, красота. — Бэн скривился так, словно ему в рот попала кислота.

На лице Рида заиграла довольная улыбка.

— А кстати, вы уже видели ваш...

— Корабль, — раздраженно прервал его Костоправ. — Да, мы видели. И следующий, кто задаст мне этот вопрос, распрощается со своей идиотской улыбкой.

— А... Ну, а как вы его назовёте?

— Назовём? — вяло переспросил Кейн. — А это обязательно?

— Ну если вы не хотите, чтобы Рипл вас живьём съел, то лучше назвать. Не зря ведь говорят — "как корабль назовёшь, так он и поплывёт". Есть идеи?

Кейн пожал плечами и лениво осмотрелся. Ничего особенного в припекаемую солнцем голову не шло и он, прищурившись, вновь посмотрел на небо. И тут его осенило.

— Герильд, сколько дней без солнца мы провели?

Рид на несколько минут задумался, подсчитывая.

— В общей сложности сорок девять... нет, вру. Пятьдесят дней.

— Значит, пятьдесят, — пробормотал Кейн. — Эй, Костоправ, как на вашем имперском будет "полтина"?

Бэн покосился на него и нехотя ответил.

— Полтина? Дексталия куинтас.

— Как-как? Декста квинта? — повторил Кейн и улыбнулся. — Ну вот так и назовём — "Декста Квинта".

Костоправ дёрнул щекой, но поправлять Брустера не стал.

— А что, в этом что-то есть, — задумчиво проговорил Рид. — Пойду, внесу название в документы и скажу Валео, чтобы приготовил краску.

— Подожди, — Кейн нехотя поднялся, — я с тобой.

Бросив последний взгляд на лучезарное солнце, они с Герильдом скрылись за завесой.

4.

Проводив их взглядом, Элдор вновь принялся швырять в море мелкие камешки и думать о своём. Конечно, он не был в восторге от феладаров, но перспективы от работы на них были огромны. Деньги, корабль, надёжная крыша — всё это теперь у него есть. Но самое главное, он наконец-то смог понять, чего он хочет.

Бэн поднялся на ноги и подошел к самому краю площадки. Запрокинув голову к небу, он не мигая смотрел на яркое солнце. Черты его лица неуловимо изменились, щёки ввалились, появились морщины, а глубоко запавшие глаза стали глазами старика.

Впервые за долгое время у него наконец-то вновь появилась чёткая цель в жизни. Достойная цель, ради которой не жалко даже потерять душу, не говоря уже о жизни.

Плотно сжатые губы разошлись в безумной улыбке, а в глазах засияло пламя далёких огней.

Он переживёт коллапс и возродит Империю на руинах старого мира!

Эпилог.

За плотно закрытой дверью раздавались жуткие звуки рычания и хруста костей.

Залитая кровью комната, временами озаряемая ярким огненным сиянием.

Лежащее на полу тело, сотрясаемое судорогами.

На его спине загорается тонкая вязь символов, складывающаяся в таинственный узор, едва проглядываемый сквозь ткань дымящейся сорочки.

Короткая вспышка — и рубашку охватывает яростное пламя.

Неистовый крик сливается с хриплым бульканьем. Тело извивается в агонии.

Когда всё прекратилось, наступила звенящая тишина, прерываемая лишь шипением горячей плоти.

Он медленно поднимается на ноги, покачиваясь из стороны в сторону. Правая рука плетью болтается вдоль изувеченного тела.

Остатки тлеющей сорочки сползают на пол.

На обгоревшей спине и груди сияет огненный рисунок расправившего крылья феникса.

Покрытые сеткой лопнувших сосудов глаза пылают ненавистью. Из разорванной гортани раздаётся утробное рычание:

— Бруустеерр!..

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ.

Больше книг на сайте — Knigolub.net